

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
8 октября 2025 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2025)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Защита права собственности и других вещных прав

1. При разрешении спора в отношении земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, суду следует установить, к чьим полномочиям относится распоряжение этим земельным участком и какой орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо муниципального образования вправе предъявлять требования в отношении данного земельного участка.

При совершении последующих сделок с предоставленным гражданину земельным участком требования публично-правового образования о возврате этого участка подлежат разрешению на основании статьи 301 Гражданского кодекса Российской Федерации с соблюдением положений о защите прав добросовестного приобретателя. По отношению к последующему приобретателю такие требования не могут быть удовлетворены путем признания права отсутствующим или аннулирования записей о праве в ЕГРН.

Министерство имущественных и земельных отношений Республики Ингушетия (далее – министерство) обратилось в суд с иском к муниципальному образованию и ряду граждан, в том числе и к Ц., о признании недействительным в части постановления администрации муниципального образования «Городской округ город Сунжа» (далее – администрация) от 6 декабря 2018 г. № 494 «О выделении однократно бесплатно в собственность гражданам муниципального образования «Городской округ город Сунжа» земельных участков для индивидуального жилищного строительства» и о признании отсутствующим права собственности на земельные участки.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Суд признал недействительным указанное постановление администрации в части выделения определенных земельных участков. Признаны недействительными в силу ничтожности договоры купли-продажи

земельных участков с применением последствий ничтожности сделок. Признано отсутствующим право собственности и аннулированы записи о государственной регистрации прав в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество (далее – ЕГРН) ряда граждан, в том числе и Ц.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала, что судами при разрешении спора о земельном участке, выделенном Ц., допущены существенные нарушения норм материального права, которые привели к неправильному разрешению спора.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка в том числе инвалидов, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (части 1 и 2 статьи 7).

Государственная поддержка указанных категорий граждан включает в себя также меры по обеспечению жилищных условий.

Согласно подпункту 7 статьи 39⁵ ЗК РФ предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в собственность бесплатно на основании решения уполномоченного органа осуществляется в случае предоставления земельного участка отдельным категориям граждан в случаях, предусмотренных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

В пункте 4 части 4 статьи 23 Закона Республики Ингушетия от 14 декабря 2007 г. № 50-РЗ «О регулировании земельных отношений» (в редакции, действовавшей на момент начала спорных отношений) предусмотрено, что в Республике Ингушетия земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства, индивидуального жилищного строительства или садоводства (по выбору гражданина) предоставляются бесплатно однократно определенным категориям граждан, постоянно проживающим на ее территории, в частности гражданам, признанным в установленном порядке малоимущими и нуждающимися в улучшении жилищных условий, в случае отсутствия у них другого земельного участка, выделенного для жилищного строительства.

В развитие названного закона решением Городского совета депутатов муниципального образования «Городской округ город Сунжа» (далее также – МО «Городской округ город Сунжа») от 25 октября 2017 г. № 10/2-1 утверждено Положение о порядке организации учета граждан, имеющих право на приобретение земельных участков для индивидуального жилищного строительства однократно бесплатно в собственность, и предоставления

им данных земельных участков на территории МО «Городской округ город Сунжа».

Как установлено судом, Ц. обратилась в администрацию с заявлениями от 30 ноября 2018 г. о постановке на учет и предоставлении однократно бесплатно в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства, указав, что является малоимущей, имеющей право на получение участка, и о включении семьи в список малоимущих (малообеспеченных) семей. По результатам рассмотрения заявлений распоряжением администрации от 26 августа 2019 г. № 343 утверждена схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории.

На основании постановления администрации от 6 декабря 2018 г. № 494 «О выделении однократно бесплатно в собственность гражданам МО «Городской округ город Сунжа» земельных участков для индивидуального жилищного строительства» Ц. выделен участок площадью 600 кв. м, право собственности на объект зарегистрировано 21 ноября 2019 г.

Согласно сведениям ЕГРН земельный участок поставлен на кадастровый учет 12 ноября 2019 г., ему присвоена категория земель «земли населенных пунктов» с видом разрешенного использования «для индивидуальной жилой застройки».

На основании договора купли-продажи от 17 марта 2020 г. Ц. продала данный земельный участок Л., которая впоследствии по договору купли-продажи от 8 декабря 2020 г. продала его А., который, в свою очередь, продал его Т. по договору купли-продажи от 18 октября 2022 г. Право собственности Т. на спорный земельный участок зарегистрировано 24 октября 2022 г.

Удовлетворяя иски в отношении земельного участка, предоставленного Ц., суд формально сослался на то, что она не была включена в список лиц, признанных малоимущими и нуждающимися в улучшении жилищных условий. При этом с учетом того, что в материалах дела имелись заявления Ц. о включении ее семьи в названный выше список, наличие таких оснований подлежало установлению судом.

В нарушение требований части 2 статьи 56 ГПК РФ судебные инстанции допустили формальное применение нормы права без оценки всех юридически значимых обстоятельств, не разрешив вопроса о наличии или об отсутствии у Ц. в действительности такого права. При этом судом не дано оценки и тому, установлена ли законом очередность предоставления земельных участков названной категории лиц и нарушены ли предоставлением земельного участка Ц. чьи-либо права.

Кроме того, по данному делу судом удовлетворены требования органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в отношении земельного участка, государственная собственность на который не разграничена.

Как установлено судом, земельный участок, государственная собственность на который не разграничена, предоставлен Ц. органом

местного самоуправления, а иск предъявлен органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Согласно пункту 2 статьи 3³ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, – федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 4 указанной статьи исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, уполномоченные на предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, также являются органами, уполномоченными на заключение в отношении таких земельных участков договора мены, соглашения об установлении сервитута, соглашения о перераспределении земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на принятие решений о перераспределении земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, и на выдачу разрешения на использование земель и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации.

С учетом изложенного суду надлежало проверить наличие у министерства как органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации полномочий на предъявление иска в отношении спорного земельного участка.

Судами также не учтено, что иск о признании зарегистрированного права отсутствующим является исключительным способом защиты права, применяемым в случаях, когда запись в ЕГРН нарушила право истца, которое не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством.

Так, в соответствии со статьей 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

В силу статьи 301 данного кодекса собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Статьей 302 названного выше кодекса предусмотрено, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли (пункт 1).

Согласно статье 304 этого же кодекса собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

В пункте 52 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22) разъяснено, что оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в ЕГРП. В частности, если в резолютивной части судебного акта решен вопрос о наличии или отсутствии права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в ЕГРП.

В то же время решение суда о признании сделки недействительной, которым не применены последствия ее недействительности, не является основанием для внесения записи в ЕГРП.

В случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Таким образом, требование о признании зарегистрированного права отсутствующим является исключительным способом защиты права и может быть заявлено, в частности, в интересах владеющего собственника против лица, не являющегося собственником и не владеющего спорным имуществом, за которым неосновательно зарегистрировано право на это недвижимое имущество.

В силу приведенных норм права для удовлетворения требования о признании права отсутствующим суду необходимо было выяснить вопросы о правах истца на спорный участок, о наличии или об отсутствии права у ответчика, а также о том, в чьем владении находится этот участок.

Ссылаясь в обоснование аннулирования записей о праве в ЕГРН на недействительность сделок купли-продажи названного земельного участка, судебные инстанции не учли, что в соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить

полученное в натуре возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Согласно приведенным выше разъяснениям, содержащимся в пункте 52 постановления Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22, решение суда о применении последствий в виде возврата имущества само по себе является основанием для внесения соответствующих записей в ЕГРН. Если же такие последствия судом не применены, то основания для внесения записей отсутствуют.

Применяя последствия недействительности сделки в виде аннулирования записи в публичном реестре о праве собственности Ц. на земельный участок без решения о возвращении полученного имущества, суды не учли, что это не восстановило права публичного образования, а лишь привело к правовой неопределенности, поскольку данный земельный участок на момент разрешения спора находился, как установлено судом, в пользовании и владении последнего покупателя – Т., запись о праве которой содержится в ЕГРН.

Разрешая спор на основании положений о недействительности сделок, судебные инстанции не учли положения, содержащиеся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П, согласно которым спор не может быть разрешен с применением правового механизма, предусмотренного статьями 167 и 168 ГК РФ, если в отношении спорного имущества совершены две сделки и по второй сделке имеется приобретатель, которому гарантируется защита его прав и законных интересов с учетом статьи 302 ГК РФ.

При разрешении же спора на основании статьи 302 ГК РФ подлежат установлению такие обстоятельства, как возмездность сделки, наличие или отсутствие воли собственника на отчуждение имущества, добросовестность приобретателя, начало течения срока исковой давности, если о ее применении заявлено ответчиком.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся по делу судебные постановления в части признания недействительными постановления администрации о выделении однократно бесплатно в собственность гражданам муниципального образования «Городской округ город Сунжа» земельных участков для индивидуального жилищного строительства в части выделения Ц. земельного участка, договора купли-продажи от 18 октября 2022 г., заключенного между А. и Т., и признания отсутствующим права собственности Ц. на земельный участок путем аннулирования записи государственной регистрации прав в ЕГРН отменила, дело в указанной части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 26-КГ24-8-К5

2. Положения статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации не распространяются на строения, не относящиеся к недвижимому имуществу.

Администрация городского округа обратилась в суд с иском к Б. о сносе самовольной постройки, указав, что ответчику на праве собственности принадлежит земельный участок, категория земель – земли населенных пунктов, вид разрешенного использования – ведение садоводства. В результате обследования земельного участка выявлена постройка, возведенная без соответствующего разрешения и иной необходимой документации.

Истец просил суд признать данный объект самовольной постройкой, на Б. возложить обязанность снести его за свой счет, а в случае неисполнения решения суда взыскать с ответчика в пользу администрации городского округа судебную неустойку.

Судом первой инстанции в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела, была назначена судебная строительно-техническая экспертиза. Из выводов, изложенных в заключении эксперта, следует, что на земельном участке располагается строение, которое квалифицируется как некапитальное и не является объектом недвижимости, не имеет прочной связи с землей. Исследуемое строение отвечает требованиям сейсмических, противопожарных, санитарных, строительных норм и правил, а также требованиям безопасности. Строение располагается в пределах правомерных границ земельного участка, минимальные отступы соблюдены.

Отказывая в иске, суд первой инстанции исходил из того, что спорный объект отвечает требованиям сейсмических, противопожарных, санитарных, строительных норм и правил, расположен в границах земельного участка, получение разрешений и согласований для монтажа исследуемого сооружения в силу закона не предусмотрено.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции, руководствуясь фотоматериалами, указал, что возведенное ответчиком сооружение не является садовым домом или иным вспомогательным строением для садоводства, а потому имеются основания для возложения на ответчика обязанности демонтировать данный объект.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, а решение суда первой инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 263 ГК РФ собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их

перестройку или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам. Эти права осуществляются при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, а также требований о назначении земельного участка (пункт 2 статьи 260 ГК РФ).

Статьей 42 ЗК РФ установлено, что собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны: использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту; соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов.

Положениями статьи 222 ГК РФ закреплены признаки самовольной постройки, в частности: возведение строения на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом; создание строения без получения на это необходимых разрешений; возведение постройки с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

В соответствии с частью 2 статьи 51 ГрК РФ строительство, реконструкция объектов капитального строительства осуществляются на основании разрешения на строительство, за исключением случаев, предусмотренных названной статьей.

В силу пункта 1 части 17 статьи 51 ГрК РФ выдача разрешения на строительство не требуется, в частности, в случае строительства, реконструкции на садовом земельном участке жилого дома, садового дома, хозяйственных построек, определенных в соответствии с законодательством в сфере садоводства и огородничества.

С учетом норм права, подлежащих применению в рассматриваемом деле, судом первой инстанции на основании заключения судебной экспертизы установлено, что спорное строение расположено в пределах правомерно занимаемого ответчиком земельного участка и не является объектом недвижимости, конструктивные характеристики указанного строения позволяют осуществить их перемещение, демонтаж и последующую сборку без ущерба, а характер возведенного строения не свидетельствует о том, что это строение является самовольным, как возведенное с нарушением правил целевого использования земельного участка.

Исходя из положений части 1 статьи 55, частей 2, 3 статьи 67, статьи 79, части 3 статьи 86 ГПК РФ экспертные заключения оцениваются судом по его внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании каждого отдельно взятого доказательства из всех собранных по делу и их совокупности с характерными причинно-следственными связями между ними и их системными свойствами.

Вместе с тем это не означает право суда самостоятельно разрешить вопросы, требующие специальных познаний в определенной области науки.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции, не обладая специальными познаниями в области строительства, пришел к противоположным выводам по существу спора, отклонив заключение судебной экспертизы и мотивируя свои выводы только ссылкой на данные акта визуальной фиксации – фотоматериалы, то есть руководствовался доказательством, не основанным на применении специальных познаний.

При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции не установил ни единого признака, по которому размещение спорного объекта на принадлежащем истцу земельном участке являлось бы недопустимым и требовался бы его снос или демонтаж, в том числе не установлено несоответствия спорного объекта целевому назначению и виду разрешенного использования земельного участка, на котором он расположен, что повлекло вынесение незаконного судебного постановления.

Определение № 18-КГ25-195-К4

3. Раздел земельного участка сельскохозяйственного назначения с сохранением вида разрешенного использования и без нарушения требований к образованию земельных участков является правомерным.

Для использования земельных участков сельскохозяйственного назначения под садоводство перевод их в другую категорию не требуется.

Администрация района обратилась в суд с иском к ряду граждан, в том числе к З., о признании незаконными межевого плана и раздела земельных участков, признании незаконной постановки вновь образованных земельных участков на государственный кадастровый учет, снятии земельных участков с государственного кадастрового учета и об аннулировании записей государственной регистрации прав.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, руководствуясь пунктом 3 статьи 11² ЗК РФ, приказом Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921 «Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке», пришел к выводу о том, что решение собственника о разделе земельного участка не оспорено и недействительным не признано, процедура государственной регистрации прав на образованные в результате раздела земельные участки осуществлена в установленном законом порядке, спорные земельные участки соответствуют градостроительным регламентам в части предельных площадей и вида использования, установленных правилами землепользования и застройки сельского поселения, не противоречат требованиям градостроительного и земельного законодательства.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился, решение суда отменил, исковые требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что раздел спорных земельных участков до утверждения документации по планировке территории не соответствует требованиям градостроительного и земельного законодательства, при этом установлено, что 57 земельных участков образованы и поставлены на кадастровый учет в нарушение градостроительного регламента, установленного для данной территориальной зоны правилами землепользования и застройки сельского поселения, в нарушение статьи 42 ГрК РФ без разработанной и утвержденной документации по планировке территории (проекта планировки и проекта разработанной и утвержденной документации по планировке территории (проекта планировки и проекта межевания) с необходимым установлением планировочной структуры, улично-дорожной сети, красных линий и т.д.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Статьей 7 ЗК РФ предусмотрено, что земли в Российской Федерации используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и разрешенного использования в соответствии с зонированием территории, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Виды разрешенного использования земельных участков устанавливаются применительно к каждой территориальной зоне и указываются в градостроительном регламенте в отношении земельных участков, расположенных в пределах соответствующей территориальной зоны (пункт 1 части 6 статьи 30, часть 2 статьи 37 ГрК РФ).

Градостроительный регламент в силу пункта 3 статьи 85 ЗК РФ обязателен для исполнения всеми собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков независимо от форм собственности и иных прав на земельные участки.

В соответствии с пунктом 8 статьи 1 и пунктом 3 части 2 статьи 30 ГрК РФ градостроительные регламенты включаются в правила землепользования и застройки, являющиеся документом градостроительного зонирования, который утверждается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления и в котором устанавливаются

территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения такого документа и порядок внесения в него изменений.

Согласно статье 77 ЗК РФ землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей.

Нормаи статей 78, 79 ЗК РФ установлено правовое регулирование использования земель сельскохозяйственного назначения и особенности использования сельскохозяйственных угодий.

Пункт 1 статьи 83 ЗК РФ предусматривает, что землями населенных пунктов признаются земли, используемые и предназначенные для застройки населенных пунктов, при этом в населенные пункты могут входить земельные участки, отнесенные в соответствии с градостроительным регламентом к территориальной зоне сельскохозяйственного назначения.

В связи с этим при разрешении данного спора следовало учитывать специальное правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения с учетом общего порядка, предъявляемого законом для образования земельных участков.

Согласно пункту 2 статьи 11⁴ ЗК РФ при разделе земельного участка у его собственника возникает право собственности на все образуемые в результате раздела земельные участки.

Целевым назначением и разрешенным использованием образуемых земельных участков признаются целевое назначение и разрешенное использование земельных участков, из которых при разделе, объединении, перераспределении или выделе образуются земельные участки, за исключением случаев, установленных федеральными законами (пункт 3 статьи 11² ЗК РФ).

Из представленных выписок из ЕГРН следует, что исходные земельные участки имели категорию «земли сельскохозяйственного назначения» с видом разрешенного использования «для сельскохозяйственного производства».

В результате раздела исходных земельных участков по решению собственника образовано 57 земельных участков с сохранением их целевого назначения и вида разрешенного использования.

С учетом положений частей 1 и 3 статьи 41 ГрК РФ судам следовало установить необходимость подготовки документов по планировке территории земельного участка сельскохозяйственного назначения, находящегося в частной собственности, при сохранении его целевого использования (статья 78 ЗК РФ).

При удовлетворении иска судом апелляционной инстанции не учтено, что для цели использования земельных участков сельскохозяйственного назначения под садоводство не требуется их перевод в другую категорию, при этом до перевода таких земель в другую категорию отсутствуют основания для изменения вида разрешенного использования земельных

участков сельскохозяйственного назначения, предоставленных для ведения садоводства и дачного хозяйства.

Кроме того, судом апелляционной инстанции оставлено без правовой оценки и то обстоятельство, что для эффективного использования земельных участков сельскохозяйственного назначения З. в публичную собственность переданы образованные в результате раздела земельные участки.

При применении положений частей 1–5 статьи 41 ГрК РФ и СП 53.13330.2011 «СНиП 30-02-97*. Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения» (утвержден приказом Минрегиона России от 30 декабря 2010 г. № 849 и введен в действие 20 мая 2011 г.), регулирующих вопросы планирования и застройки территории дачных и садоводческих объединений при предоставлении земельных участков и находящихся на них зданий и сооружений, не учтены следующие обстоятельства.

Согласно статье 4¹ Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в состав территории садоводства или огородничества входят садовые земельные участки или огородные земельные участки, а также земельные участки общего назначения. Территория садоводства или огородничества может быть создана на землях сельскохозяйственного назначения или землях населенных пунктов. Местоположение границ территории садоводства или огородничества определяется проектом межевания территории. Разработка проекта планировки территории садоводства или огородничества не требуется, но может быть осуществлена по решению общего собрания членов товарищества (пункты 1, 2, 3).

При разрешении спора установлено, что часть образованных в результате раздела земельного участка сельскохозяйственного назначения земельных участков имеет вид разрешенного использования «для ведения садоводства», а часть – «для сельскохозяйственного производства», что исключает необходимость подготовки проекта планировки, в том числе при ведении садоводства без создания товарищества (пункт 1 статьи 6 названного федерального закона).

Согласно части 10 статьи 35 и части 3 статьи 36 ГрК РФ зоны сельскохозяйственного использования, а также зоны, занятые объектами сельскохозяйственного назначения и предназначенные для ведения сельского хозяйства, садоводства и огородничества, развития объектов сельскохозяйственного назначения, могут включаться в состав территориальной зоны, установленной в границах населенного пункта; помимо того, на участки и объекты капитального строительства, расположенные в пределах границ этой территориальной зоны, распространяется действие градостроительного регламента.

В связи с этим подлежали оценке доказательства о включении спорных участков в соответствующие территориальные зоны, установленные в границах населенных пунктов.

Из имеющихся в материалах дела доказательств следует, что межевые планы по образованию земельных участков путем раздела были выполнены в соответствии с требованиями, предусмотренными приказом Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921 «Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке», при образовании новых участков категория земель и вид разрешенного использования не изменялись.

Поскольку при проведении кадастровых работ в межевые планы были внесены сведения о категории земель в отношении образованных земельных участков «земли сельскохозяйственного назначения» и виде разрешенного использования «для сельскохозяйственного производства», то выводы суда апелляционной инстанции о незаконности межевых планов являются необоснованными.

В соответствии с частью 1 статьи 22 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и пунктом 1 приложения к приказу Росреестра от 14 декабря 2021 г. № П/0592 «Об утверждении формы и состава сведений межевого плана, требований к его подготовке» межевой план представляет собой документ, который составлен на основе кадастрового плана соответствующей территории или выписки из ЕГРН о соответствующем земельном участке и в котором воспроизведены определенные сведения, внесенные в ЕГРН, и указаны сведения об образуемых земельном участке или земельных участках, либо о части или частях земельного участка, либо новые необходимые для внесения в ЕГРН сведения о земельном участке или земельных участках.

Поскольку нарушения при подготовке межевого плана, состоящего из текстовой и графической части, не были установлены, выводы суда апелляционной инстанции, с которыми согласился кассационный суд общей юрисдикции, признаны незаконными.

Определение № 18-КГ25-61-К4

4. Отсутствие государственной регистрации права собственности на земельный участок, возникшего до даты вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», не препятствует признанию права собственности на этот земельный участок в порядке наследования.

Ж. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования об установлении факта принятия наследства, открывшегося после смерти Л. (отца истца), включая земельный участок, категория земель

– земли сельскохозяйственного назначения, разрешенное использование – для садоводства, о признании права собственности на указанный земельный участок в порядке наследования. В обоснование требований истец указала, что в 1997 году умер ее отец – Л. На основании постановления администрации муниципального образования Л. как члену садового товарищества был предоставлен садовый участок. Согласно данному постановлению земельные участки предоставляются бесплатно для оформления в собственность членам садового товарищества, в списке которых был Л. До момента смерти Л. проживал с супругой (матерью истца), умершей в 2010 году. После смерти Л. истец фактически приняла наследство: частично забрала его вещи, несла расходы по погребению и коммунальным платежам за дом, оплачивала членские взносы в садоводческое товарищество (ликвидировано в 2020 году), обрабатывала земельный участок. К нотариусу с заявлением о принятии наследства никто не обращался. Иных наследников первой очереди не имеется. Согласно выписке из ЕГРН от 6 декабря 2022 г. информация о собственнике земельного участка отсутствует. Межевание земельного участка не проводилось.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что истец после смерти наследодателя фактически приняла наследство, в том числе спорный земельный участок: постоянно пользовалась участком, обрабатывала землю, производила посадки, сажала овощи, зелень, оплачивала членские взносы, что подтверждается представленными документами (актами, чеками, договорами). Иных наследников, которые претендуют на наследство, не установлено.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно статье 1181 ГК РФ принадлежавшие наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных данным кодексом.

В силу статьи 6 Земельного кодекса РСФСР, действовавшего на момент предоставления Л. в собственность спорного земельного участка, земли, находящиеся в государственной собственности, могут передаваться Советами народных депутатов в соответствии с их компетенцией в пользование, пожизненное наследуемое владение и собственность, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Пунктом 1 статьи 25 ЗК РФ предусмотрено, что права на земельные участки возникают по основаниям, установленным гражданским законодательством, федеральными законами, и подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ).

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что наследодатель при жизни не обращался относительно регистрации за ним права собственности на земельный участок, в связи с чем спорный земельный участок не может быть включен в наследственную массу после его смерти.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что статьей 8 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что до введения в действие закона о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним применяется действующий порядок регистрации недвижимого имущества и сделок с ним.

31 января 1998 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, действовавший до 1 января 2017 г. – даты вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ), пунктом 1 статьи 6 которого предусматривалось, что права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу названного федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

Частью 1 статьи 69 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ установлено, что права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН. Государственная регистрация таких прав в ЕГРН проводится по желанию их обладателей.

Таким образом, если право на объект недвижимого имущества, в данном случае – право собственности на спорный земельный участок, возникло до 31 января 1998 г. – даты вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, то момент возникновения такого права не связан с его государственной регистрацией, такое право признается юридически действительным и при отсутствии его государственной регистрации.

В постановлении администрации города Краснодара от 22 февраля 1993 г. № 95 «О предоставлении в собственность садовых участков членам садоводческого товарищества «Криница» Первомайского района

г. Краснодара» указано, что спорный земельный участок предоставлен Л. на праве собственности.

Согласно ответу департамента муниципальной собственности и городских земель администрации муниципального образования г. Краснодар от 6 марта 2023 г. также следует, что спорный земельный участок предоставлен Л. в собственность.

Из содержания инвентаризационной описи, составленной ГУП КК «Краснодарский земельный центр» 6 мая 2006 г., следует, что спорный земельный участок находится в собственности Л. на основании свидетельства о праве собственности на землю (старая форма) от 16 мая 1993 г. № 477. К описи приложен чертеж границ участка с координатами.

Истец в ходе рассмотрения дела указывала на то, что сведения о праве собственности Л. на земельный участок содержатся также в похозяйственной книге администрации муниципального образования, однако суды отказали ей в ходатайстве о запросе таких сведений.

Пунктом 7 статьи 11 Закона РСФСР от 19 июля 1968 г. «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» (утратил силу в связи с изданием постановления Верховного Совета РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1551-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР») предусматривалось, что в области планирования, учета и отчетности поселковый, сельский Совет народных депутатов ведет по установленным формам похозяйственные книги и учет населения и представляет отчетность в вышестоящие государственные органы.

Постановлением Государственного комитета СССР по статистике от 25 мая 1990 г. № 69 были утверждены Указания по ведению похозяйственного учета в сельских Советах народных депутатов (далее – Указания), согласно которым похозяйственные книги являлись документами первичного учета хозяйств (пункт 1) и закладка таких похозяйственных книг и алфавитных книг хозяйств производилась сельскими Советами один раз в пять лет по состоянию на 1 января (пункт 6).

По смыслу пунктов 18 и 38 Указаний в похозяйственной книге учитывались сведения о жилых домах, являющихся личной собственностью хозяйств, и вносились данные о таких жилых домах.

Похозяйственные книги как учетный документ личных подсобных хозяйств продолжают существовать в сельской местности, что предусмотрено статьей 8 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве».

Исходя из приведенных нормативных положений выписка из похозяйственной книги относится к числу тех документов, на основании которых право собственности на жилой дом, являющийся личной собственностью хозяйства, могло быть зарегистрировано в ЕГРН, что не было принято во внимание судами.

Таким образом, то обстоятельство, что Л. не произвел регистрацию права собственности на земельный участок в порядке, предусмотренном

Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, не может являться препятствием для признания за наследником права собственности в порядке наследования на земельный участок.

Определение № 18-КГ24-284-К4

5. При установлении обстоятельств выбытия выморочного жилого помещения из собственности публичного образования для целей применения статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации оценке подлежат действия (бездействие) публичного собственника в лице уполномоченных органов по принятию мер по выявлению выморочного имущества и оформлению своих прав на него.

Департамент городского имущества г. Москвы (далее – Департамент городского имущества) обратился в суд с иском к К., Ш. о признании недействительным удостоверенного нотариусом завещания от имени Л. на К., признании недействительным свидетельства о праве К. на наследство по завещанию, признании недействительным договора купли-продажи жилого помещения, заключенного между К. и Ш., признании Ш. недобросовестным приобретателем, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о прекращении права собственности Ш. на жилое помещение, признании права собственности города на квартиру как выморочное имущество.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что спорное имущество является выморочным после смерти Л., при этом жилое помещение выбыло из собственности Департамента городского имущества помимо его воли в результате противоправных действий, так как сделка между К. и Ш. была совершена лицом, не имевшим права отчуждать жилое помещение.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил принятые по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что указанные судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 1151 ГК РФ в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования (статья 1117), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (статья 1158), имущество умершего считается выморочным.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1151 ГК РФ в порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского

округа переходит следующее выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории: жилое помещение; земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества; доля в праве общей долевой собственности на указанные в абзацах втором и третьем данного пункта объекты недвижимого имущества.

Если указанные объекты расположены в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе, они переходят в собственность такого субъекта Российской Федерации.

Порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований определяются законом (пункт 3 статьи 1151 ГК РФ).

Как наследники выморочного имущества публично-правовые образования наделяются Гражданским кодексом Российской Федерации особым статусом, отличающимся от положения других наследников по закону, поскольку для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется (абзац второй пункта 1 статьи 1152), на них не распространяются правила о сроке принятия наследства (статья 1154), а также нормы, предусматривающие принятие наследства по истечении установленного срока (пункты 1 и 3 статьи 1155); при наследовании выморочного имущества отказ от наследства не допускается (абзац второй пункта 1 статьи 1157); при этом свидетельство о праве на наследство в отношении выморочного имущества выдается в общем порядке (абзац третий пункта 1 статьи 1162).

В силу того, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации (пункт 4 статьи 1152 ГК РФ), выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства при наступлении указанных в пункте 1 статьи 1151 ГК РФ обстоятельств независимо от осведомленности об этом публично-правового образования и совершения им действий, направленных на учет такого имущества и оформление своего права.

В соответствии с пунктом 3 постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП «О работе с жилыми помещениями, переходящими в порядке наследования по закону в собственность города Москвы, и с жилыми помещениями жилищного фонда города Москвы, освобождаемыми в связи с выбытием граждан» (в редакции от 4 июня 2013 г., действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений; далее – постановление Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП)

префектурам административных округов г. Москвы совместно с Департаментом жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства города предписано обеспечить контроль за передачей в Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы (далее также – Департамент жилищной политики) следующих сведений: об умерших одиноких гражданах, в том числе нанимателях, пользователях и собственниках жилых помещений, проживавших на территории административного округа г. Москвы; о жилых помещениях, в которых более шести месяцев никто не проживает; о жилых помещениях, оплата жилищных, коммунальных и иных услуг за которые не производится более шести месяцев или оплата производится от имени умершего лица. Данные сведения подлежат передаче ежемесячно в срок до 10 числа месяца, следующего за отчетным.

Пунктом 3.2.1 данного постановления Правительства Москвы префектурам административных округов г. Москвы также предписано организовать в установленном порядке проведение регулярных обследований жилых помещений управами районов г. Москвы и направлять информацию в Департамент жилищной политики ежемесячно в срок до 10 числа месяца, следующего за отчетным.

Департамент жилищной политики должен быть проинформирован государственными учреждениями г. Москвы, инженерными службами районов относительно имеющих сведения о снятии с регистрационного учета одиноких граждан – собственников жилых помещений и граждан, одиноко проживающих в жилых помещениях жилищного фонда г. Москвы, в срок не более 10 дней со дня поступления информации из Управления Федеральной миграционной службы по г. Москве (пункт 4 названного постановления).

Пунктами 2.3, 2.5, 2.7, 2.8 Положения о порядке выявления и оформления жилых помещений, переходящих в порядке наследования по закону в собственность г. Москвы, являющегося приложением 1 к постановлению Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП, предусмотрено, что по истечении 6-месячного срока после получения паспортных данных умершего собственника жилого помещения и сведений о государственной регистрации его смерти Департамент жилищной политики направляет запрос в Московскую городскую нотариальную палату о наличии открытого наследственного дела в отношении данного наследодателя и обращается к нотариусу с соответствующими документами. Для государственной регистрации права собственности г. Москвы Департамент жилищной политики в 20-дневный срок с момента получения свидетельства о праве на наследство по закону на жилое помещение обращается в Управление Федеральной регистрационной службы по Москве. Данные о жилом помещении, перешедшем в порядке наследования по закону в собственность г. Москвы, на основании свидетельства о государственной регистрации права вносятся Департаментом жилищной политики

в установленном порядке в Реестр объектов собственности г. Москвы в жилищной сфере.

В соответствии с пунктом 2.5 распоряжения Департамента жилищной политики от 6 ноября 2008 г. № 2763 «О мерах по выполнению постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП» на управления Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы в административных округах была возложена обязанность по организации сбора сведений и учета жилых помещений, освободившихся ввиду смерти собственников жилья.

Из материалов дела следует, что согласно актовой записи отдела ЗАГС Л. в связи со смертью был снят с регистрационного учета по месту проживания 16 декабря 2010 г.

Государственная регистрация перехода права собственности на спорную квартиру к Ш. состоялась 14 ноября 2011 г.

На протяжении 1 года 4 месяцев со стороны истца не было предпринято никаких действий, направленных на выявление, сохранение и оформление в собственность города выморочного имущества, требования постановления Правительства Москвы от 22 июля 2008 г. № 639-ПП истцом не исполнялись.

Бездействие публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности, в определенной степени создало предпосылки к его утрате, в том числе посредством выбытия соответствующего имущества из владения данного публичного собственника в результате противоправных действий третьих лиц.

В силу статьи 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Условия истребования имущества определяются положениями статьи 302 ГК РФ, согласно пункту 1 которой если имущество безвозмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в его постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца»¹, при разрешении данного спора существенное значение

---

¹ Постановлением от 26 мая 2025 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

следовало придавать как факту государственной регистрации права собственности на данное жилое помещение за лицом, не имевшим права его отчуждать, так и оценке действий (бездействия) публичного собственника в лице уполномоченных органов, на которые возложена компетенция по оформлению выморочного имущества и распоряжению им. При этом действия (бездействие) публичного собственника подлежали оценке при определении того, было ли спорное жилое помещение из его владения фактически помимо его воли или по его воле. Между тем указанные обстоятельства судами при вынесении судебных постановлений учтены не были.

По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Делая вывод о том, что Ш. не является добросовестным приобретателем жилого помещения, поскольку, проявив достаточную осмотрительность, мог выяснить причины, по которым квартира продавалась через непродолжительное время после приобретения права собственности, и усомниться в правомочиях продавца совершить сделку, суд первой инстанции не учел, что юридические действия по принятию наследства осуществляются у нотариуса, на которого законом возложены публично-правовые функции по проверке законности прав наследников на получение наследства. Право собственности К. на квартиру было подтверждено выданным нотариусом в установленном законом порядке свидетельством о праве на наследство по завещанию, а также сведениями ЕГРН о государственной регистрации права К. на спорное имущество.

Также судом не принято во внимание то, что объявление о продаже квартиры размещалось в открытом доступе в сети «Интернет», квартира приобреталась по рыночной цене, согласованной с продавцом, денежные средства были продавцом получены в полном объеме, что подтверждено расписками и приговором суда. Также Ш. представлены доказательства того, что его материальное положение позволяло приобрести квартиру указанной стоимости. То обстоятельство, что квартира продавалась наследником спустя 6 месяцев после ее получения, не могло свидетельствовать о незаконности владения, поскольку наследник вправе был распорядиться унаследованным имуществом, исходя из своих личных интересов.

При таких обстоятельствах вывод суда об истребовании спорного жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя (Ш.), который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные ЕГРН и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску Департамента городского имущества, притом что данное публично-правовое

образование не приняло в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество, нельзя признать законным.

Кроме того, в суд с виндикационным иском истец обратился только 27 ноября 2019 г., то есть спустя 8 лет 1 месяц после совершения сделки, и с того момента, когда ему стало известно о нарушении своего права, а также о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите его права, при этом с заявлением о восстановлении срока исковой давности истец не обращался.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение, которым иск Департамента городского имущества к К., Ш. оставила без удовлетворения.

Определение № 5-КГ24-43-К2

Защита прав потребителей финансовых услуг

6. Если заемная расписка выдана в счет обязательства по возмещению ущерба (новация долга), то договор займа не может быть признан незаключенным по безденежности.

В этом случае должник не лишен возможности оспорить как само соглашение о новации по общим основаниям недействительности сделки, так и наличие того обязательства, в счет которого выдана заемная расписка.

Я. обратился в суд с иском к Ц. о взыскании задолженности по договору займа, пени, компенсации морального вреда и судебных расходов.

Ц. предъявил встречный иск к Я. о признании договора займа незаключенным по безденежности.

Частично удовлетворяя иск Я., суд первой инстанции руководствовался статьями 309, 310, 421, 431, 807, 808, 810, 812 ГК РФ и исходил из того, что наличие у Ц. задолженности по договору займа подтверждается материалами дела.

Отказывая в удовлетворении встречного иска, суд сослался на то, что Ц. не представлено доказательств, подтверждающих безденежность займа и написание долговой расписки под влиянием заблуждения, насилия или угрозы.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска Я., удовлетворив встречный иск Ц., поскольку пришел к выводу о том, что Я. денежные средства по расписке Ц. не передавал, а расписку Ц. написал по настоянию Я. в связи

с обвинением последним Ц. в некачественном ремонте автомобиля, повлекшем его возгорание и гибель.

Данные выводы суда апелляционной инстанции поддержал кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

В соответствии с пунктом 1 статьи 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг.

Если займодавцем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу.

В подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей (пункт 2 статьи 808 ГК РФ).

Вместе с тем в соответствии с пунктом 1 статьи 818 ГК РФ по соглашению сторон долг, возникший из купли-продажи, аренды или иного основания, может быть заменен заемным обязательством. Согласно пункту 2 этой же статьи замена долга заемным обязательством осуществляется с соблюдением требований о новации (статья 414) и совершается в форме, предусмотренной для заключения договора займа (статья 808).

Как разъяснено в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», по соглашению сторон долг, возникший из договоров купли-продажи, аренды или иного основания, включая обязательства из неосновательного обогащения, причинения вреда имуществу или возврата полученного по недействительной сделке, может быть заменен заемным обязательством (пункт 1 статьи 818 ГК РФ).

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции установлено, что спорная расписка была оформлена с целью возмещения предполагаемого материального ущерба, причиненного Я. в результате возгорания автомобиля после проведения Ц. ремонтных работ на СТО. Установив данный факт,

суд апелляционной инстанции признал договор займа безденежным, указав, что сумма займа по этому договору не передавалась.

Между тем такой вывод суда апелляционной инстанции противоречит приведенным выше положениям пункта 1 статьи 818 ГК РФ, согласно которым при новации долга в заемное обязательство этим заемным обязательством заменяется уже существующий долг, возникший ранее у должника перед кредитором по иному основанию, а следовательно, никакой передачи суммы займа в таком случае не происходит.

Так, в абзаце втором пункта 24 названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 прямо разъяснено, что в случае новации обязательства в заемное в качестве основания для оспаривания не может выступать непоступление предмета займа в распоряжение заемщика.

Данное разъяснение судом апелляционной инстанции учтено не было, что привело к неправильному разрешению спора.

Недопустимость оспаривания новации долга в заемное обязательство по мотиву безденежности не препятствует оспариванию должником как самого соглашения о новации по общим основаниям недействительности сделок, так и того обязательства, которое было заменено заемным.

Однако соответствующие обстоятельства по делу судом апелляционной инстанции не устанавливались, оценка им не дана, а выводы суда не основаны на законе. Кассационный суд общей юрисдикции допущенных судом апелляционной инстанции нарушений не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 41-КГ25-16-К4

7. В случае заключения банком с гражданином-потребителем вместо договора банковского вклада договора личного страхования от имени страховой компании, не позволяющего по требованию потребителя вернуть в полной мере денежные средства досрочно, суду следует тщательно проверять доводы потребителя о введении его в заблуждение и непредоставлении полной и достоверной информации о финансовой услуге.

Обязанность доказать надлежащее предоставление информации об услуге и волеизъявление потребителя при обращении в банк на заключение договора страхования, а не договора вклада, возложена на банк.

Д. обратилась в суд с иском к страховой компании о расторжении договора страхования, указывая, что договор страхования жизни по программе «Фиксированный доход» заключен ею с ответчиком вследствие

обмана и введения в заблуждение, поскольку изначально она имела намерение заключить с банком договор депозитного вклада.

Судом установлено, что 1 ноября 2022 г. между Д. и страховщиком, в интересах которого действовал сотрудник банка, заключен договор страхования жизни по программе «Фиксированный доход», по которому Д. уплачена страховая премия в размере 2 000 000 руб.

Срок действия договора установлен по 18 февраля 2028 г. включительно.

29 декабря 2022 г. Д. обратилась в страховую компанию с заявлением о расторжении указанного выше договора в связи с тем, что при его заключении была введена в заблуждение.

11 января 2023 г. страховая компания отказала в удовлетворении заявления и разъяснила, что при досрочном расторжении договора страхования по письменному заявлению страхователя выкупная сумма по договору подлежит возврату в существенно меньшем размере, чем сумма уплаченных по договору денежных средств.

Признавая договор страхования недействительным и применяя последствия его недействительности, суд первой инстанции пришел к выводу, что при заключении договора ответчик ввел истца в заблуждение относительно существенных условий договора, скрыл, что программа является не договором вклада с повышенной ставкой, а договором страхования жизни с выплатой дохода.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, указал, что истец имела возможность ознакомиться с текстом заключаемого договора страхования, между ней и ответчиком достигнуто соглашение по всем существенным условиям, в связи с чем отсутствуют основания полагать, что Д. была введена в заблуждение относительно предмета и природы сделки.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В пункте 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума от 23 июня 2015 г. № 25) разъяснено, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

При этом сделка может быть признана недействительной как в случае нарушения требований закона (статья 168 ГК РФ), так и по специальным основаниям в случае порока воли при ее совершении, в частности при совершении сделки под влиянием существенного заблуждения или обмана (статья 178, пункт 2 статьи 179 ГК РФ).

Кроме того, если сделка нарушает установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной на основании положений статьи 10 и пункта 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (пункты 7 и 8 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25).

В соответствии с пунктом 3 статьи 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

В пункте 1 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В статье 8 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) предусмотрено право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах).

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 данного закона изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Согласно пункту 1 статьи 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре (работе, услуге), он вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

В силу требований пункта 4 статьи 13, пункта 5 статьи 14 и пункта 6 статьи 28 Закона о защите прав потребителей бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, лежит на изготовителе (исполнителе, продавце).

При рассмотрении данного дела судом апелляционной инстанции не дано оценки доводам истца о том, что она обратилась в банк для заключения договора банковского вклада, а не в страховую компанию для заключения договора страхования. При этом договор страхования заключен с истцом сотрудником банка, одновременно представлявшим интересы страховой компании и действовавшим в интересах этой страховой компании.

В процессе рассмотрения дела Д. ссылалась на то, что она заблуждалась относительно природы подписываемого договора страхования жизни, полагая, что заключает с банком договор банковского вклада под большой процент, а не договор страхования со страховой компанией.

При этом истец ссылалась на расстройство зрения, подтвержденное амбулаторной картой, и на то, что манипуляции с телефоном при заключении договора производил сотрудник банка.

Обнаружив ошибку, истец менее чем через два месяца обратилась в банк за расторжением договора, при этом выяснилось, что по его условиям она может вернуть только 696 000 руб. вместо 2 000 000 руб., а договор действует до 2028 года.

При этом суд апелляционной инстанции, ссылаясь на недоказанность фактов существенного заблуждения и отсутствия надлежащей информации при заключении договора, в нарушение приведенных выше норм права не учел, что в отношениях с гражданином-потребителем обязанность доказать надлежащее предоставление информации об услуге возложена на исполнителя.

При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 3 апреля 2023 г. № 14-П, предприниматель, профессионально занимающийся продажами, регулярно, на постоянной основе взаимодействует с разными контрагентами (включая потребителей) и потому потенциально обладает навыками ведения переговоров, оказания влияния на покупателя с целью реализации товара на наиболее выгодных для себя условиях. Он также не лишен возможности создать видимость обеспечения покупателя нужным объемом информации, а даже действительно обеспечив его таковой – манипулировать ею так, чтобы покупатель обошел вниманием проблемные элементы в ее содержании. В связи с этим, предлагая условия договора, предприниматель не может не осознавать свое превосходство (экономическую силу) над потребителем. У покупателя же, возможно, не будет оснований в ходе, например, судебного разбирательства отрицать, что продавец его информировал. При таких условиях даже выравнивание процессуального положения сторон посредством деятельности суда по перераспределению бремени доказывания от покупателя к продавцу может не дать полезного эффекта.

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 73-КГ25-1-К8

8. Страховая компания, заключившая с гражданином договор личного страхования от заболевания COVID-19 без истребования у него сведений о наличии сопутствующих заболеваний, не вправе отказывать впоследствии в страховом возмещении, ссылаясь на положения Правил страхования о том, что заболевание COVID-19 при наличии таких сопутствующих заболеваний не является страховым случаем.

Е. и М., действующая также в интересах несовершеннолетнего Р., обратились в суд с иском к страховой компании о взыскании в пользу М. и Р. страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 14 ноября 2020 г. между Н. (сыном Е., супругом М.) и страховой компанией (ответчиком) в письменной форме заключен договор страхования от болезней «Антивирус. Семья под защитой». Срок действия договора – с 18 ноября 2020 г. по 17 ноября 2021 г.

Страховыми рисками по договору являлись смерть застрахованного лица в результате болезни (под болезнью понимается впервые диагностированное заболевание вирусной этимологии семейства коронавирусов, включая COVID-19) и госпитализация (экстренная госпитализация) застрахованного лица в результате той же болезни.

Внизу первой страницы договора мелким шрифтом указано, что он заключен на условиях страхования, изложенных в Условиях страхования (приложение 1 к договору) и Правилах страхования от несчастных случаев и болезней от 25 июня 2019 г.

14 ноября 2021 г. Н. умер. Согласно свидетельству причиной смерти явилась острая респираторная недостаточность, другая вирусная пневмония, коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19.

22 февраля 2022 г. М. обратилась в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая, в удовлетворении которого было отказано ввиду наличия у Н. сопутствующих заболеваний, указанных в подпункте 3 пункта 2.2.1.1 Условий страхования, вследствие чего его смерть не является страховым случаем.

В пункте 2.2.1.1 Условий страхования указано, что страховыми случаями не являются и страховая выплата не производится в случае, если лица находятся в группе риска по развитию тяжелых форм заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19 и имеют один или несколько следующих диагнозов при положительном тесте на коронавирусную

инфекцию COVID-19: ожирение, диабет 1 и 2 типа, гипертоническая болезнь 2 степени и выше, бронхиальная астма, онкологические/аутоиммунные заболевания, лица, перенесшие трансплантацию органов, аорто-коронарное шунтирование, лица, имеющие врожденные или генетические заболевания, лица, имеющие хронические заболевания, осложненные хронической легочной, и/или сердечно-сосудистой, и/или почечной, и/или печеночной недостаточностью (подпункт 3).

Претензия истцов оставлена страховщиком без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, основываясь на выводах судебной медицинской экспертизы, указал, что сопутствующие заболевания, а именно гипертоническая болезнь 2 степени и выше, предусмотренные подпунктом 3 пункта 2.2.1.1 Условий страхования, были диагностированы у Н. до заключения договора страхования, а следовательно, его смерть не является страховым случаем.

С выводом суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, руководствовалась положениями пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 3, статьи 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», пунктом 4 статьи 421, статьей 431, подпунктом 2 пункта 2 статьи 942, пунктами 1 и 2 статьи 943 ГК РФ, статьей 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», а также разъяснениями, содержащимися в пунктах 43, 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» и исходила из того, что условия договора личного страхования должны толковаться с учетом его цели и существа законодательного регулирования этих отношений, а все противоречия, неясности и сомнения подлежат толкованию в пользу граждан-потребителей, в том числе выгодоприобретателей и правопреемников.

В частности, для сходных правоотношений в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» разъяснено, что исходя из положений пункта 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества, в связи с чем к условиям договора помимо перечисленных в статье 942 ГК РФ могут быть отнесены и другие условия (в частности, территория использования или место нахождения застрахованного имущества; перечень случаев, которые не могут быть признаны страховыми

(например, управление транспортным средством лицом, не допущенным к управлению в рамках договора добровольного страхования транспортного средства; угон транспортного средства с оставленными регистрационными документами, если в соответствии с договором страхования страховым риском является кража или угон транспортного средства без документов и (или) ключей).

Стороны вправе включать в договор добровольного страхования имущества (страховой полис) перечень страховых событий и исключений из него, условия о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая, и другие условия, если они не противоречат действующему законодательству, в частности не ущемляют права потребителя (статья 16 Закона о защите прав потребителей).

При этом в пункте 16 этого же постановления указано, что по общему правилу при неясности условий договора страхования, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (часть 2 статьи 431 ГК РФ).

Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной является страховщик как лицо, профессионально осуществляющее деятельность в страховой сфере.

Названные выше положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судами по данному делу учтены не были.

Так, на первой странице договора ясно и недвусмысленно, без всяких исключений, страховые риски и страховые случаи определены следующим образом:

- 1) смерть застрахованного лица в результате болезни (под болезнью понимается впервые диагностированное заболевание вирусной этимологии семейства коронавирусов, включая COVID-19);
- 2) госпитализация (экстренная госпитализация) застрахованного лица в результате той же болезни.

Однако в противоречие этому в подпункте 3 пункта 2.2.1.1 Условий страхования указано, что эти же события не являются страховыми случаями при наличии у застрахованного лица ряда заболеваний.

Данному противоречию судебные инстанции оценки не дали.

При этом из обстоятельств заключения договора и его содержания следует, что Условия страхования от болезней, разработанные и утвержденные страховщиком, являющиеся приложением к договору страхования, содержат общие условия для договоров такого типа, заключаемых данным страховщиком, а условия, содержащиеся на первой странице договора, являются специально согласованными для этого договора, заключенного с конкретным гражданином-потребителем.

Для сходных правоотношений в пункте 11 названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 разъяснено, что если условия договора страхования, документы, предусмотренные пунктом 2 статьи 940 ГК РФ, и правила страхования, на основании которых заключен договор, противоречат друг другу, то приоритет отдается тем условиям, которые индивидуально согласованы сторонами договора (пункт 3 статьи 943 ГК РФ).

Это судебными инстанциями учтено не было, что, безусловно, повлияло на результат разрешения спора.

Кроме того, из условий договора и позиции страховой компании следует, что изложенные в подпункте 3 пункта 2.2.1.1 Условий страхования обстоятельства, на которые сослались страховая компания и суды, по их смыслу сами по себе не образуют страхового случая, но существенно увеличивают вероятность наступления страхового случая и увеличивают размер возможных убытков.

Учет таких сведений, последствия умолчания о них страхователя или предоставление им ложных сведений об этих обстоятельствах при заключении договора урегулированы положениями статьи 944 ГК РФ.

После заключения договора обязанность страхователя информировать страховщика о значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных при заключении договора, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска, и последствия неисполнения этой обязанности урегулированы статьей 959 ГК РФ.

Из установленных судами обстоятельств и материалов дела не следует, что страховой компанией страхователю предлагалось сообщить сведения о наличии или об отсутствии у него заболеваний, указанных в подпункте 3 пункта 2.2.1.1 Условий страхования, а также отсутствуют сведения о том, что страхователь на запрос страховой компании умолчал об этих обстоятельствах или сообщил о них ложные сведения.

Между тем в отсутствие сведений о таких обстоятельствах, которые, по утверждению страховой компании, существенно увеличивают вероятность наступления страховых случаев, указанных на первой странице договора, страховая компания посчитала возможным заключить с Н. договор страхования и получить от него страховую премию по установленному тарифу.

Данные обстоятельства имели существенное значение для правильного применения норм материального права, однако судами учтены не были.

Определение № 89-КГ24-15-К7

9. При взыскании со страховщика убытков, вызванных необоснованной заменой страхового возмещения по договору ОСАГО в виде организации и оплаты восстановительного ремонта автомобиля на страховую выплату, страховщик не освобождается от уплаты

предусмотренных законом неустойки и штрафа, размер которых определяется без учета страховых выплат.

С. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании с ответчика страхового возмещения, неустоек, штрафа, расходов на оплату услуг эксперта, расходов на юридические услуги, почтовых расходов, компенсации морального вреда.

Как установлено судом и следует из материалов дела, в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), произошедшего 14 июля 2023 г. по вине водителя Ф., был поврежден принадлежащий истцу автомобиль.

Гражданская ответственность истца на момент ДТП была застрахована в страховой компании (ответчик).

19 июля 2023 г. С. обратилась к ответчику с заявлением о страховом возмещении, в качестве формы возмещения выбрав организацию и оплату восстановительного ремонта транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей.

По результатам рассмотрения заявления ответчик 3 августа 2023 г. выплатил истцу страховое возмещение в размере 78 479,50 руб., определенном в соответствии с заключением эксперта без учета износа заменяемых деталей.

10 августа 2023 г. истец обратилась к ответчику с заявлением (претензией) о возмещении стоимости восстановительного ремонта автомобиля в полном объеме, убытков, выплате неустойки, финансовой санкции, утраты товарной стоимости (далее – УТС) и компенсации морального вреда, в удовлетворении которого страховщиком отказано.

Решением финансового уполномоченного в удовлетворении требований С. о взыскании со страховщика стоимости восстановительного ремонта транспортного средства, УТС, финансовой санкции, неустойки и расходов на оплату юридических услуг отказано. Требование о компенсации морального вреда оставлено без рассмотрения.

Удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции признал, что ответчик в отсутствие предусмотренных законом оснований заменил страховое возмещение в форме организации и оплаты восстановительного ремонта на страховую выплату, в связи с чем взыскал со страховщика убытки в виде стоимости не осуществленного страховщиком ремонта за вычетом выплаченных денежных сумм. Отказывая во взыскании штрафа, суд первой инстанции сослался на то, что штраф на сумму убытков начислению не подлежит.

С такими выводами согласился суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции не усмотрел правовых оснований для отмены судебных постановлений нижестоящих судов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что с обжалуемыми судебными постановлениями согласиться нельзя по следующим основаниям.

Факт незаконного отказа страховщика от страхового возмещения в форме организации и оплаты восстановительного ремонта в натуре судами установлен.

Согласно пункту 21 статьи 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) при несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере 1 % от определенного в соответствии с данным федеральным законом размера страхового возмещения по виду причиненного вреда каждому потерпевшему.

Как разъяснено в пункте 76 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – постановление Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31), неустойка за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства определяется в размере 1 %, а за несоблюдение срока проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определяется в размере 0,5 % за каждый день просрочки от надлежащего размера страхового возмещения по конкретному страховому случаю за вычетом страхового возмещения, произведенного страховщиком в добровольном порядке в сроки, установленные статьей 12 Закона об ОСАГО (абзац второй пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО).

Неустойка исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, то есть с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных правилами, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору включительно.

Согласно пункту 3 статьи 16¹ Закона об ОСАГО при удовлетворении судом требований потерпевшего – физического лица об осуществлении страховой выплаты суд взыскивает со страховщика за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего штраф в размере 50 % от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абзацах втором и третьем пункта 81, пункте 83 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, при удовлетворении судом требований потерпевшего – физического лица

суд одновременно разрешает вопрос о взыскании с ответчика штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (пункт 3 статьи 16¹ Закона об ОСАГО). Если такое требование не заявлено, то суд в ходе рассмотрения дела по существу ставит вопрос о взыскании штрафа на обсуждение сторон (часть 2 статьи 56 ГПК РФ).

В пункте 82 этого же постановления разъяснено, что наличие судебного спора о взыскании страхового возмещения указывает на неисполнение страховщиком обязанности по его осуществлению в добровольном порядке, в связи с чем страховое возмещение, произведенное потерпевшему – физическому лицу в период рассмотрения спора в суде, не освобождает страховщика от уплаты штрафа, предусмотренного пунктом 3 статьи 16¹ Закона об ОСАГО.

Из приведенных норм права и разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что неустойка и размер штрафа определяются не размером присужденного потерпевшему возмещения убытков, а размером страхового возмещения, обязательство по которому не исполнено страховщиком добровольно.

При этом указание в пункте 3 статьи 16¹ Закона об ОСАГО на страховую выплату не означает, что в случае неисполнения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта он освобождается от уплаты штрафа.

Иное означало бы, что в отступление от конституционного принципа равенства прав потерпевшие, право которых на страховое возмещение в виде организации и оплаты восстановительного ремонта нарушено, оказались бы менее защищены и поставлены в неравное положение с такими же потерпевшими, право которых на страховое возмещение нарушено неосуществлением страховой выплаты.

Таким образом, удовлетворение судом требования потерпевшего – физического лица о взыскании убытков в размере действительной стоимости восстановительного ремонта автомобиля, о которых сказано в пункте 56 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, обусловленных ненадлежащим исполнением страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта транспортного средства, предполагает присуждение предусмотренных Законом об ОСАГО неустойки и штрафа, поскольку страховщик в добровольном порядке требование потерпевшего – физического лица не исполнил.

В этом случае осуществленные страховщиком денежные выплаты не могут рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства, которым в соответствии с пунктом 15¹ статьи 12 Закона об ОСАГО является организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение вреда в натуре), и не освобождают от уплаты неустойки и штрафа, подлежащих исчислению от стоимости не осуществленного страховщиком ремонта, определяемой

по единой методике, утвержденной Положением Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства», без учета износа транспортного средства.

По данному делу суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции о незаконности уклонения страховщика от организации и оплаты восстановительного ремонта транспортного средства и о взыскании в связи с этим убытков, в нарушение приведенных выше норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации отказал во взыскании неустойки и штрафа.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом апелляционной инстанции нарушения норм права не устранил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации постановления судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 1-КГ25-3-КЗ

10. При наличии у страховой компании обязанности осуществить страховое возмещение и по договору обязательного страхования ответственности, и по договору добровольного страхования имущества право выбора принадлежит потерпевшему, который до исполнения страховщиком обязательства по первоначальному обращению вправе изменить свое решение и потребовать страховое возмещение по другому договору.

Т. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что 5 июня 2021 г. в результате дорожно-транспортного происшествия по вине П., управлявшей автомобилем Chevrolet Aveo, поврежден автомобиль истца.

Общество (ответчик), застраховавшее гражданскую ответственность Т. по договору обязательного страхования автогражданской ответственности (далее – договор ОСАГО), а также являющееся страховщиком ее автомобиля по договору добровольного страхования имущества (далее – договор КАСКО), выдало направление на ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей (далее – СТОА), однако ремонт произведен не был.

Истец обратилась к страховщику с требованием выполнить ремонт автомобиля или осуществить страховую выплату по договору ОСАГО.

Ответчик выплатил страховое возмещение в размере 271 100 руб. по договору КАСКО и возместил утрату товарной стоимости транспортного средства в размере 46 500 руб.

Не согласившись с отказом в выплате страхового возмещения по договору ОСАГО, Т. обратилась к уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг, который в удовлетворении ее требований к страховщику также отказал.

При рассмотрении дела суд первой инстанции назначил автотехническую и товароведческую экспертизы. По заключению эксперта, стоимость восстановительного ремонта транспортного средства без учета износа заменяемых деталей, узлов и агрегатов исходя из средних региональных цен на момент ДТП составляла 924 800 руб. По результатам проведения дополнительной экспертизы стоимость восстановительного ремонта транспортного средства в соответствии с единой методикой без учета износа определена в размере 538 300 руб., с учетом износа – 447 100 руб.

Удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что страховщик на основании заявления истца обязан был по договору ОСАГО организовать и оплатить ремонт транспортного средства на СТОА, однако этого не сделал, необоснованно заменив страховое возмещение в натуре на страховую выплату. При этом суд указал, что доказательств невозможности организовать ремонт на СТОА либо заключения с потерпевшим соглашения о замене страхового возмещения в натуре страховой выплатой страховщик не представил.

Определяя размер взыскания, суд первой инстанции исходил из лимита страхового возмещения по договору ОСАГО – 400 000 руб. и за вычетом произведенных выплат в размере 317 600 руб. взыскал со страховщика 82 400 руб., а также штраф в размере 50 % от этой суммы – 41 200 руб. и компенсацию морального вреда – 1000 руб.

С учетом стоимости восстановительного ремонта автомобиля, определенной исходя из средних рыночных цен в данном регионе в размере 924 800 руб. (без учета износа), суд взыскал с П. как с причинителя вреда разницу между этой суммой и страховым возмещением (400 000 руб.) в размере 524 800 руб.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что страховое возмещение Т. должно было производиться по договору ОСАГО, поскольку, несмотря на первоначальное заявление о страховом возмещении по договору КАСКО, Т. до исполнения страховщиком обязательств по договору КАСКО изменила волеизъявление и обратилась к страховщику с заявлением о страховом возмещении по договору ОСАГО.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, ссылаясь на то, что по результатам первоначальной экспертизы стоимость автомобиля истца до повреждения составляла 953 800 руб., а стоимость восстановительного ремонта – 924 800 руб., то есть 97 % от стоимости автомобиля, пришел к выводу о расчете страхового возмещения на условиях полной гибели исходя из доаварийной стоимости автомобиля за вычетом годных остатков

(578 900 руб.) и определил его в размере 374 900 руб. (953 800 руб. – 578 900 руб.).

С учетом произведенных страховщиком выплат в размере 317 600 руб. суд апелляционной инстанции изменил решение суда, снизив подлежащую взысканию со страховщика сумму до 57 300 руб. (374 900 руб. – 317 600 руб.) и уменьшив соответственно сумму штрафа до 28 650 руб.

Полагая, что взысканной суммой размер ущерба истцу возмещен в полном объеме, суд апелляционной инстанции отказал в иске.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций неправомерными ввиду следующего.

В соответствии со статьей 12¹ Закона об ОСАГО в целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его восстановительного ремонта проводится независимая техническая экспертиза.

Согласно пункту 3 этой статьи независимая техническая экспертиза проводится с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, которая утверждается Банком России и содержит, в частности:

а) порядок расчета размера расходов на материалы, запасные части, оплату работ, связанных с восстановительным ремонтом;

б) порядок расчета размера износа подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), в том числе номенклатуру комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), на которые при расчете размера расходов на восстановительный ремонт устанавливается нулевое значение износа;

в) порядок расчета стоимости годных остатков в случае полной гибели транспортного средства.

В соответствии с пунктом 1.1 Положения Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» данное положение устанавливает единую методику определения расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства.

В пункте 41 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31 разъяснено, что по договору обязательного страхования размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему в связи с повреждением транспортного средства, по страховым случаям, наступившим начиная с 21 сентября 2021 г., определяется в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении

поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П.

По ранее возникшим страховым случаям размер страхового возмещения определяется в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П.

В нарушение приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации суд апелляционной инстанции, придя к выводу о том, что на страховщике лежала обязанность произвести страховое возмещение по договору ОСАГО, осуществил его расчет на основании среднерыночных цен, а не в соответствии с единой методикой, что повлекло ошибочный вывод о стоимости восстановительного ремонта и о полной гибели транспортного средства.

Кроме того, в соответствии с пунктом 56 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31 при нарушении страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта потерпевший вправе предъявить требование о понуждении страховщика к организации и оплате восстановительного ремонта или потребовать страхового возмещения в форме страховой выплаты либо произвести ремонт самостоятельно и потребовать со страховщика возмещения убытков вследствие ненадлежащего исполнения им своих обязательств по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства в размере действительной стоимости восстановительного ремонта, который страховщик должен был организовать и оплатить. Возмещение таких убытков означает, что потерпевший должен быть поставлен в то положение, в котором он находился бы, если бы страховщик по договору обязательного страхования исполнил обязательства надлежащим образом (пункт 2 статьи 393 ГК РФ).

По данному делу суд апелляционной инстанции признал правильным вывод суда первой инстанции о нарушении страховщиком обязанности организовать и оплатить восстановительный ремонт по договору ОСАГО, однако в нарушение приведенных выше разъяснений сделал прямо противоположный вывод о взыскании страхового возмещения в виде разницы между доаварийной стоимостью автомобиля и стоимостью годных остатков, применив расчет страхового возмещения, предусмотренный для тех случаев, когда восстановительный ремонт не производится.

Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции не исправил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 35-КГ25-2-К2

11. Предусмотренный частью 6 статьи 24 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» штраф за неисполнение финансовой организацией решения финансового уполномоченного в установленный срок подлежит взысканию и в том случае, если решением финансового уполномоченного на финансовую организацию возложена обязанность не уплатить денежные средства гражданину-потребителю, а исполнить обязательство в натуре, например организовать и оплатить ремонт поврежденного транспортного средства.

В. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании штрафа в размере 150 650 руб. и компенсации морального вреда в размере 10 000 руб.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 28 января 2021 г. в результате ДТП по вине водителя автомобиля ГАЗ-2790 М. поврежден автомобиль Ford Focus, собственником которого является В.

Гражданская ответственность М. на дату ДТП застрахована ответчиком, В. – в другой страховой организации.

1 февраля 2021 г. В. обратился к ответчику с заявлением о страховом возмещении путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

9 февраля 2021 г. страховая компания уведомила В. о необходимости предоставления банковских реквизитов.

24 февраля 2021 г. В. направил страховой компании претензию о страховом возмещении путем организации и оплаты восстановительного ремонта транспортного средства, а также о выплате неустойки и компенсации морального вреда.

2 марта 2021 г. страховая компания уведомила В. об отсутствии договоров со СТОА, осуществляющими ремонт транспортных средств марки Ford Focus, которые соответствуют критериям, установленным Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 7 мая 2003 г. № 263, и о необходимости предоставить банковские реквизиты.

Решением финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. удовлетворено требование В. к страховой компании об организации и оплате восстановительного ремонта автомобиля Ford Focus на СТОА в регионе проживания заявителя.

Решением суда от 31 августа 2021 г., оставленным без изменения апелляционным определением, требования страховой компании об отмене решения финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. оставлены без удовлетворения.

Сведений об исполнении страховой компанией решения финансового уполномоченного от 1 апреля 2021 г. материалы дела не содержат.

13 декабря 2021 г. В. обратился к финансовому уполномоченному с заявлением о взыскании со страховой компании неустойки за неисполнение обязанности по выдаче направления на ремонт поврежденного транспортного средства и компенсации морального вреда.

Решением финансового уполномоченного от 14 января 2022 г. рассмотрение обращения В. прекращено в связи с невозможностью рассчитать неустойку, поскольку не представлены сведения о стоимости проведенного на СТОА ремонта.

Удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции указал, что страховая компания не исполнила в добровольном порядке решение финансового уполномоченного, и взыскал с нее штраф в размере 50 % от 301 300 руб. (стоимость восстановительного ремонта транспортного средства без учета износа, определенная страховой компанией), уменьшив его до 100 000 руб. на основании статьи 333 ГК РФ.

При этом суд руководствовался частью 6 статьи 24 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон о финансовом уполномоченном).

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда в части взыскания со страховой компании штрафа и отказал в иске в указанной части, сославшись на то, что за неисполнение в добровольном порядке решения финансового уполномоченного о возложении обязанности возместить ущерб в натуральной форме данный штраф взысканию не подлежит.

С выводом суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении требования о взыскании штрафа, оставив в этой части в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

Согласно части 6 статьи 24 Закона о финансовом уполномоченном, если финансовая организация не исполнила в добровольном порядке решение финансового уполномоченного, суд на основании заявления потребителя финансовых услуг взыскивает с финансовой организации за неисполнение ею в добровольном порядке решения финансового уполномоченного штраф в размере 50 % суммы требования потребителя финансовых услуг, которое подлежало удовлетворению в соответствии

с решением финансового уполномоченного, в пользу потребителя финансовых услуг.

Как следует из разъяснений, содержащихся в пункте 84 постановления Пленума от 8 ноября 2022 г. № 31, нарушение страховщиком сроков осуществления страхового возмещения, установленных решением финансового уполномоченного, является основанием для взыскания судом штрафа, предусмотренного частью 6 статьи 24 Закона о финансовом уполномоченном, независимо от того, произведено ли страховое возмещение до обращения потерпевшего в суд.

Если вступившее в силу решение уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг не исполнено страховщиком в порядке и в сроки, которые установлены указанным решением, наряду со штрафом, предусмотренным пунктом 3 статьи 16¹ Закона об ОСАГО, подлежит взысканию и штраф, предусмотренный частью 6 статьи 24 Закона о финансовом уполномоченном.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что предусмотренная частью 6 статьи 24 Закона о финансовом уполномоченном неустойка подлежит взысканию судом в случае неисполнения финансовой организацией решения финансового уполномоченного в установленный срок вне зависимости от того, возложена ли на финансовую организацию обязанность уплатить гражданину-потребителю денежную сумму или исполнить обязательство в натуре, например путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

Толкование суда апелляционной инстанции о том, что названный штраф подлежит взысканию, только если решением финансового уполномоченного взыскана денежная сумма или возложена обязанность ее уплаты, является ошибочным и не соответствует содержанию части 6 статьи 24 Закона о финансовом уполномоченном.

Если решение финансового уполномоченного возлагает на финансовую организацию обязанность исполнить обязательство в натуре путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, то сумма требований потребителя, которые подлежали удовлетворению в соответствии с этим решением, определяется стоимостью названного ремонта.

При ином толковании потерпевший, заявляющий требование о страховом возмещении в натуральной форме, будет находиться в более невыгодном положении по сравнению с потерпевшим, заявляющим требование о страховом возмещении в денежной форме, что нарушает конституционные положения о равенстве прав и гарантий их судебной защиты.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе решение суда первой инстанции о взыскании штрафа.

Определение № 86-КГ25-2-К2

Защита нематериальных прав

12. На редакцию средства массовой информации не может быть возложена обязанность удалить правомерно опубликованные статьи и видеорепортажи, содержащие сведения о гражданине и его изображение, по мотиву утраты актуальности.

Р. обратился в суд с иском к ряду средств массовой информации о возложении обязанности прекратить распространение персональных данных, размещенных в сети «Интернет».

Судом установлено и из материалов дела следует, что в сети «Интернет» размещены видеосюжеты, а также статьи, посвященные реорганизации городского рынка, содержащие изображения и комментарии главы администрации города, а также истца, являвшегося на момент трансляции видеосюжетов директором рынка.

Обращения истца к ответчикам о прекращении передачи сведений о нем и об уничтожении персональных данных оставлены без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал на наличие общественного интереса к теме указанных сюжетов, а именно к реорганизации городского рынка, направленной на его обновление и улучшение условий торговли, что в силу положений статьи 152 ГК РФ исключает ответственность распространителя информации. Доказательств распространения иной информации, отнесенной законом к частной жизни, и персональных данных, не относящихся к общественному и публичному интересу, не представлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на то, что размещенная в сети «Интернет» информация, касающаяся деятельности истца как директора рынка, на момент обращения истца к ответчикам с требованиями об удалении такой информации утратила актуальность и общественную значимость, ответчикам надлежит прекратить передачу персональных данных истца, включая фотографию, и уничтожить их.

С данными выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с существенным нарушением требований закона по следующим основаниям.

Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 152¹ ГК РФ не требуется согласия гражданина для обнародования и дальнейшего использования изображения, полученного при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, в том числе в открытых судебных заседаниях, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

В частности, изображение гражданина на фотографии, сделанной в публичном месте, не будет являться основным объектом использования, если в целом фотоснимок отображает информацию о проведенном публичном мероприятии, на котором он был сделан (пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Таким образом, распространение средствами массовой информации сведений о гражданине, включая его персональные данные и изображение, в отдельных случаях допускается без его согласия, если это необходимо в публичных интересах, однако в разумных пределах, не нарушая прав и законных интересов этого гражданина и не допуская злоупотребления правом.

Как установлено судом, персональные данные истца в виде фамилии, имени и должности, а также его фотографии использованы ответчиками в общественных интересах применительно к поднятой в статьях и сюжетах теме работы городского рынка и деятельности истца, непосредственно связанной в тот период с деятельностью указанной коммерческой организации, следовательно, согласия на использование изображения истца не требовалось. Опубликованные средствами массовой информации сведения не касались частной жизни истца и не выходили за пределы информации о работе городского рынка.

Кроме того, из установленных судом обстоятельств следует, что съемка проводилась в месте, открытом для свободного посещения, в ходе проведения публичного мероприятия, а именно в помещении рынка во время встречи главы администрации города с представителями средств массовой информации, на которой присутствовал истец.

Доводы суда апелляционной инстанции об утрате актуальности информации как об основании для удаления правомерно размещенных статей и видеорепортажей Судебная коллегия признала не основанными на законе. Увольнение истца с прежнего места работы само по себе к таким обстоятельствам не относится.

С учетом действующего правового регулирования спорных отношений на средства массовой информации как распространителей информации и персональных данных истца, включая его изображение, не могла быть

возложена обязанность удалить правомерно размещенные статьи и видеорепортажи и прекратить к ним доступ.

В связи с этим применение судом апелляционной инстанции положений части 1 статьи 10³ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и частей 12–14 статьи 10¹ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», возлагающих на оператора поисковой системы и лицо, обрабатывающее персональные данные, обязанность прекратить выдачу сведений или прекратить передачу персональных данных при определенных обстоятельствах, признано неправильным. В данном деле к спорным отношениям применению подлежали положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», частей 7 и 8 статьи 6 Закона о персональных данных и статей 150, 152¹ и 152² ГК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые постановления судов апелляционной и кассационной инстанций незаконными, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 5-КГ25-15-К2

Защита жилищных прав

13. В случае признания многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции за бывшим членом семьи собственника изымаемого жилого помещения, отказавшимся от участия в приватизации, при условии, что данное жилое помещение является для него единственным и он признан малоимущим, принят на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении или имеет право состоять на таком учете, сохраняются гарантии жилищных прав в виде обеспечения жилым помещением из муниципального жилищного фонда.

Администрация города обратилась в суд с иском к Л. и В. о признании прекратившими право пользования жилым помещением, снятии их с регистрационного учета по указанному в иске адресу.

В обоснование заявленных требований указано на то, что собственниками спорного жилого помещения являлись Л.О. и В.Н., каждому принадлежало по 1/2 доле. Распоряжением администрации города от 24 мая 2019 г. № 846-р многоквартирный жилой дом, в котором расположено спорное жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу. В связи с изъятием недвижимого имущества для муниципальных нужд Л.О. и В.Н. передали муниципальному образованию изымаемое жилое помещение (по 1/2 доле) и обязались сняться с регистрационного учета. Взамен изымаемого имущества В.Н. предоставлена по договору социального

найма квартира, Л.О. произведена выплата возмещения в размере рыночной стоимости доли. 18 мая 2022 г. произведена государственная регистрация права собственности муниципального образования на спорное жилое помещение.

Ответчики Л. и В. остаются зарегистрированными по месту жительства в переданном для муниципальных нужд жилом помещении, однако, по мнению истца, правовых оснований для сохранения права пользования и регистрации в спорном жилом помещении у ответчиков не имеется.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 292, 301 ГК РФ, исходил из того, что право собственности в отношении спорного жилого помещения, признанного аварийным и подлежащим сносу, в установленном законом порядке перешло к муниципальному образованию, собственниками указанного жилого помещения реализовано право на возмещение, ответчики Л. и В. в спорном жилом помещении фактически не проживают, правовых оснований для сохранения права пользования и регистрации в данном жилом помещении у них не имеется.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции сослался также на положения статей 35, 83 ЖК РФ, указав, что в данном случае право пользования Л. и В. спорным жилым помещением подлежит прекращению в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Статьей 304 ГК РФ предусмотрено, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

Согласно пунктам 1, 2 статьи 292 ГК РФ члены семьи собственника, проживающие в принадлежащем ему жилом помещении, имеют право пользования этим помещением на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. Переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не установлено законом.

Частью 1 статьи 35 ЖК РФ установлено, что в случае прекращения у гражданина права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным указанным кодексом, другими федеральными законами, договором, или на основании решения суда данный гражданин обязан освободить соответствующее жилое помещение (прекратить пользоваться им). Если данный гражданин в срок, установленный собственником

соответствующего жилого помещения, не освобождает указанное жилое помещение, он подлежит выселению по требованию собственника на основании решения суда.

Статьей 31 ЖК РФ урегулированы права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении. К членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи (часть 1 указанной статьи).

В силу части 4 статьи 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи.

В соответствии со статьей 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» действие положений части 4 статьи 31 ЖК РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

Из материалов дела следует, что спорное жилое помещение находилось в собственности (по 1/2 доле) у Л.О. и В.Н., 2012 года рождения, на основании договора передачи (приватизации) жилого помещения (квартиры) в собственность от 15 апреля 2015 г.

При приватизации спорного жилого помещения ответчики Л. и В. отказались от участия в приватизации в пользу Л.О. и В.Н., в связи с чем приобрели право бессрочного пользования указанным жилым помещением.

Таким образом, после выезда собственников из спорной квартиры Л. и В. остались в ней проживать и были вынуждены выехать в тот момент, когда коммунальные службы отключили жилой дом от систем энергообеспечения.

Согласно части 4 статьи 15 ЖК РФ жилое помещение может быть признано непригодным для проживания, многоквартирный дом может быть признан аварийным и подлежащим сносу или реконструкции по основаниям и в порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации. В многоквартирном доме, признанном аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, все жилые помещения являются непригодными для проживания.

Возмещение за жилое помещение, сроки и другие условия изъятия определяются соглашением с собственником жилого помещения.

Принудительное изъятие жилого помещения на основании решения суда возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. При этом по заявлению прежнего собственника жилого помещения за ним сохраняется право пользования жилым помещением, если у прежнего собственника не имеется в собственности иных жилых помещений, не более чем на шесть месяцев после предоставления возмещения прежнему собственнику жилого помещения, если соглашением с прежним собственником жилого помещения не установлено иное (часть 6 статьи 32 ЖК РФ).

Между тем в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьей 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», часть 6 статьи 32 ЖК РФ не обеспечивает – на основе принципов равенства и справедливости – решения вопроса о порядке и условиях сохранения жилищных гарантий, предусмотренных для бывших членов семьи собственника жилого помещения, отказавшихся от участия в его приватизации, в случае его признания непригодным для проживания, а многоквартирного дома – аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Рассматриваемое регулирование, в целом ориентированное на защиту жилищных прав, не содержит нормативного механизма, рассчитанного на обеспечение прав указанной категории граждан.

В связи с этим постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В. Штраус» часть 6 статьи 32 ЖК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данная норма в системе действующего правового регулирования не обеспечивает надлежащих гарантий защиты жилищных прав бывших членов семьи собственника жилого помещения, отказавшихся от участия в его приватизации, для которых это жилое помещение является единственным и которые не имеют реальной возможности самостоятельно удовлетворить потребность в жилище, при изъятии этого жилого помещения (в том числе признанного непригодным для проживания) для муниципальных нужд в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции.

Из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в указанном постановлении, следует, что впредь до внесения в действующее законодательство необходимых изменений часть 6 статьи 32 ЖК РФ предполагает, что в случае изъятия у собственника жилого помещения для муниципальных нужд в связи с признанием многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции суд должен разрешить вопрос – если того требует бывший член семьи такого собственника, имевший в момент приватизации равное право пользования им с лицом, приватизировавшим жилое помещение, и отказавшийся от участия

в приватизации, – об удовлетворении потребности такого бывшего члена семьи в жилище, обязав органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования предоставить ему в пользование жилое помещение из муниципального жилищного фонда с момента, когда дальнейшее нахождение в изымаемом помещении невозможно или непосредственно создает опасность для жизни или здоровья, при условии, что для бывшего члена семьи собственника изымаемого помещения оно является единственным и такой бывший член семьи, признанный малоимущим, принят на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении или имеет право состоять на таком учете.

При рассмотрении спора ответчики ссылались на то, что спорное жилое помещение является для них единственным местом жительства, их выезд носил вынужденный характер в связи с отключением жилого дома от систем энергообеспечения, с 2020 года они состоят в списке малоимущих граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, иных жилых помещений, пригодных для постоянного проживания, не имеют.

Указанные обстоятельства, имеющие правовое значение для разрешения данного спора, в нарушение положений статей 55, 56 ГПК РФ были оставлены судом без внимания и надлежащей юридической оценки не получили.

Определение № 70-КГ24-4-К7

14. Необходимым условием признания законным вселения другого лица в жилое помещение, занимаемое нанимателем по договору социального найма, является согласие нанимателя, членов его семьи, наймодателя на его вселение.

К. обратилась в суд с иском к местной администрации о признании права пользования жилым помещением, признании членом семьи нанимателя, указав, что с 2007 года фактически проживает, содержит, ухаживает и оплачивает коммунальные услуги в квартире, расположенной по указанному в иске адресу. Спорная квартира предоставлялась Х. в 1986 году с составом семьи три человека на основании ордера. После смерти нанимателя Х. в 2002 году фактическим нанимателем стал ее сын Х.Д., который в 2007 году вселил истца в спорное жилое помещение, после чего они совместно проживали более 15 лет, вели общее хозяйство, имели совместный быт вплоть до смерти Х.Д. в 2023 году. Расходы, связанные с захоронением Х.Д., несла также истец.

Местная администрация обратилась в суд с иском к К. о выселении, взыскании неустойки, указав, что спорная квартира является муниципальной собственностью на основании решения краевого Совета народных депутатов, принятого в 1991 году. В спорном жилом помещении зарегистрированных граждан нет, лицевой счет закрыт. Вышеуказанное жилое помещение без правоустанавливающих документов занимает К., которая согласно

поквартирной карточке в спорной квартире никогда зарегистрирована не была. Ответчику было предложено освободить занимаемое жилое помещение, однако в добровольном порядке освободить занятое жилое помещение ответчик К. отказалась. Администрация просила устранить нарушение прав собственника по владению, пользованию, распоряжению спорным жилым помещением, выселить К. из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения. В случае неисполнения решения суда взыскать с К. в пользу администрации судебную неустойку в размере 10 000 руб. ежемесячно до момента фактического исполнения решения суда.

Определением суда гражданские дела по названным искам объединены в одно производство.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований К., суд первой инстанции исходил из того, что К. в родственных отношениях с умершим нанимателем спорной квартиры и членами его семьи не состояла; ею не представлено доказательств наличия соглашения о создании общей собственности. К. в спорной квартире зарегистрирована не была. Из представленных доказательств судом не установлено, что К. вселена в спорное жилое помещение как член семьи нанимателя, соглашений о ее вселении в качестве члена семьи нанимателя не заключалось. Кроме того, Х.Д. после смерти своей матери не перезаключал договор социального найма с собственником спорного жилого помещения. Отклоняя доводы К. о ведении ею с Х.Д. общего хозяйства, суд указал, что Х.Д. имел возможность зарегистрировать ее в спорном жилом помещении, она и умерший имели возможность зарегистрировать брак, оформить в собственность спорную квартиру.

Удовлетворяя требования администрации о выселении и взыскании неустойки, суд первой инстанции пришел к выводу об обоснованности заявленных требований, поскольку администрация является собственником спорного жилого помещения, имеет право требовать устранения препятствий в пользовании принадлежащим ей жилым помещением, принимая во внимание доказанный в ходе рассмотрения дела факт незаконного вселения К. в спорное жилое помещение.

Учитывая основания для возложения на ответчика исполнения обязательств в натуре, характер установленных по делу обстоятельств, суд взыскал с К. в пользу администрации судебную неустойку в размере 500 руб. за каждый месяц неисполнения решения суда в части требований о выселении.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции принял во внимание, что К. в спорное жилое помещение была вселена как член семьи Х.Д., проживавшего в нем на условиях договора социального найма и ставшего после смерти матери Х. фактическим нанимателем, что в спорном жилом помещении К. и Х.Д. жили одной семьей, вели совместное хозяйство по день смерти нанимателя, что расходы на захоронение Х.Д. несла К., и пришел к выводу о наличии оснований для

удовлетворения исковых требований К. и для отказа в удовлетворении требований администрации.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно части 5 статьи 83 ЖК РФ договор социального найма жилого помещения прекращается со смертью одиноко проживавшего нанимателя.

В соответствии со статьей 82 ЖК РФ в случае смерти нанимателя член семьи нанимателя вправе требовать признания его нанимателем по ранее заключенному договору социального найма вместо первоначального нанимателя.

Пунктом 2 статьи 686 ГК РФ установлено, что в случае смерти нанимателя или его выбытия из жилого помещения договор продолжает действовать на тех же условиях, а нанимателем становится один из граждан, постоянно проживающих с прежним нанимателем, по общему согласию между ними. Если такое согласие не достигнуто, все граждане, постоянно проживающие в жилом помещении, становятся сонанимателями.

В силу статьи 70 ЖК РФ наниматель с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, вправе вселить в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма своего супруга, своих детей и родителей или с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, и наймодателя – других граждан в качестве проживающих совместно с ним членов своей семьи. Наймодатель может запретить вселение граждан в качестве проживающих совместно с нанимателем членов его семьи в случае, если после их вселения общая площадь соответствующего жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы. На вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласия остальных членов семьи нанимателя и согласия наймодателя.

Вселение в жилое помещение граждан в качестве членов семьи нанимателя влечет за собой изменение соответствующего договора социального найма жилого помещения в части необходимости указания в данном договоре нового члена семьи нанимателя.

В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что если на вселение лица в жилое помещение не было получено письменного согласия нанимателя и (или) членов семьи нанимателя, а также согласия наймодателя, когда оно необходимо (часть 1 статьи 70 ЖК РФ), то такое вселение следует рассматривать как незаконное

и не порождающее у лица прав члена семьи нанимателя на жилое помещение.

Таким образом, необходимыми условиями признания законным вселения другого лица в жилое помещение, занимаемое нанимателем по договору социального найма, являются согласие нанимателя, членов его семьи, наймодателя на его вселение и изменение договора социального найма с указанием в нем такого лица.

Однако после смерти нанимателя жилого помещения члены его семьи в установленном законом порядке к наймодателю с требованием о признании нанимателем по ранее заключенному договору социального найма вместо первоначального нанимателя не обращались. Кроме того, Х.Д. при жизни к наймодателю за получением согласия на вселение К. в жилое помещение не обращался.

Вместе с тем К. имеет постоянную регистрацию в ином жилом помещении, являющемся муниципальной собственностью, в которое она была вселена как дочь нанимателя.

По общему правилу положения главы 7 ЖК РФ устанавливают, что наниматель жилого помещения по договору социального найма и члены его семьи не могут одновременно иметь право пользования другим жилым помещением, занимаемым по договору социального найма, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Определение № 58-КГ24-9-К9

Защита трудовых и социальных прав граждан

15. Нормы трудового законодательства, включая нормы, устанавливающие сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, подлежат применению к отношениям, возникшим на основании гражданско-правового договора, только после признания судом таких отношений трудовыми.

С. 28 июля 2023 г. обратился в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Импульс» (далее – общество) о признании отношений, возникших между ним и обществом на основании гражданско-правовых договоров в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г., трудовыми, об обязанности внести запись о работе в трудовую книжку, о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику.

В обоснование исковых требований С. указал, что с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. работал сторожем в обществе по договорам возмездного оказания услуг, которые заключались с ним ежемесячно. Однако данными гражданско-правовыми договорами фактически регулировались трудовые

отношения, так как на протяжении всего указанного периода он выполнял обязанности сторожа, за что ему ежемесячно выплачивались денежные средства. Порядок его работы, график сменности определялись обществом. Вместе с тем общество в отношении С. не осуществляло уплату обязательных страховых взносов по обязательному социальному страхованию, пенсионному страхованию.

Ответчик в суде иск не признал, заявил о пропуске истцом установленного частью второй статьи 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора по требованиям о взыскании задолженности по заработной плате и другим выплатам, причитающимся работнику С. при увольнении.

Решением суда первой инстанции от 18 декабря 2023 г. иски удовлетворены частично. Разрешая спор, суд первой инстанции сослался, в частности, на положения статей 15, 16 ТК РФ, а также на статьи ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг и, дав оценку представленным в материалы дела доказательствам, признал имевшие место в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. между С. и обществом отношения, оформленные гражданско-правовыми договорами, трудовыми и в связи с этим указал на наличие правовых оснований для взыскания с общества в пользу С. задолженности по заработной плате (с учетом регионального минимального размера оплаты труда и районного коэффициента) и других выплат, причитающихся С. как работнику.

Рассматривая заявление ответчика о пропуске С. установленного частью второй статьи 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора по требованиям С. о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику, суд первой инстанции исходил из того, что эти требования С. являются самостоятельными исковыми требованиями и к ним подлежит применению указанный срок, который подлежит исчислению со дня установленного срока выплаты данных сумм, то есть с даты выплаты заработной платы за каждый месяц.

Отметив, что о нарушении трудовых прав С. стало известно с даты прекращения трудовых отношений, то есть с 29 июня 2023 г., а требования о взыскании задолженности по заработной плате охватывают период начиная с января 2021 года, суд первой инстанции пришел к выводу о пропуске С. названного срока в части его требований о взыскании заработной платы и иных выплат, причитающихся ему как работнику за период с 3 января 2021 г. по июль 2022 года, при этом С. с заявлением о восстановлении пропущенного срока в суд не обращался, доказательств, свидетельствующих о наличии уважительных причин пропуска срока, не представил.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе С., признал правильными выводы суда первой инстанции о наличии между обществом и С. трудовых отношений в период с 3 января 2021 г.

по 29 июня 2023 г. и о наличии оснований в связи с этим для взыскания с общества в пользу С. задолженности по заработной плате и иных выплат, причитающихся ему как работнику.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске С. установленного частью второй статьи 392 ТК РФ годового срока обращения в суд в части требований о взыскании задолженности по заработной плате и других выплат, причитающихся ему как работнику, вследствие чего изменил решение суда первой инстанции, увеличив сумму подлежащей взысканию с общества в пользу С. заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику.

Суд апелляционной инстанции, приведя положения части первой статьи 14 ТК РФ, подчеркнул, что после установления наличия трудовых отношений между сторонами они подлежат оформлению в предусмотренном трудовым законодательством порядке и только после признания их таковыми судом у работника возникает право требовать распространения норм трудового законодательства на имевшие место трудовые отношения, в том числе требовать взыскания задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении, предъявлять иные требования, связанные с трудовыми отношениями.

Поскольку наличие трудовых, а не гражданско-правовых отношений между обществом и С. было установлено судом первой инстанции (решение от 18 декабря 2023 г.), суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что С. не пропущен годичный срок обращения в суд с названными требованиями.

Кассационный суд общей юрисдикции не согласился с выводами суда апелляционной инстанции о том, что С. не пропущен установленный частью второй статьи 392 ТК РФ годичный срок обращения в суд с требованиями о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику, высказав суждение о том, что такой вывод противоречит установленным по делу обстоятельствам и положениям части второй статьи 392, части шестой статьи 136 ТК РФ.

Отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, кассационный суд общей юрисдикции исходил из того, что трудовые отношения между обществом и С. имели место с 3 января 2021 г. и с этой даты общество ежемесячно выплачивало С. денежные средства за выполненную по гражданско-правовым договорам работу, ввиду чего признал правильными выводы суда первой инстанции о пропуске С. годового срока обращения в суд за разрешением спора по части требований о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся ему как работнику.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение кассационного суда общей юрисдикции и оставила в силе апелляционное определение в связи со следующим.

По общему правилу, установленному статьей 392 ТК РФ, работник вправе обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Вместе с тем законом установлены и специальные сроки для обращения в суд за разрешением определенных категорий индивидуальных трудовых споров. К таким спорам отнесены споры о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, срок на обращение в суд по которым составляет один год, исчисляемый со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе при увольнении.

Сроки выплаты работнику заработной платы установлены статьей 136 ТК РФ, сроки расчета с работником при увольнении регламентированы статьей 140 ТК РФ.

Течение сроков, с которыми Трудовой кодекс Российской Федерации связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей (часть первая статьи 14 ТК РФ).

Согласно материалам дела общество в период с 3 января 2021 г. по 29 июня 2023 г. с С. заключало гражданско-правовые договоры возмездного оказания услуг, в связи с чем им в суд были заявлены иски о признании этих отношений трудовыми. Одновременно с данными требованиями С. также были заявлены иски о взыскании с общества как с работодателя в его пользу как работника за весь период его работы в обществе задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации за несвоевременную выплату денежных средств, компенсации морального вреда, об обязанности общества внести запись о работе в трудовую книжку С., произвести отчисления обязательных взносов в соответствующие фонды и Федеральную налоговую службу.

Из положений части четвертой статьи 11, части первой статьи 14, статьи 19¹ ТК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в постановлении от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям», следует, что в случае признания судом отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми они подлежат оформлению работодателем в установленном трудовым законодательством порядке, а у истца по такому спору возникает право требовать распространения норм трудового законодательства на имевшие место фактически трудовые отношения и, в частности, требовать взыскания задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении, предъявлять другие требования, связанные с трудовыми правоотношениями.

Следовательно, нормы трудового законодательства, включая нормы, устанавливающие сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, подлежат применению к отношениям, возникшим на основании гражданско-правового договора, только после признания судом таких отношений трудовыми.

Именно из такого толкования нормативных положений статьи 14 ТК РФ исходил суд апелляционной инстанции, сделавший вывод о том, что, поскольку отношения, возникшие между С. и обществом на основании гражданско-правовых договоров возмездного оказания услуг, были признаны трудовыми только в судебном порядке, а исковые требования о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся С. как работнику, были заявлены им одновременно с исковыми требованиями о признании отношений, возникших на основании гражданско-правовых договоров, трудовыми, срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора о взыскании заработной платы и других выплат, причитающихся С. как работнику, им не пропущен.

Кассационный суд общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, пришедшего к выводу о пропуске С. установленного частью второй статьи 392 ТК РФ годового срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, неправильно истолковал нормы материального права о сроках обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, что повлекло нарушение прав и законных интересов С.

Определение № 64-КГ24-4-К9

16. При расчете среднедушевого дохода семьи в целях получения в качестве меры социальной поддержки ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка в составе дохода семьи алименты учитываются только в том случае, если они получены членами семьи, а не уплачены ими.

П. 28 марта 2023 г. обратилась в суд с иском к отделению Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) (далее – орган пенсионного и социального страхования) о признании незаконным отказа в назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка.

В обоснование исковых требований указано, что П. состоит в браке с И., 27 сентября 2022 г. у них родилась дочь М.

П. 26 января 2023 г. обратилась в орган пенсионного и социального страхования с заявлением о назначении ей ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка на основании Федерального закона

от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

Решением органа пенсионного и социального страхования П. отказано в назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка по причине превышения размера среднедушевого дохода семьи П. 2-кратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в Республике Саха (Якутия). При расчете среднедушевого дохода семьи П. из дохода ее семьи не была исключена сумма уплаченных супругом П. – И. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что при расчете среднедушевого дохода семьи П. у ответчика не имелось правовых оснований для исключения из дохода этой семьи суммы уплаченных супругом П. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, поскольку Перечнем видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512, на дату подачи П. заявления о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка такой возможности не предусматривалось.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права в связи со следующим.

Из подлежащих применению к отношениям сторон, в частности положений статьи 3, части 1 статьи 12 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», части третьей статьи 5 Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи», следует, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, особая забота со стороны государства направлена на принятие мер по поддержке материального благополучия семей с детьми. Предоставление некоторых видов государственной социальной поддержки семьям, имеющим детей, обусловлено тем, что их среднедушевой доход ниже определенной

величины прожиточного минимума в соответствующем субъекте Российской Федерации, и направлено на поддержание уровня жизни этих семей.

Одной из таких мер социальной поддержки является ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, основания и порядок выплаты которой урегулированы Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей». Право на получение названной ежемесячной выплаты возникает в случае, если первый ребенок рожден (усыновлен) в период с 1 января 2018 г. до 1 января 2023 г. и среднедушевой доход семьи не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения, установленную в субъекте Российской Федерации. Для расчета среднедушевого дохода семьи учитываются определенные виды доходов, полученные членами семьи в денежной форме за 12 календарных месяцев. Среди таких доходов – заработная плата, пенсии, пособия, денежное довольствие военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512 утвержден Перечень видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи (далее – Перечень). В данном Перечне (в редакции, действовавшей до 1 января 2023 г.) в числе других доходов семьи или одиноко проживающего гражданина указаны алименты, получаемые членами семьи (абзац девятый подпункта «ж» пункта 1 Перечня). В пункте 3 Перечня было установлено, что из дохода семьи или одиноко проживающего гражданина исключается сумма уплаченных алиментов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 2522 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 г. № 1933 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации», вступившим в силу с 1 января 2023 г., пункт 3 Перечня видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512, признан утратившим силу.

В Перечне в редакции, действовавшей на дату подачи П. заявления о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка – 26 января 2023 г., в числе доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, названы алименты, получаемые членами семьи (абзац девятый подпункта «ж» пункта 1 Перечня).

Таким образом, при расчете среднедушевого дохода семьи учету подлежат только те денежные средства, которые получены членами семьи в качестве определенного законом вида дохода.

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что при расчете среднедушевого дохода семьи П. в качестве дохода нужно также учитывать суммы уплаченных супругом П. – И. алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, свидетельствует о неправильном толковании судами первой и апелляционной инстанций нормативных положений, определяющих, какие виды доходов членов семьи подлежат учету при расчете их среднедушевого дохода в целях получения названной меры социальной поддержки.

Исходя из буквального толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, при расчете среднедушевого дохода семьи алименты учитываются только в том случае, если они получены членами семьи, то есть являются доходом членов семьи, а не уплачены ими, что следует из содержания указанного Перечня, которым установлено, что к доходам членов семьи относятся полученные денежные суммы, в числе которых полученные алименты. Признание утратившим силу пункта 3 названного Перечня, содержавшего указание на то, что из дохода семьи или одиноко проживающего гражданина исключается сумма уплаченных алиментов, не изменило правовой сути понятия дохода семьи.

Иное толкование норм материального права о понятии и видах доходов семьи, учитываемых в целях получения в качестве меры социальной поддержки ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, приведет к одновременному включению одной и той же суммы алиментов в доходы семьи, получающей эти алименты, и в доходы той семьи, член которой их уплачивает.

Вследствие неправильного применения норм материального права, регулирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания и правовой оценки довод П. о том, что размер среднедушевого дохода ее семьи, определенный без учета уплаченных ее супругом алиментов на содержание его ребенка от предыдущего брака, не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума для трудоспособного населения Республики Саха (Якутия).

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность состоявшихся по делу судебных постановлений, допущенные нарушения норм права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования статьи 379⁶ и частей 1–3 статьи 379⁷ ГПК РФ.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 74-КГ24-2-К9

17. Если отказ в приеме на работу гражданина будет признан судом незаконным, то в целях восстановления нарушенных трудовых прав такого гражданина его требование о возложении на работодателя обязанности заключить с ним трудовой договор также подлежит удовлетворению судом.

Е. 15 февраля 2023 г. обратилась в суд иском к образовательному учреждению (далее – колледж, работодатель) о признании необоснованным (незаконным) отказа в приеме на работу, возложении обязанности заключить трудовой договор, взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Е. указала, что с 1986 по декабрь 2022 года работала в колледже в должности преподавателя спецдисциплин.

В декабре 2022 года вследствие стечения личных обстоятельств Е. расторгла трудовой договор по собственной инициативе, предварительно согласовав в устной форме с работодателем возможность приема ее на работу в колледж на прежнюю должность в 2023 году. 13 января 2023 г. Е. обратилась к директору колледжа с заявлением о приеме на работу на должность преподавателя специальных дисциплин с 6 февраля 2023 г., в чем ей было отказано 30 января 2023 г. по причине отсутствия вакансий.

Е. считала причину отказа в приеме на работу не соответствующей действительности, поскольку по состоянию на 31 января 2023 г. в федеральной государственной информационной системе «Работа в России» имелась информация о наличии в колледже вакансий, в том числе должностей преподавателей дисциплин, которые Е. могла занимать с учетом имеющихся у нее образования и квалификации. По мнению Е., отказ в принятии ее на работу вызван конфликтной ситуацией, произошедшей до увольнения в 2022 году между ней и директором колледжа по вопросу распределения работодателем учебной нагрузки между педагогическими работниками.

Е., ссылаясь на статьи 3, 22, 64 ТК РФ, просила суд признать отказ в приеме на работу необоснованным, не связанным с ее деловыми качествами, восстановить нарушенные права путем возложения на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор с даты ее обращения о приеме на работу в соответствии с предложением, размещенным на портале «Работа в России».

Решением суда первой инстанции исковые требования Е. оставлены без удовлетворения.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о признании незаконным отказа в приеме на работу, взыскании компенсации морального вреда.

В отмененной части судом апелляционной инстанции принято новое решение, которым признан незаконным отказ колледжа от 30 января 2023 г. в приеме на работу Е. на должность преподавателя. С колледжа в пользу Е. взысканы компенсация морального вреда, расходы на оплату юридических услуг, почтовые расходы. В остальной части (об отказе в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор) решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, суд апелляционной инстанции высказал суждение о том, что решение о понуждении работодателя заключить трудовой договор не входит в компетенцию суда, заключение трудового договора с соблюдением всех существенных условий является правом не только работника, но и работодателя при отсутствии фактических трудовых отношений между ними.

Кассационным судом общей юрисдикции апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, указав следующее.

Из нормативных положений о праве граждан на труд и о наличии у граждан возможности свободно распоряжаться своими способностями к труду, в том числе путем заключения трудового договора с работодателем, в их взаимосвязи с нормативными предписаниями о запрете на необоснованный отказ в заключении трудового договора и о судебной защите трудовых прав и свобод (части 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации, положений статей 1–3, 5, 9, 16, 21, 22, 63, 64–71 ТК РФ) и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в пункте 10 постановления от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», следует, что по общему правилу трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого между ними в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации в добровольном порядке. Вместе с тем нормами трудового законодательства предусмотрена возможность возникновения трудовых отношений на основании трудового договора, который подлежит заключению между работником и работодателем в результате судебного решения о заключении такого договора.

Действующим трудовым законодательством, которое в силу его нормативных предписаний работодатель должен соблюдать, запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, то есть такой отказ, который не основан на деловых качествах работника, а именно способностях

работника выполнять определенные трудовые функции с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств. Отказ работодателя в заключении трудового договора может быть обжалован в суд гражданином, который претендует на работу у данного работодателя.

Следовательно, если отказ в приеме на работу гражданина будет признан судом необоснованным (незаконным), то в целях восстановления нарушенных трудовых прав такого гражданина и надлежащей защиты его прав и законных интересов как работника, являющегося экономически более слабой стороной в трудовых отношениях, его требования о возложении на работодателя обязанности заключить трудовой договор подлежат удовлетворению судом. На основании такого судебного решения работодатель обязан заключить трудовой договор с гражданином, которому он ранее незаконно отказал в приеме на работу.

Суд апелляционной инстанции к спорным отношениям нормы Трудового кодекса Российской Федерации применил неправильно, вследствие чего пришел к неправомерному выводу о том, что решение о понуждении работодателя заключить трудовой договор не входит в компетенцию суда, а трудовым законодательством не предусмотрено такого способа защиты прав лица, желающего заключить трудовой договор с конкретным работодателем, как возложение на данного работодателя обязанности заключить соответствующий трудовой договор.

Суд апелляционной инстанции, признав на основании положений статьи 64 ТК РФ незаконным отказ колледжа (работодателя) в приеме на работу Е. и одновременно отказав в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на этого работодателя обязанности заключить с ней трудовой договор, не принял во внимание, что, обращаясь в суд с иском о признании необоснованным отказа колледжа (работодателя) в приеме на работу, Е. имела своей целью трудоустройство у данного работодателя, то есть восстановление нарушенного права на труд. При этом требование о возложении на колледж обязанности заключить с ней трудовой договор являлось производным от основного требования о признании необоснованным отказа в приеме на работу.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права к спорным отношениям привело к нарушению права Е. на труд, гарантированного каждому статьей 37 Конституции Российской Федерации.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм материального права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении исковых требований Е. о возложении на

колледж обязанности заключить с ней трудовой договор, дело в отмененной части направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 2-КГ24-8-КЗ

Процессуальные вопросы

18. Изменение решения суда и разрешение вопроса о правах и об обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле, путем разъяснения решения не допускается.

Вступившим в законную силу решением суда от 22 августа 2023 г. удовлетворены искивые требования местной администрации к Г., П.: признан незаконным раздел спорного земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 на 28 земельных участков; признаны незаконными межевой план, в соответствии с которым образованы и поставлены на кадастровый учет вновь образованные земельные участки, постановка их на кадастровый учет и изменение вида разрешенного использования. Указано, что решение суда является основанием для внесения в ЕГРН сведений об аннулировании права Г. на спорные земельные участки, восстановлены сведения в отношении земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 площадью 18 700 кв. м, расположенного в границах агрофирмы, с видом разрешенного использования «для сельскохозяйственного производства».

3 июня 2024 г. Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – управление Росреестра) обратилось в суд с заявлением о разъяснении решения суда, указав, что на регистрацию представлено решение суда от 22 августа 2023 г., согласно которому удовлетворены искивые требования местной администрации в части признания раздела земельного участка с кадастровым номером 23:30:0701000:658 на 28 земельных участков незаконным, о снятии их с государственного кадастрового учета и об аннулировании права собственности Г. на образованные земельные участки. Однако в ЕГРН содержатся сведения о земельных участках с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306, которые принадлежат на праве собственности П. В целях проведения государственной регистрации не ясно, является ли вышеуказанное решение суда основанием для погашения регистрационных записей о правах и снятия с государственного кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306.

Судом установлено, что после подачи местной администрацией иска в суд из 28 земельных участков Г. по договору купли-продажи от 31 мая 2023 г. проданы П. два земельных участка с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4306 и 23:30:0701000:4296.

Согласно выпискам из ЕГРН земельный участок с кадастровым номером 23:30:0701000:4306 площадью 700 кв. м с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» с 1 июня 2023 г. принадлежит на праве собственности П.; земельный участок с кадастровым номером 23:30:0701000:4296 площадью 822 кв. м с видом разрешенного использования «гостиничное обслуживание» также с 1 июня 2023 г. принадлежит П.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о возможности разъяснения решения районного суда от 22 августа 2023 г., сославшись на то, что разъяснение решения не изменит сути и смысла вынесенного судебного постановления.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, заявление о разъяснении решения суда удовлетворено. В определении указано, что решение суда является основанием для погашения управлением Росреестра регистрационных записей о правах и снятия с государственного кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296, 23:30:0701000:4306.

Определением кассационного суда общей юрисдикции определение суда первой инстанции и апелляционное определение оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что при рассмотрении дела по заявлению управления Росреестра о разъяснении решения суда судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм права, поскольку разъяснение решения суда по данному делу направлено на изменение его содержания по существу.

В соответствии со статьей 202 ГПК РФ в случае неясности решения суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

В пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что, поскольку статья 202 ГПК РФ предоставляет суду возможность разъяснить решение, не изменяя его содержания, суд не может под видом разъяснения изменить, хотя бы частично, существо решения, а должен только изложить его же в более полной и ясной форме.

Таким образом, разъяснение решения является одним из способов устранения его недостатков. Оно производится в случае неясности или нечеткости решения. При этом суд не может под видом разъяснения решения изменить его или разрешить вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства.

Однако суд первой инстанции, разъясняя решение суда от 22 августа 2023 г., фактически изменил его содержание, указав, что решение является основанием для погашения регистрационных записей о правах и снятия с кадастрового учета земельных участков с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296 и 23:30:0701000:4306, принадлежащих П.

Между тем исковые требования о погашении прав П. на указанные земельные участки истцом не заявлялись, предметом разбирательства дела не являлись и решение о правах П. не выносилось.

Из текста решения суда следует, что аннулировано право собственности Г. в отношении земельных участков, в том числе с кадастровыми номерами 23:30:0701000:4296 и 23:30:0701000:4306, на которые после раздела исходного земельного участка первично было зарегистрировано право собственности.

Указанным решением право собственности П. не аннулировалось.

Суд, установив, что основания раздела земельных участков являются незаконными, не рассматривал вопрос о признании договора купли-продажи от 31 мая 2023 г., являющегося основанием возникновения права собственности П., недействительным или ничтожным, в связи с чем лишение П. права собственности на возмездно приобретенное ею имущество путем разъяснения решения суда незаконно.

В кассационной жалобе П. ссылалась на то, что не обжаловала решение суда, поскольку в отношении ее права собственности решение не выносилось, однако в результате разъяснения решение фактически было изменено, она лишена права собственности, при этом срок на обжалование решения истек.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу о разъяснении решения суда судебные постановления и приняла новое судебное постановление об отказе в удовлетворении заявления управления Росреестра о разъяснении решения суда от 22 августа 2023 г.

Определение № 18-КГ25-101-К4

19. При исчислении срока на подачу частной жалобы, исчисляемого днями, в него не включаются выходные дни – суббота и воскресенье, а также нерабочие праздничные дни, установленные трудовым законодательством Российской Федерации.

Вступившим в законную силу решением суда от 1 февраля 2018 г. частично удовлетворены исковые требования Е. к некоммерческой организации и другим ответчикам о признании доли в праве незначительной, прекращении права общей долевой собственности и взыскании неосновательного обогащения.

Определением суда от 24 октября 2023 г. в удовлетворении заявления некоммерческой организации о пересмотре указанного решения по новым обстоятельствам отказано.

14 ноября 2023 г. в суд поступила частная жалоба некоммерческой организации на вышеупомянутое определение, в которой содержится просьба о восстановлении пропущенного процессуального срока ее подачи.

Отказывая в восстановлении этого срока, суд первой инстанции исходил из того, что процессуальный срок на подачу частной жалобы истек 8 ноября 2023 г., тогда как частная жалоба подана в суд только 14 ноября 2023 г.

Каких-либо убедительных доказательств, свидетельствующих о наличии обстоятельств, препятствовавших своевременной подаче частной жалобы, по мнению суда, заявителем не представлено.

С такими выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что при рассмотрении дела по заявлению некоммерческой организации о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу частной жалобы судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм процессуального права, поскольку судами неверно исчислен процессуальный срок обжалования судебного постановления.

В соответствии со статьей 332 ГПК РФ частная жалоба, представление прокурора могут быть поданы в течение пятнадцати дней со дня вынесения определения судом первой инстанции, если иные сроки не установлены данным кодексом.

Согласно части 3 статьи 107 этого же кодекса течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало.

В сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, если иное не установлено данным кодексом.

В соответствии со статьей 111 ТК РФ всем работникам предоставляются выходные дни (еженедельный непрерывный отдых). При пятидневной рабочей неделе работникам предоставляются два выходных дня в неделю, при шестидневной рабочей неделе – один выходной день.

Общим выходным днем является воскресенье. Второй выходной день при пятидневной рабочей неделе устанавливается коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка. Оба выходных дня предоставляются, как правило, подряд.

Поскольку в судах Российской Федерации установлена пятидневная рабочая неделя, то к выходным дням применительно к абзацу второму части 3 статьи 107 ГПК РФ относятся суббота и воскресенье.

Так, в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» в целях исчисления месячного срока на подачу апелляционных жалобы, представления, предусмотренного частью 2 статьи 321 ГПК РФ, разъяснено, что, если последний день срока выпадает на выходной день (субботу или воскресенье) либо на нерабочий праздничный день, днем окончания срока считается следующий за ним первый рабочий день (части 1 и 2 статьи 108 ГПК РФ, статьи 111 и 112 ТК РФ).

В случаях, когда срок на апелляционное обжалование исчисляется днями, в него не включаются выходные и нерабочие праздничные дни (часть 3 статьи 107 ГПК РФ, статьи 111 и 112 ТК РФ), если иное не установлено ГПК РФ.

Аналогичное разъяснение содержится и в пункте 2 действующего постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках», согласно которому к нерабочим дням относятся выходные и нерабочие праздничные дни. Выходными днями являются суббота и воскресенье, перечень нерабочих праздничных дней устанавливается трудовым законодательством Российской Федерации.

В силу статьи 112 ТК РФ нерабочим праздничным днем в Российской Федерации является, в частности, 4 ноября – День народного единства.

При совпадении выходного и нерабочего праздничного дней выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день.

Поскольку 4 ноября 2023 г. являлся и выходным (суббота), и нерабочим праздничным днем, выходной день был перенесен на следующий после праздничного рабочий день, то есть на 6 ноября 2023 г. (понедельник).

Из приведенных выше обстоятельств, положений законов и актов их толкования следует, что срок подачи частной жалобы на определение суда от 24 октября 2023 г. начал течь 25 октября 2023 г. – на следующий день после его вынесения, а оканчивался 15 ноября 2023 г. с учетом того, что 28 и 29 октября, 4, 5, 6, 11 и 12 ноября 2023 г. являлись выходными днями.

Частная жалоба с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока подана в суд 14 ноября 2023 г., то есть в пределах установленного законом срока.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока, а дело направила в суд первой инстанции для разрешения вопросов, связанных с принятием частной жалобы на определение суда.

Определение № 18-КГ25-240-К4

20. В случае введения процедуры банкротства в отношении должника присужденные судом общей юрисдикции к взысканию с него денежные суммы подлежат индексации до дня введения первой процедуры по делу о его банкротстве.

М. обратилась в суд с заявлением об индексации денежной суммы, взысканной по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., в размере 2 619 188 руб. за период с 19 марта 2018 г. по 31 августа 2022 г., ссылаясь на то, что названным заочным решением суда был удовлетворен ее иск к Б., с которого в ее пользу взысканы денежные средства, однако долг не погашен, в отношении ответчика возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве).

Судом установлено и следует из материалов дела, что 20 июня 2018 г. на основании названного заочного решения суда М. выданы исполнительные листы в отношении должника Б.

6 августа 2020 г. М. обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании Б. несостоятельным (банкротом).

Определением арбитражного суда от 8 декабря 2021 г. заявление М. о признании Б. несостоятельным (банкротом) признано обоснованным, в отношении Б. введена процедура реструктуризации долгов гражданина, утвержден финансовый управляющий. Признаны подлежащими включению в третью очередь реестра требований кредиторов Б. требования М. в размере 1 600 000 руб. о взыскании неосновательного обогащения, 200 000 руб. неустойки, 619 188 руб. неустойки, 10 000 руб. компенсации морального вреда, 100 000 руб. штрафа; требования в размере 200 000 руб. неустойки, 619 188 руб. неустойки, 100 000 руб. штрафа постановлено учесть отдельно в реестре требований кредиторов как подлежащие удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов.

Решением арбитражного суда от 1 августа 2022 г. процедура реструктуризации долгов Б. прекращена, он признан несостоятельным (банкротом), введена процедура реализации имущества, утвержден финансовый управляющий.

Отказывая М. в удовлетворении заявления об индексации взысканных денежных сумм, суд первой инстанции, сославшись на положения статьи 213¹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), исходил из того, что с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина, за исключением текущих платежей. Поскольку Б. признан несостоятельным (банкротом) и в отношении его введена процедура реализации имущества гражданина, основания для индексации денежной суммы, взысканной по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., отсутствуют.

Суд апелляционной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения, дополнительно указав, что требования М. включены в третью очередь реестра требований кредиторов и Законом о банкротстве не предусмотрены возможность и порядок индексации сумм кредиторских требований, включенных в реестр требований кредиторов.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные постановления вынесены с нарушением норм права, отменила их и направила заявление М. об индексации денежной суммы с делом на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 208 ГПК РФ по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда. Если иное не предусмотрено федеральным законом, присужденные денежные суммы индексируются со дня вынесения решения суда или, если решением суда предусмотрена выплата присужденной денежной суммы в предстоящем периоде, с момента, когда такая выплата должна была быть произведена.

По смыслу положений статьи 213², пунктов 1, 2 статьи 213¹¹ Закона о банкротстве при разрешении вопроса об индексации в отношении лица, находящегося в процедурах банкротства, следует исходить из того, что введение в отношении должника банкротных процедур вызвано объективными причинами, когда взыскание задолженности и исполнение вступивших в законную силу судебных актов происходит в особом порядке и по особой процедуре, которые предусмотрены законодательством о несостоятельности, с целью формирования конкурсной массы и расчетов с кредиторами в соответствии с установленной очередностью.

Финансовые санкции и индексация в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, заменяются исключительно мораторными процентами (пункт 4 статьи 63, пункт 2 статьи 81, пункт 2 статьи 95, пункт 2¹ статьи 126 Закона о банкротстве), которые начисляются на сумму основного долга и фактически компенсируют кредитору инфляционные потери в период процедур банкротства до проведения с ним расчетов.

Следовательно, присужденные судом денежные суммы подлежат индексации только до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника.

При разрешении заявления об индексации денежной суммы, взысканной в пользу М. с Б. по заочному решению суда от 19 марта 2018 г., приведенные выше положения законодательства были применены неправильно, поскольку суд не произвел индексацию присужденных денежных сумм за период, предшествующий введению в отношении Б. первой процедуры по делу о банкротстве.

Отказ в удовлетворении заявления об индексации присужденных денежных сумм за период до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника повлек нарушение права М. на возмещение инфляционных потерь вследствие несвоевременного исполнения Б. заочного решения суда, вступившего в законную силу до дня введения первой процедуры по делу о банкротстве должника.

Определение № 18-КГ24-242-К4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Применение законодательства о юридических лицах

21. В случае представления истцом, заявляющим о выплате действительной стоимости доли, доказательств возможного искусственного завышения долгов общества бремя доказывания обстоятельств, подтверждающих действительную сумму задолженности, возлагается на общество.

Участник общества с ограниченной ответственностью, владеющий долей участия в размере 30 %, подал нотариально удостоверенное заявление о выходе из общества.

Действительная стоимость доли определена обществом в размере 1 000 000 руб. и выплачена участнику, заявившему о выходе из общества.

Не согласившись с размером выплаченной действительной стоимости доли, бывший участник общества обратился в арбитражный суд, полагая, что при расчете действительной стоимости доли на основании показателей бухгалтерского баланса размер подлежащей истцу выплаты составляет 22 349 000 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении требований отказано.

Суды, руководствуясь Порядком определения стоимости чистых активов, утвержденным приказом Министерства финансов России от 28 августа 2014 г. № 84н, и результатами судебной экспертизы об оценке стоимости чистых активов общества, пришли к выводу, что рыночная стоимость активов общества на отчетную дату составила 30 руб.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу пункта 6¹ статьи 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной

ответственностью» (далее – Закон об обществах с ограниченной ответственностью) общество обязано выплатить вышедшему из общества участнику общества действительную стоимость его доли в уставном капитале общества, определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дате перехода к обществу доли вышедшего из общества участника общества.

Пунктом 2 статьи 14 Закона об обществах с ограниченной ответственностью предусмотрено, что действительная стоимость доли участника общества соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли.

В соответствии с практикой Верховного Суда Российской Федерации именно финансовое положение общества является тем объективным и ключевым фактором, который в первую очередь влияет на стоимость долей участников такого общества в уставном капитале.

Стоимость доли, выплачиваемой участнику при выходе из общества, должна определяться на основании достоверных данных, отражающих актуальное имущественное (финансовое) положение общества.

Суд при установлении рыночной действительной стоимости доли не может ограничиваться выводами эксперта, не сопоставив их с объективными данными об имущественных активах общества, особенно в ситуации, когда такие данные ставят под сомнение выводы эксперта.

Как следует из материалов дела, в процессе рассмотрения спора истец неоднократно указывал, что для целей уменьшения действительной стоимости доли в бухгалтерскую отчетность общества была включена задолженность на сумму 305 199 570 руб.

Указанная кредиторская задолженность возникла на основании договора поставки и неоднократно уступалось. Конечным приобретателем задолженности являлось общество, аффилированное с контролирующим участником ответчика, не имеющее сотрудников и не осуществляющее экономической деятельности.

Действующим законодательством установлен порядок списания не востребовавшейся кредиторской задолженности в бухгалтерском учете организации, в связи с чем эта спорная сумма подлежала списанию и не должна учитываться при определении действительной стоимости доли. Между тем общество таких мероприятий не совершило, что повлияло на сведения бухгалтерского баланса и, соответственно, размер стоимости доли.

Названные обстоятельства в совокупности указывают на возможное искусственное завышение задолженности для целей уменьшения действительной стоимости доли и должны были вызвать обоснованные сомнения у судов всех инстанций в наличии долговых обязательств, отраженных в бухгалтерской отчетности общества.

После представления истцом доказательств, свидетельствующих о возможном искусственном завышении задолженности для уменьшения действительной стоимости доли, судам следовало возложить обязанность по

доказыванию обстоятельств, подтверждающих наличие задолженности перед контрагентом, на ответчика.

Иное по своей сути приводило бы к тому, что выходящий участник общества, не имея возможности осуществления контроля за достоверностью бухгалтерской отчетности, не смог бы представить доказательства заведомо недобросовестного занижения действительной стоимости доли и, как следствие, неправомерно был бы лишен стоимости принадлежащего ему имущественного актива.

Определение № 305-ЭС24-23344

22. Если условие о цене договора купли-продажи являлось предметом переговоров сторон, то такое условие становится существенным и не может быть восполнено судом по правилам пункта 3 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд первой инстанции удовлетворил требование продавца о взыскании задолженности по договору купли-продажи акций акционерного общества. При рассмотрении спора суд исходил из заключенности договора купли-продажи акций, согласованности представленных условий договора, в том числе относительно цены продажи в размере 240 000 000 руб., указанной в договоре.

Суд апелляционной инстанции, выводы которого были поддержаны судом округа, отменил решение суда первой инстанции, установив, что представленный истцом экземпляр договора купли-продажи акций имеет признаки подложности, в связи с чем условия договора в части цены сделки несогласованны.

В силу пункта 3 статьи 424 ГК РФ в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги.

В связи с этим судом апелляционной инстанции для определения цены продажи акций назначена экспертиза, в соответствии с результатами которой рыночная стоимость акций на момент заключения договора составляла 1 руб. Принимая во внимание результаты указанной экспертизы, а также результаты оценки рыночной стоимости акций, представленной в материалы дела ответчиком, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что стоимость акций на момент заключения договора составляла 1 руб.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В силу пункта 1 статьи 485 ГК РФ покупатель обязан оплатить товар по цене, предусмотренной договором купли-продажи, либо, если она договором не предусмотрена и не может быть определена исходя из его условий,

по цене, определяемой в соответствии с пунктом 3 статьи 424 ГК РФ.

При этом, как следует из разъяснения, содержащегося в абзаце третьем пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», отсутствие согласия по условию о цене или порядке ее определения не может быть восполнено по правилу пункта 3 статьи 424 ГК РФ и договор не считается заключенным, если до совершения сделки одной из сторон было предложено условие о цене, не согласованное другой стороной, до тех пор, пока стороны не согласуют названное условие, или сторона, предложившая условие о цене или заявившая о ее согласовании, не откажется от своего предложения, или такой отказ не будет следовать из поведения указанной стороны.

Таким образом, суд не вправе определять цену договора по правилам пункта 3 статьи 424 ГК РФ, если цена являлась предметом обсуждения сторон на стадии заключения договора, но данное условие в конечном счете не было согласовано сторонами. Суд также не вправе применять правила пункта 3 статьи 424 ГК РФ, если соглашение о цене было достигнуто между сторонами, но при этом не была соблюдена письменная форма сделки (пункт 1 статьи 160 ГК РФ) или утрачен экземпляр договора как документ, выражающий содержание волеизъявления сторон, поскольку в качестве общего правила закон допускает подтверждение условий сделки письменными и другими доказательствами (пункт 1 статьи 162 ГК РФ).

Судом апелляционной инстанции исходя из результатов экспертизы было установлено, что печатные тексты, расположенные на лицевой и оборотной сторонах договора купли-продажи ценных бумаг, выполнены при помощи разных печатающих устройств, что свидетельствует об изготовлении документа путем монтажа.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, приходя к выводу об отсутствии надлежащего (достоверного) экземпляра договора купли-продажи в материалах дела в связи с осуществленным монтажом, не учел, что в материалах дела имеется целый ряд доказательств, из которых может быть установлено волеизъявление сторон относительно цены продажи акций.

Истцом в материалы дела представлены данные регистратора, в котором цена сделки указана в размере 240 000 000 руб. Помимо этого, как указывал истец, он оплатил услуги регистратора в сумме 650 000 руб., которая отсчитывалась от данной суммы сделки.

Кроме того, в ходе рассмотрения другого спора между истцом и предыдущим владельцем акций общество признавало заключение договора купли-продажи акций на условиях, указанных истцом, и настаивало на том, что цена договора купли-продажи ценных бумаг является именно 240 000 000 руб., указывая на отсутствие предусмотренных статьями 178, 179 ГК РФ оснований для оспаривания сделки по приобретению акций истцом.

Таким образом, несмотря на отсутствие в материалах дела подлинного экземпляра договора купли-продажи, истец представил доводы в подтверждение согласованной сторонами цены в размере 240 000 000 руб., ссылаясь как на письменные доказательства (регистрационный журнал, счет об оплате услуг регистратора), так и на поведение ответчика, свидетельствующее о достижении соответствующей договоренности.

Этим истец перенес обязанность по опровержению факта согласования договорной цены в соответствующем размере на ответчика (часть 1 статьи 9, части 1 статьи 65, часть 3¹ статьи 70 АПК РФ), который должен был оспорить доводы истца, представить доказательства, обосновывающие свои возражения.

В нарушение положений части 2 статьи 65, статьи 71 и части 1 статьи 168 АПК РФ названные доказательства не получили судебной оценки в обжалуемых судебных актах.

Судом апелляционной инстанции также не дана надлежащая правовая оценка заявлениям истца о противоречивом поведении ответчика, который с момента заключения сделки создавал разумные ожидания ее заключенности на условиях, изложенных в исковых требованиях.

Определение № 305-ЭС24-23156

23. Ничтожность решения общего собрания участников общества, совершенного в отсутствие нотариального удостоверения, не может быть определена судом, если оно исполнялось и отсутствуют обоснованные сомнения относительно факта принятия такого решения всеми участниками общества и его содержания.

Участник общества обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по выплате части распределенной прибыли (дивидендов).

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требование исходя из того, что обществом с ограниченной ответственностью не были исполнены решения общего собрания участников о распределении прибыли.

Суд округа отменил судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и отказал в удовлетворении иска. Суд пришел к выводу о ничтожности решений общего собрания участников общества об установлении альтернативного порядка удостоверения решений общего собрания участников общества и о распределении прибыли в связи с отсутствием их нотариального удостоверения, необходимого в соответствии с пунктом 3 статьи 671 ГК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда округа, оставив в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

Одним из основополагающих принципов гражданского законодательства является запрет недобросовестного поведения, в соответствии с которым лицо не вправе действовать вопреки своим ранее совершенным действиям, создавшим обоснованные ожидания у другой стороны.

Закон устанавливает, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на ее действительность (пункт 5 статьи 166 ГК РФ).

Таким образом, лицо, которое своими действиями создало разумные (правомерные) ожидания действительности сделки у иных лиц, не вправе ссылаться на недействительность (ничтожность) соответствующей сделки. Заявление лица о ничтожности сделки, совершенное вопреки его предшествовавшему последовательному поведению, не имеет юридического значения.

Это в полной мере применимо к корпоративным отношениям, связанным с участием в хозяйственном обществе, включая отношения, возникающие при распределении прибыли между участниками (абзац четвертый пункта 1 статьи 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), в связи с чем ни хозяйственное общество, ни его отдельные участники не вправе выдвигать возражения относительно несоблюдения формы удостоверения решения участников (нотариальной или альтернативной) только для того, чтобы не исполнять решение, которое отражает действительную волю участников и до возникновения спора рассматривалось заинтересованными лицами как подлежащее исполнению, в том числе было частично исполнено.

Из материалов дела следует, что, несмотря на отсутствие нотариального удостоверения решения собрания об установлении альтернативного порядка удостоверения решений, в течение длительного времени общество принимало решения о распределении прибыли и фактически распределяло прибыль между своими участниками в отсутствие такого удостоверения. Такие решения общего собрания систематически исполнялись, что не могло не создавать у участников общества соответствующих правомерных ожиданий.

Кроме того, частичное исполнение обществом обязательства по выплате дивидендов истцу в данном случае подтверждается заключением нотариального соглашения о передаче имущества в собственность участника в качестве способа выплаты дивидендов, последующей государственной регистрацией права собственности на переданное имущество.

Общество при рассмотрении дела не заявляло о фальсификации принятых решений общего собрания о распределении дивидендов и не оспаривало тот факт, что названные решения фактически были приняты на тех условиях, которые указывались истцом.

Исходя из этого ничтожность решения общего собрания участников общества, совершенного в отсутствие нотариального удостоверения, не может быть констатирована судом, если материалами дела подтверждается действительный факт принятия такого решения всеми участниками хозяйствующего субъекта и отсутствуют обоснованные сомнения относительно данного факта.

В случае, когда лицо заявляет о недействительности принятого собранием решения только по мотиву отсутствия его надлежащего удостоверения, но не приводит доводов о том, что соответствующее решение не принималось в принципе и (или) принималось на иных условиях, такое заявление по смыслу пункта 4 статьи 1, пункта 5 статьи 166 ГК РФ не имеет правового значения как свидетельствующее о недопустимом поведении.

Определение № 304-ЭС24-23525

Споры, возникающие из обязательственных отношений

24. Сторона договора, заключенного по результатам торгов, которая считает условия этого договора о размере арендной платы не соответствующими закону, вправе оспорить торги и заключенный по их результатам договор, но не может требовать внесения в него изменений в порядке пункта 2 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Общество, действующее в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства» в качестве агента Российской Федерации в отношении переданного ему федерального имущества (арендодатель), и предприниматель (арендатор) заключили по результатам торгов договоры купли-продажи объектов недвижимости с одновременным предоставлением в аренду ограниченных в обороте земельных участков, на которых расположены данные объекты. Договоры заключены в соответствии с конкурсной и аукционной документацией.

Впоследствии арендатор, полагая, что срок аренды земельного участка под объектом культурного наследия должен составлять 49 лет, а размер арендной платы за земельные участки, ограниченные в обороте и занятые объектами недвижимости, не должен превышать размер земельного налога, направил арендодателю предложение о заключении дополнительных соглашений к договорам.

Общество отказало во внесении изменений в заключенные по результатам конкурса и аукциона договоры.

Арендатор, считая отказ арендодателя незаконным, обратился в арбитражный суд с иском об изменении договоров.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требование предпринимателя удовлетворил.

Суды исходили из того, что, поскольку предметом аукциона являлась только цена объектов недвижимости, расположенных на земельных участках, истец приобрел право аренды земельных участков без проведения торгов как собственник объектов недвижимости, расположенных на данных участках. В таком случае арендная плата за спорные земельные участки должна исчисляться в размере, не превышающем размер земельного налога для земельного участка, ограниченного в обороте, занятого зданиями и сооружениями, сформированного с учетом площади, необходимой для их эксплуатации.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и отказала в иске, указав следующее.

Условия конкурсной и аукционной документации содержали информацию, касающуюся срока аренды земельных участков, платы за публичные земельные участки в твердом, фиксированном размере на определенный срок, которые не подлежали изменению до истечения этого срока.

Информация о размере фиксированной арендной платы за пользование земельными участками и сроке аренды, отраженная в конкурсной и аукционной документации и протоколах, была доведена до неограниченного круга лиц, включая участников торгов. Общий размер платы по заключаемым договорам учитывался субъектами предпринимательской деятельности при принятии решения об участии в торгах.

Несмотря на то что в отношении размера арендной платы за земельные участки участники торгов не могли давать свои ценовые предложения, это не отменяет факт заключения рассматриваемых договоров по результатам торгов.

Размер платы за аренду земли фактически является частью цены договора в целом, предложенной в конкурсной и аукционной документации.

Предприниматель до начала торгов был ознакомлен с конкурсной и аукционной документацией, проектом договора, которые содержали указанные условия.

Подписав договоры, условия которых соответствуют конкурсной и аукционной документации и протоколам торгов, предприниматель принял на себя в том числе обязательство вносить арендную плату в установленном размере.

По смыслу пункта 8 статьи 448 ГК РФ условия договора, заключенного по результатам торгов, могут быть изменены сторонами, только если это изменение не влияет на условия договора, имевшие существенное значение для определения цены на торгах, а также в иных случаях, установленных законом. Данные требования призваны гарантировать отсутствие

необоснованных экономических преимуществ победителям торгов при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием государственного или муниципального имущества.

В данном случае требования арендатора направлены на изменение предусмотренного конкурсной и аукционной документацией фиксированного размера годовой арендной платы за публичные земельные участки, что недопустимо, поскольку договор по результатам торгов должен быть заключен на условиях, указанных в конкурсной и аукционной документации. При этом предприниматель не привел доказательств наличия указанных в пункте 8 статьи 448 ГК РФ оснований для изменения условий договоров, в том числе возникших в связи с изменением законодательства после заключения данных договоров.

По сути, истец оспаривает законность включения на стадии проведения конкурса/аукциона и заключения договоров положений о размере арендной платы за земельные участки и сроке аренды. Между тем вопрос о законности указанных условий не может быть предметом спора по иску о внесении изменений в договоры со ссылкой на пункт 2 статьи 450 ГК РФ.

Предприниматель как участник торгов, который считает условия определения размера арендной платы за пользование спорными земельными участками и о сроке аренды не соответствующими действующему законодательству, до проведения торгов был вправе оспорить конкурсную или аукционную документацию, а после проведения торгов в силу пункта 1 статьи 449 ГК РФ вправе оспорить в целом торги и договоры, заключенные с ним по их результатам.

Поскольку предприниматель, ознакомленный с конкурсной и аукционной документацией, заключил договоры купли-продажи объектов недвижимого имущества и аренды земельных участков, требования, направленные на внесение изменений в договоры со ссылкой на несоответствие закону условий о цене, определенных при заключении договоров, не подлежат удовлетворению.

Иной подход нарушает требования пункта 8 статьи 448 ГК РФ о недопущении изменения договора, которое влияет на его условия, имевшие существенное значение для определения как цены на торгах, так и победителя торгов, и ставит в неравное положение участников торгов.

Изменение условий договоров в сторону уменьшения размера платы, увеличения срока аренды в пользу одного из участников торгов влечет также нарушение прав иных участников гражданского оборота, поскольку фактически предоставляет преимущество отдельному хозяйствующему субъекту в виде получения предмета торгов на значительно более выгодных условиях, чем содержащиеся в аукционной и конкурсной документации, с учетом того что при установлении в аукционной документации размера арендной платы в испрашиваемом истцом размере круг лиц, заинтересованных в участии в торгах, мог быть иным.

25. Зачет не может быть осуществлен, если по требованию лица, которое заявило о зачете, пропущен срок исковой давности.

Субподрядчик обратился в арбитражный суд с иском к подрядчику о возврате гарантийного удержания по договору субподряда.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований отказано. Суды пришли к выводу, что подрядчиком на основании статьи 410 ГК РФ осуществлен зачет требования о возврате гарантийного удержания по договору против требований о возмещении ущерба субподрядчиком и возврата суммы долга за поставку давальческих материалов. При этом субподрядчик какие-либо возражения на уведомление подрядчика о прекращении обязательств зачетом не предъявлял.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В целях применения статьи 410 ГК РФ юридически значимым является установление обстоятельств, касающихся законности и обоснованности предъявленных к зачету требований, определение размера таких требований, допустимость осуществления зачета соответствующей суммы в счет обязательства заказчика (в данном случае подрядчика) по оплате выполненных работ и правомерность учета предъявленной к зачету контрагентом суммы.

При рассмотрении спора суды не исследовали надлежащим образом в целях установления наличия (отсутствия) оснований для прекращения обязательства подрядчика зачетом требований вопрос, связанный с законностью и обоснованностью направленного к зачету активного требования, с раскрытием непосредственно материально-правовой природы зачета, как в части суммы заявленного ущерба, так и в части суммы долга за поставку материалов.

В нарушение положений части 1 статьи 65, статьи 71 и части 1 статьи 168 АПК РФ надлежащей оценки в состоявшихся по делу судебных актах не получили доводы субподрядчика о том, что в уведомлении о зачете не раскрыта правовая природа активного требования; заявленный подрядчиком ущерб не обоснован и документально не подтвержден; на объекте работы выполняли три подрядные организации, протоколами не определены ни размер причиненного ущерба, ни конкретное лицо, причинившее вред.

Судами при вынесении обжалуемых судебных актов не дана надлежащая оценка доводам субподрядчика о пропуске срока исковой давности для зачета ответчиком соответствующих сумм, не определены начальная дата течения срока исковой давности и трехлетний период, предшествующий дате заявления о зачете.

Субподрядчик указывал, что требование о компенсации ущерба, предъявленное в уведомлении о зачете от 2022 года, заявлено после истечения срока исковой давности, поскольку протоколы о недостатках были оформлены в 2018 году.

В пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» разъяснено, что в случаях, предусмотренных статьей 411 ГК РФ, зачет не влечет юридических последствий, на которые он был направлен, в частности, если по активному требованию истек срок исковой давности. При истечении срока исковой давности по активному требованию должник по нему, получивший заявление о зачете, не обязан в ответ на него сообщать о пропуске срока исковой давности кредитору (пункт 3 статьи 199 ГК РФ).

По смыслу приведенных положений истечение срока исковой давности предоставляет должнику защиту от принудительного исполнения имеющегося к нему требования кредитора.

Определение № 305-ЭС25-1730

26. Должник вправе указать в платежном документе, в счет какого из основных однородных обязательств осуществляется исполнение. Вместе с тем порядок погашения дополнительных требований, связанных с выбранным основным денежным долгом и производных от него, определяется по правилам статьи 319 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Между поставщиком и покупателем заключен договор поставки товара, в соответствии с которым в случае неоплаты товара в установленный в договоре срок сумма задолженности считается предоставленной на условиях коммерческого кредита.

Во исполнение условий договора поставщиком была произведена поставка товара, однако покупатель перечислил поставщику денежные средства за указанный товар с нарушением срока его оплаты. В платежном поручении о назначении платежа покупатель указал «погашение основного долга».

Поставщик обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности, процентов за пользование коммерческим кредитом и процентов за пользование чужими денежными средствами по статье 395 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции требования поставщика частично удовлетворены. При этом очередность погашения требований и размер взыскиваемых сумм суд определил, исходя из положений статьи 319 ГК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда в части

удовлетворения требования о взыскании задолженности отменено, в части требования о взыскании процентов за пользование коммерческим кредитом, процентов, начисленных в соответствии со статьей 395 ГК РФ, изменено.

Суды, приняв во внимание положения статьи 319¹ ГК РФ и тот факт, что покупатель в платежных документах назначением платежа указал погашение основного долга, пришел к выводу об отсутствии оснований для его взыскания в судебном порядке. В то же время суды удовлетворили требование о взыскании процентов в пределах заявленной истцом суммы.

Отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее.

Статья 319 ГК РФ при отсутствии иного соглашения определяет порядок погашения основного денежного долга и производных от него дополнительных требований (за исключением мер ответственности) в ситуации, когда сумма произведенного платежа недостаточна для исполнения денежного обязательства полностью.

По смыслу указанной нормы в первую очередь подлежат погашению издержки кредитора по получению исполнения (платежи, которые кредитор обязан совершить в связи с принудительной реализацией своего требования к должнику), во вторую очередь – проценты за пользование суммой займа, кредита, аванса, предоплаты и т. д., в третью очередь – основная сумма долга.

Проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, к указанным в статье 319 ГК РФ процентам не относятся и погашаются после суммы основного долга.

В то же время правила статьи 319¹ ГК РФ применяются к любым однородным обязательствам независимо от оснований их возникновения, в том числе к однородным обязательствам должника перед кредитором, возникшим как из разных договоров, так и из одного договора. Однородными являются требования, обязывающие к предоставлению однородных предметов, например обязательства, предусматривающие передачу определенных родовыми признаками вещей или прав, в частности денежные обязательства.

Следовательно, по правилам статьи 319¹ ГК РФ происходит определение погашаемого обязательства в ситуации наличия нескольких основных долгов перед кредитором. При этом сумма произведенного платежа по конкретному обязательству засчитывается уже по правилам статьи 319 ГК РФ.

Перечислив денежные средства с назначением платежа, покупатель в одностороннем порядке определил партию товара, за которую производится оплата в рамках одного договора. Вместе с тем в дальнейшем данное исполнение погашает основной долг и связанные с ним требования,

в частности по уплате процентов за коммерческий кредит, в очередности, установленной статьей 319 ГК РФ.

Из материалов дела не усматривается, что между сторонами заключено соглашение об очередности погашения однородных требований при недостаточности средств для исполнения денежного обязательства полностью, как и соглашение об ограничении применения статьи 319 ГК РФ.

В этой связи применение судами апелляционной и кассационной инстанций положений статьи 319¹ ГК РФ привело к принятию неправильных судебных актов об отказе в удовлетворении требования о взыскании задолженности, поскольку, несмотря на установление наличия оснований для начисления процентов за пользование коммерческим кредитом, в условиях недостаточности платежа суды не применили положения статьи 319 ГК РФ об очередности погашения требований по денежному обязательству.

Определение № 306-ЭС24-22953

27. Абонент обязан соблюдать нормативы состава сточных вод в соответствии с измененными значениями максимально допустимой концентрации загрязняющих веществ с момента введения в действие нормативного правового акта, изменяющего их значение, независимо от подачи корректирующей декларации.

Между обществом и корпорацией (абонент) заключен договор на отпуск воды и прием сточных вод. Корпорация (абонент) направила обществу декларацию о составе и свойствах сточных вод на 2020 год.

В последующем принят нормативный правовой акт (далее – распоряжение), в соответствии с которым были снижены значения максимально допустимой концентрации по отдельным веществам (показателям) по сравнению с ранее действовавшими и введены нормативы состава сточных вод (далее также – НССВ, нормативы) по новым показателям.

Спустя два месяца после принятия указанного акта корпорация направила обществу корректирующую декларацию о составе и свойствах сточных вод на 2020 год.

Ссылаясь на то, что указанные корпорацией в первичной декларации о составе и свойствах сточных вод на 2020 год концентрации загрязняющих веществ превышают максимально допустимые значения, установленные распоряжением, общество начислило плату за сброс корпорацией загрязняющих веществ в составе сточных вод с превышением нормативов.

Поскольку корпорация добровольно указанную плату не внесла, общество обратилось в арбитражный суд с иском.

При повторном рассмотрении дела решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленное требование удовлетворено.

Суды исходили из того, что абонент обязан соблюдать установленные распоряжением нормативы с момента его опубликования независимо от подачи корректирующей декларации, а поскольку соответствующие изменения в декларацию абонентом своевременно внесены не были, общество имело право руководствоваться значениями концентраций загрязняющих веществ, указанными корпорацией в первоначальной декларации на 2020 год.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения обжалуемые судебные акты, отметив следующее.

Согласно пунктам 124, 125, подпункту «б» пункта 128, пункту 129 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2013 г. № 644 (далее – Правила холодного водоснабжения), декларация о составе и свойствах сточных вод подается абонентом в целях обеспечения контроля состава и свойств сточных вод и характеризует состав и свойства сточных вод, которые абонент отводит в централизованную систему водоотведения и параметры которых обязуется соблюдать в течение срока действия декларации.

При этом значения включаемых в декларацию фактических концентраций загрязняющих веществ в сточных водах и фактические показатели свойств сточных вод, отводимых (планируемых к отведению) абонентом в централизованную систему водоотведения, подлежат определению абонентом не произвольно, а в интервале от минимального до максимального значения результатов анализов состава и свойств проб сточных вод.

Указанные правила подлежат применению независимо от того, является ли подаваемая абонентом декларация о составе и свойствах сточных вод первичной или корректирующей, и независимо от того, вносятся ли изменения в декларацию по собственному усмотрению абонента, по результатам контроля состава и свойств сточных вод, проводимого организацией водопроводно-канализационного хозяйства, или в связи с изменением уполномоченным органом перечня загрязняющих веществ, в отношении которых установлены нормативы состава сточных вод (пункты 127, 130² и 130³ Правил холодного водоснабжения).

В связи с принятием органом, уполномоченным на установление нормативов состава сточных вод, нормативного правового акта об установлении или о корректировке НССВ в пункте 130³ Правил холодного водоснабжения установлен трехмесячный срок для внесения абонентом изменения в декларацию о составе и свойствах сточных вод только в части изменения перечня загрязняющих веществ, в отношении которых установлены НССВ.

Поскольку в действующей на момент принятия такого нормативного правового акта декларации отсутствуют значения концентрации

по веществам (показателям), которыми дополнен перечень загрязняющих веществ, пунктом 195 Правил холодного водоснабжения устанавливается, что до подачи корректирующей декларации расчет платы за сброс загрязняющих веществ в составе сточных вод сверх установленных НССВ должен производиться ежемесячно на основании результатов, полученных в ходе осуществления контроля состава и свойств сточных вод, проводимого организацией, осуществляющей водоотведение. По смыслу изложенных законоположений указанный трехмесячный срок предоставляется абоненту для того, чтобы он мог в соответствии с пунктом 129 названных правил провести анализ состава и свойств проб сточных вод по вновь включенным в перечень загрязняющих веществ показателям и по результатам этого анализа подать корректирующую декларацию, содержащую значения фактических концентраций.

При этом в Правилах холодного водоснабжения отсутствуют аналогичные правила в отношении тех показателей, которые уже были включены в декларацию и были лишь скорректированы в новом нормативном правовом акте, что объясняется отсутствием необходимости организации анализа состава и свойств проб сточных вод по этим показателям.

Учитывая, что пункт 129 Правил холодного водоснабжения предоставляет абоненту право выбрать при включении в декларацию значения фактических концентраций и фактических свойств сточных вод в интервале от минимального до максимального значения результатов анализов состава и свойств проб сточных вод, полученных за 2 предшествующих года, абонент, действуя разумно и добросовестно, не вправе при подаче корректирующей декларации после принятия уполномоченным органом нормативного правового акта о корректировке НССВ произвольно изменить фактические концентрации загрязняющих веществ в сточных водах в целях формального приведения их в соответствие с установленными таким актом максимально допустимыми значениями концентрации загрязняющих веществ.

Определение № 305-ЭС24-20(2)

28. Договор о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов, заключенный с лицом, находившимся под контролем иностранного инвестора на момент заключения сделки, в отсутствие согласования Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации является ничтожным.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительными (ничтожными) договоров о закреплении долей квот

добычи (вылова) водных биологических ресурсов, заключенных Федеральным агентством по рыболовству и обществами.

В обоснование заявленных требований заместитель Генерального прокурора Российской Федерации указал, что по результатам проведенной проверки законности установления резидентами иностранных государств контроля над стратегически важными отраслями экономики был установлен факт длительного осуществления обществами, подконтрольными гражданину (далее – инвестор) иностранного государства, добычи (вылова) водных биологических ресурсов на основании договоров о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов. По мнению истца, заключенные договоры нарушают публичные интересы в части обеспечения обороны и безопасности государства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен.

В передаче кассационных жалоб обществ на принятые судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

Из пункта 40 статьи 6 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее – Закон № 57-ФЗ) следует, что добыча (вылов) водных биологических ресурсов относится к видам деятельности, имеющим стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства.

В силу части 2 статьи 11 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – Закон № 166-ФЗ) юридические лица, зарегистрированные в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и находящиеся под контролем иностранного инвестора или группы лиц, в которую входит иностранный инвестор, не вправе осуществлять добычу (вылов) водных биологических ресурсов, за исключением случая, предусмотренного частью 3 статьи 11 Закона № 166-ФЗ.

Лица, указанные в части 2 данной статьи, вправе осуществлять добычу (вылов) водных биологических ресурсов в случае, если контроль иностранного инвестора в отношении таких лиц установлен в порядке, предусмотренном Законом № 57-ФЗ (часть 3 статьи 11 Закона № 166-ФЗ). При этом нарушение указанного порядка является основанием для принудительного прекращения права на добычу (вылов) водных биологических ресурсов (пункт 7 части 2 статьи 13 Закона № 166-ФЗ).

Таким образом, единственным случаем, при котором лицу, находящемуся под контролем иностранного инвестора, предоставлено право

в силу части 3 статьи 11 Закона № 166-ФЗ осуществлять добычу (вылов) водных биологических ресурсов, является установление контроля иностранным инвестором над таким лицом в порядке, предусмотренном Законом № 57-ФЗ, то есть путем получения иностранным инвестором решения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации о предварительном согласовании совершения сделки, влекущей установление контроля над лицом, осуществляющим добычу (вылов) водных биологических ресурсов.

В соответствии с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспариваема или должны применяться иные последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы.

Судами установлено, что на протяжении длительного времени указанные общества осуществляли добычу (вылов) водных биологических ресурсов будучи подконтрольными иностранному инвестору, создавали ложную видимость деятельности в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов, представив в рамках заявочной кампании в Федеральное агентство по рыболовству недостоверные сведения.

Материалами дела подтверждено, что общества, находясь под контролем иностранного инвестора, в нарушение требований Закона № 166-ФЗ и Закона № 57-ФЗ получили квоты на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, вели их промысел и осуществляли реализацию на экспорт, тем самым фактически осуществляя единый вид экономической деятельности в сфере добычи и реализации водных биологических ресурсов, имеющий стратегическое значение, что является достаточным основанием для признания спорных сделок ничтожными в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ как посягающих на публичные интересы государства.

Утверждение обществ о том, что отмеченные судами нарушения могли повлечь только досрочное прекращение прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, является ошибочным, поскольку контроль иностранного

инвестора возник не после получения квот, а существовал на момент заключения спорных сделок, что является прямым нарушением закона.

При таких обстоятельствах в силу допущенных нарушений закона доли квот на добычу (вылов) водных биологических ресурсов не могут быть закреплены за указанными обществами, а соответствующие договоры подлежат признанию недействительными (ничтожными) сделками.

Дело № А51-1301/2024

Применение земельного законодательства

29. Отказ в регистрации перехода права собственности на земельный участок, находящийся в частной собственности, на основании пункта 12 статьи 85 Земельного кодекса Российской Федерации является незаконным.

Общество (покупатель) заключило в 2022 году договор купли-продажи земельного участка.

Вместе с тем Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление Росреестра) отказало в регистрации перехода права собственности от продавца на основании пункта 12 статьи 85 ЗК РФ, ссылаясь на то, что земельный участок частично расположен в границах действующих красных линий.

Считая данный отказ незаконным, общество обратилось в арбитражный суд с требованиями к Управлению Росреестра о признании незаконным решения об отказе в государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок и о возложении обязанности осуществить регистрацию права собственности.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований общества отказано. Суды исходили из того, что в отношении территории расположения спорного земельного участка действует документация по планировке территории (проект планировки территории и проект межевания территории), утвержденная постановлением администрации города от 6 декабря 2010 г. Земельный участок частично расположен в границах действующих красных линий на территории общего пользования. В соответствии с генеральным планом города, утвержденным в 2021 году, спорный земельный участок необходим для перспективного размещения элементов транспортной инфраструктуры. При этом пунктом 12 статьи 85 ЗК РФ установлен прямой запрет на приватизацию земельных участков общего пользования.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и удовлетворила требования общества, указав следующее.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 262 ГК РФ, пункта 12 статьи 85 ЗК РФ, пункта 8 статьи 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» земельные участки в составе земель общего пользования не подлежат приватизации.

Под приватизацией земельного участка, запрет на которую содержится в пункте 12 статьи 85 ЗК РФ, следует понимать переход имущества из государственной или муниципальной собственности в частную.

Между тем спорный земельный участок в порядке приватизации выбыл из публичной собственности в 2012 году, регистрация перехода права собственности первому частному приобретателю произведена на основании судебного акта, участок на протяжении многих лет находился в частной собственности различных юридических лиц, в том числе продавца по последней сделке купли-продажи.

Право собственности всех приобретателей указанного земельного участка возникло с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр недвижимости, которая осуществляется уполномоченным в соответствии с законом органом на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра (пункты 1, 2 статьи 8¹ ГК РФ).

Зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке. Лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином; приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (статьи 234 и 302 ГК РФ), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него (пункт 6 статьи 8¹ ГК РФ).

Возникновение права собственности у предыдущих приобретателей земельного участка не было оспорено заинтересованными лицами в судебном порядке.

Перехода земельного участка из государственной или муниципальной собственности в частную при заключении обществом договора купли-продажи в 2022 году не осуществлялось.

Таким образом, отказ в проведении заявленных регистрационных действий со ссылкой на пункт 12 статьи 85 ЗК РФ не может быть признан законным и обоснованным.

Определение № 309-ЭС24-7383

**Применение законодательства о контрактной системе
в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения
государственных и муниципальных нужд**

30. Положения статьи 29 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» распространяются на организации, которые входят в структуру общероссийской общественной организации инвалидов.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения антимонопольного органа, в соответствии с которым общество признано нарушившим положения части 3 статьи 29, подпункта «а» пункта 1 части 5 статьи 49 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

По мнению антимонопольного органа, в составе заявок общества была представлена недостоверная информация, а именно продекларировано соответствие общества критериям, установленным в части 2 статьи 29 Закона № 44-ФЗ. Между тем учредителем общества является Владимирское областное отделение общероссийской общественной организации инвалидов «Российское общество социально-трудовой адаптации и реабилитации» (далее – ООСИ «РОСТАР») с кодом ОКОНУ 4220003 (региональные и местные общественные объединения).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда и постановление апелляционного суда отменены, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление кассационного суда и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда с учетом следующего.

Статьей 32 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Закон № 82-ФЗ) определено, что в общественных организациях, структурные подразделения (отделения) которых осуществляют свою деятельность на основе единого устава данных организаций, собственниками имущества являются общественные организации в целом. Структурные подразделения (отделения) указанных общественных организаций имеют право оперативного управления имуществом, закрепленным за ними собственниками.

Региональные отделения могут приобретать статус юридического лица в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Согласно Уставу ОООИ «РОСТАР» территориальная сфера деятельности организации – более половины субъектов Российской Федерации. Структуру организации образуют региональные отделения, которые осуществляют свою деятельность в соответствии с Уставом организации, руководствуясь положениями действующего законодательства Российской Федерации.

Структура ОООИ «РОСТАР» является многоуровневой и образуется в соответствии с административно-территориальным устройством Российской Федерации, что полностью согласуется с понятием общероссийского общественного объединения, данным в статье 14 Закона № 82-ФЗ. Структурные региональные подразделения являются неотъемлемой частью структуры ОООИ «РОСТАР» (его территориальными подразделениями).

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что для признания общественной организации в качестве общероссийской необходимо осуществление ее деятельности на территориях более чем половины субъектов Российской Федерации, именно областные и приравненные к ним региональные организации (отделения), находящиеся в ее структуре, определяют общероссийский статус ОООИ «РОСТАР».

Данный вывод согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в решении от 16 января 2025 г. по делу № АКПИ24-965, признавшего недействующим письмо Федеральной антимонопольной службы от 10 июля 2024 г. № МШ/60841/24 «По вопросу применения статьи 29 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ».

Судами установлено, что в структуру ОООИ «РОСТАР» входит Владимирское областное отделение, созданное по инициативе членов ОООИ «РОСТАР». Положение о создании регионального отделения утверждено решением конференции данной организации, отделение зарегистрировано в качестве юридического лица и действует на основании Устава общероссийской общественной организации инвалидов, подчиняясь решениям ее высших органов.

Следовательно, на Владимирское областное отделение ОООИ «РОСТАР» в полной мере распространяются все преференции, предусмотренные статьей 29 Закона № 44-ФЗ для общероссийских общественных организаций инвалидов, включая и право на создание организаций инвалидов с наделением их соответствующим вкладом в уставный (складочный) капитал, который должен рассматриваться как вклад общероссийской общественной организации инвалидов через ее структурное подразделение.

Общество учреждено Владимирским областным отделением организации с долей участия в уставном капитале общества в размере 100 %. Соответственно, суды первой и апелляционной инстанций обоснованно

пришли к выводу о том, что общество наряду с Владимирским областным отделением ОООИ «РОСТАР» имеет право на предоставление ему преимуществ при определении цены государственных контрактов, поскольку оно как организация, созданная общероссийской общественной организацией инвалидов, соответствует критериям, установленным частью 2 статьи 29 Закона № 44-ФЗ.

С учетом изложенного оспариваемое решение антимонопольного органа было правомерно признано судами первой и апелляционной инстанций незаконным как противоречащее положениям действующего законодательства Российской Федерации.

Определение № 305-ЭС25-2383

Применение законодательства о налогах и сборах

31. Субсидия, полученная в целях компенсации ущерба, причиненного вследствие незаконного изъятия транспортных средств и грузов на территориях недружественных иностранных государств, не подлежит включению в состав доходов при исчислении налога по упрощенной системе налогообложения.

Между Министерством транспорта Российской Федерации и обществом на основании постановления Правительства Российской Федерации от 25 октября 2022 г. № 1897² заключено соглашение, по условиям которого обществу из федерального бюджета в целях компенсации причиненного ущерба, понесенного им в связи с незаконным изъятием (похищением) транспортных средств и грузов на территории Украины в период с 24 февраля по 25 апреля 2022 г., предоставлена субсидия, рассчитанная исходя из стоимости похищенного транспорта и перевозимого груза.

По результатам налоговой проверки представленной обществом налоговой декларации по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) с объектом «доходы» по ставке 6 % за 2022 год, налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности по пункту 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее также – НК РФ) в виде взыскания штрафа. Также обществу доначислен налог по УСН.

---

² Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2022 г. № 1897 «Об утверждении Правил предоставления в 2022 году субсидий из федерального бюджета в целях компенсации ущерба, причиненного российским международным автомобильным перевозчикам вследствие незаконного изъятия транспортных средств и грузов на территориях недружественных иностранных государств при осуществлении международных автомобильных перевозок» (действовавшее на день возникновения спорных правоотношений).

Основанием для доначисления соответствующих сумм налога и штрафа послужил вывод налогового органа о занижении обществом налогооблагаемой базы в результате невключения в состав доходов денежных средств, полученных в виде субсидии из федерального бюджета.

Не согласившись с указанным решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявление общества, отметив следующее.

Согласно подпункту 1 пункта 1¹ статьи 346¹⁴ НК РФ в качестве объекта налогообложения, в частности, не учитываются доходы, указанные в статье 251 НК РФ.

Подпунктом 14 пункта 1 статьи 251 НК РФ определены условия для невключения в налоговую базу доходов в виде полученного налогоплательщиком целевого финансирования, а также случаи, когда целевое финансирование, произведенное с соблюдением указанных выше условий, не подлежит учету для целей налогообложения в качестве дохода. В частности, не подлежит налогообложению доход в виде субсидий, полученных на возмещение расходов, указанных в статье 270 НК РФ (за исключением расходов, указанных в пункте 5 статьи 270 НК РФ).

Таким образом, по общему правилу средства целевого финансирования не подлежат учету в составе доходов при условии, что налогоплательщик не учитывает при исчислении налога и соответствующие расходы, на возмещение которых им получена субсидия. Тем самым финансовый результат не должен приводить к возникновению у налогоплательщика обязанности по уплате налога в отсутствие экономического основания для такого исчисления.

Изложенное не означает, что любое предоставление целевого финансирования в случаях, не предусмотренных подпунктом 14 пункта 1 статьи 251 и статьей 270 НК РФ, является основанием для его квалификации в качестве дохода для целей налогообложения.

В соответствии с пунктом 3 статьи 250 НК РФ внереализационными доходами признаются, в частности, доходы в виде признанных должником или подлежащих уплате должником на основании решения суда, вступившего в законную силу, штрафов, пеней и (или) иных санкций за нарушение договорных обязательств, а также сумм возмещения убытков или ущерба.

Действующее налоговое регулирование как в отношении налогообложения средств целевого финансирования, так и в отношении налогообложения сумм возмещения убытков или ущерба предполагает

необходимость определения налогоплательщиком финансового результата с учетом реально полученной экономической выгоды (статья 41 НК РФ).

С учетом изложенного получение налогоплательщиком из бюджета субсидии на компенсацию убытков, причиненных незаконным изъятием (хищением) имущества российского международного автомобильного перевозчика на территории недружественного иностранного государства, не образует доход в значении понятия, придаваемом ему совокупностью положений глав 25 и 26² НК РФ.

Следовательно, применительно к рассматриваемому спору избрание налогоплательщиком при исчислении налога по УСН объектом налогообложения доходов и, как следствие, невозможность признания убытков в качестве внереализационных расходов, вопреки выводу судов, не влечет для такого налогоплательщика возникновение внереализационного дохода в результате получения субсидии в целях возмещения причиненного ущерба.

В рассматриваемом деле не являются спорными целевой характер предоставления бюджетных средств и достижение показателя результативности субсидии (возмещения ущерба). Следовательно, вывод судов трех инстанции о наличии оснований для включения полученных обществом средств в налогооблагаемую базу при исчислении УСН нельзя признать обоснованным.

Определение № 310-ЭС24-23706

32. При определении размера штрафа, предусмотренного статьей 123 Налогового кодекса Российской Федерации для налоговых агентов, которые не произвели удержание налога на доходы физических лиц при выплате вознаграждения лицам, фактически выполнявшим трудовую функцию, не учитываются уплаченные такими лицами суммы налога на профессиональный доход.

По результатам проведенных налоговых проверок представленных индивидуальным предпринимателем расчетов по страховым взносам и налогу на доходы физических лиц (далее также – НДФЛ) за 2021 год налоговым органом вынесены решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, в соответствии с которым предпринимателю начислены страховые взносы, взыскан штраф по пункту 3 статьи 122 НК РФ, начислен НДФЛ как налоговому агенту и взыскан штраф по пункту 1 статьи 123 НК РФ за неправомерное неудержание и неперечисление налоговым агентом в установленный срок НДФЛ.

Основанием для вынесения указанных решений послужили установленные налоговым органом при проведении проверки обстоятельства, свидетельствующие о том, что предпринимателю в проверяемый период были оказаны услуги уплачивающими налог на профессиональный доход (далее – НПД) физическими лицами

на основании заключенных с ними договоров гражданско-правового характера. На основе полученных доказательств налоговый орган пришел к выводу, что фактически граждане находились с предпринимателем в трудовых правоотношениях, а предпринимателем совершены умышленные действия, направленные на уклонение от уплаты страховых взносов и НДФЛ.

Не согласившись с решениями налогового органа, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании их незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявление предпринимателя частично удовлетворено: признано незаконным решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения в части начисления НДФЛ и взыскания штрафа по пункту 1 статьи 123 НК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая кассационную жалобу налогового органа, обратила внимание на следующее.

Субъектом правонарушения, ответственность за которое предусмотрена пунктом 1 статьи 123 НК РФ, является налоговый агент, а объективная сторона состоит в невыполнении именно налоговым агентом своей обязанности по удержанию и перечислению НДФЛ в бюджет (в соответствии с положениями статьи 226 НК РФ).

Штраф по статье 123 НК РФ установлен за неисполнение обязанности налогового агента, которая состоит из нескольких обязательных элементов: обязанность по перечислению сумм подлежащего уплате налога неотделима от обязанности по ее удержанию, а последняя, в свою очередь, неосуществима в случае невозможности исчислить сумму дохода и рассчитать подлежащую уплате сумму налога.

Соответственно, размер штрафа, предусмотренного статьей 123 НК РФ, подлежит определению в процентном соотношении от суммы, подлежащей удержанию и (или) перечислению налоговым агентом в бюджет, а не от неуплаченной суммы налога.

Следовательно, штраф, рассчитанный налоговым органом в оспариваемом решении исходя из общего размера начисленного предпринимателю налога на доходы физических лиц, не подлежал корректировке на суммы уплаченных работниками – физическими лицами НПД, поскольку нахождение уплаченного НПД в бюджете само по себе не свидетельствует о том, что обязанность налогового агента исполнена надлежащим образом.

На основе доказательств, собранных и исследованных налоговым органом, следует, что действия предпринимателя по заключению гражданско-правовых договоров фактически были направлены на обход нормативных положений налогового законодательства в целях экономии на уплате страховых взносов и возможной минимизации при уплате НДФЛ, что следует квалифицировать в качестве злоупотребления правом.

По общему правилу в целях определения объема прав и обязанностей в соответствии с действительным экономическим смыслом осуществляемой деятельности должна происходить не только консолидация доходов (прибыли) группы лиц, но также консолидация налогов, уплаченных с соответствующих доходов, таким образом, как если бы проверяемый налогоплательщик уплачивал налог в бюджет за подконтрольных ему лиц.

Однако в рассматриваемой ситуации имела место перекалфикация гражданско-правового договора в трудовой договор, что не тождественно объединению бизнеса либо объединению имущества работодателя и работника. Налоговый агент в этом случае не может распоряжаться по своему усмотрению денежными средствами, выплаченными в качестве дохода (зарботной платы) физическому лицу – работнику, как это возможно в случае с налогоплательщиками, умышленно и совместно перечислявшими друг другу денежные средства в схеме «дробления бизнеса». Суммы налога, уплаченные физическими лицами, перешедшими на специальный налоговый режим в порядке, установленном Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ), могут быть скорректированы ими в случае возврата денежных средств, полученных в счет оплаты товаров (работ, услуг, имущественных прав), или некорректного ввода таких сведений (статья 8 Закона № 422-ФЗ).

Следовательно, возникшая в результате такой корректировки переплата (положительное сальдо единого налогового счета) находится в распоряжении физического лица и подлежит возврату только по его заявлению. В этой связи названная переплата налога не может быть произвольно зачтена в счет уплаты НДС в отсутствие соответствующего волеизъявления плательщика НДС, что не исключает права налогоплательщиков в добровольном порядке распорядиться данной суммой в счет исполнения соответствующих обязательств налогового агента.

Таким образом, штраф по статье 123 НК РФ частично отменен судами без достаточных правовых оснований, а требование предпринимателя в части признания недействительным решения налогового органа о взыскании штрафа по пункту 1 статьи 123 НК РФ не подлежало удовлетворению.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении требований предпринимателя в части взыскания штрафа по пункту 1 статьи 123 НК РФ, в части требований об оспаривании решения налогового органа о доначислении НДС направив дело на новое рассмотрение.

Определение № 309-ЭС24-20306

Применение законодательства об административных правонарушениях

33. При решении вопроса о замене административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение суду следует устанавливать всю совокупность условий для такой замены в целях применения положений части 1 статьи 4.1¹ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления административного органа о привлечении к административной ответственности по части 4 статьи 12.21¹ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее также – КоАП РФ) и назначении административного наказания в виде административного штрафа за движение тяжеловесного (крупногабаритного) транспортного средства с превышением массы транспортного средства, указанного в специальном разрешении, на величину более 10, но не более 20 %.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, оспариваемое постановление изменено в части назначенного наказания, установлено административное наказание в виде предупреждения, в остальной части постановление оставлено без изменения.

Рассматривая кассационную жалобу административного органа, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам.

По смыслу части 1 статьи 4.1¹ и статьи 3.4 КоАП РФ основанием для замены административного наказания в виде административного штрафа предупреждением является совокупность следующих условий: административное правонарушение должно быть совершено впервые; административное правонарушение должно быть выявлено в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля; административное правонарушение не должно быть поименовано в части 2 статьи 4.1¹ КоАП РФ; отсутствует причинение вреда или возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также отсутствует имущественный ущерб.

Ограничившись констатацией того факта, что в материалах дела отсутствуют доказательства причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного или растительного мира, окружающей среде, отсутствуют доказательства причинения имущественного вреда, а также с учетом того, что общество

согласно сведениям из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства относится к категории «микропредприятие», суды пришли к выводу, что избранный административным органом вид наказания в виде штрафа назначен обществу необоснованно, и заменили его на предупреждение.

Вместе с тем при решении вопроса о замене административного штрафа на предупреждение правоприменительному органу следует давать оценку всем обстоятельствам совершенного правонарушения в целях применения положений части 1 статьи 4.1¹ КоАП РФ.

Разрешая вопрос о применении в отношении общества положений части 1 статьи 4.1¹ КоАП РФ, суд первой инстанции данные требования не учел и не установил всей совокупности условий для замены административного наказания, назначенного обществу в виде административного штрафа, на предупреждение.

При этом ссылка судов на отнесение общества к категории «микропредприятие» как одно из оснований для замены административного наказания в виде штрафа на предупреждение не может быть признана правомерной, поскольку с 25 июля 2022 г. положения части 1 статьи 4.1¹ КоАП РФ относятся ко всем видам организаций.

Что касается выявления административного правонарушения в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, следует иметь в виду, что в рамках КоАП РФ понятие «государственный контроль (надзор)» следует рассматривать в широком смысле, не ограничивая его только рамками действия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который содержит только общие подходы к организации и проведению ведомственного государственного контроля (надзора), единые и универсальные правила для всех сфер общественных отношений.

Однако порядок организации и проведения специальных видов государственного контроля (надзора) регулируется иными нормативными актами, предусматривающими соответствующие особенности для каждого специального вида контроля (надзора). В рассматриваемом случае, констатировав факт выявления правонарушения в рамках государственного контроля (надзора), суды не установили, какой вид государственного контроля (надзора) проведен, каким нормативным актом предусмотрен данный вид контроля и каковы особенности его проведения.

Кроме того, статья 12.21¹ включена в главу 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения», объективная сторона которых выражается в действиях или бездействии, направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства о безопасности дорожного движения. Поскольку объектом посягательства в данном случае являются общественные отношения в области безопасности дорожного движения, у арбитражного суда

отсутствует компетенция по рассмотрению дел об обжаловании постановлений по таким делам (пункт 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Рассматриваемое дело было принято арбитражным судом первой инстанции к производству с нарушением правил подсудности.

Однако административный орган поставил под сомнение компетенцию арбитражного суда по рассмотрению данного дела только в кассационной жалобе в Верховный Суд Российской Федерации, тогда как согласно абзацу второму пункта 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» (далее – постановление Пленума от 30 июня 2020 г. № 13) доводы относительно нарушения правил подсудности могут быть заявлены лицом, участвующим в деле и извещенным надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, лишь при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

В абзаце третьем пункта 34 постановления Пленума от 30 июня 2020 г. № 13 разъяснено, что нарушение правил подсудности, допущенное при рассмотрении дела, возникающего из административных и иных публичных правоотношений, само по себе не может являться основанием для отмены правильного по существу судебного акта, вынесенного в пользу лица, привлекаемого (привлеченного) к административной ответственности. Между тем принятые по делу судебные акты не являются правильными. В данном случае допущенное при рассмотрении дела нарушение предусмотренных статьей 4.1¹ КоАП РФ правил назначения наказания является существенным.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 306-ЭС24-24609

Процессуальные вопросы

34. Суд не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу при разрешении вопроса о наличии или об отсутствии оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Между заказчиком и подрядчиком по результатам закупочной процедуры заключен договор подряда на разработку проектной и конкурсной документации. Стороны согласовали условие об ответственности подрядчика

за нарушение промежуточных сроков выполнения работ и пени в размере 0,1 % от цены договора за каждый день просрочки выполнения обязательств до фактического исполнения. Стороны также заключили арбитражное соглашение, в соответствии с которым все споры и разногласия в связи с договором подлежат разрешению в третейском суде.

В связи с несоблюдением подрядчиком сроков выполнения работ по договору заказчик направил ему претензию, в которой указал на необходимость уплаты неустойки.

Отказ подрядчика исполнить заявленные в претензии требования явился основанием для обращения заказчика в третейский суд с исковым заявлением о взыскании с подрядчика неустойки, которое было удовлетворено.

Поскольку подрядчик отказался добровольно исполнить решение третейского суда, заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Рассматривая кассационную жалобу заказчика, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующее.

В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 239 АПК РФ арбитражный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Одним из элементов публичного порядка Российской Федерации является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающий восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права. Арбитражный суд, установив, что примененная третейским судом неустойка имеет признаки явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

При этом суд при разрешении вопроса о наличии или об отсутствии оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу (часть 4 статьи 238 АПК РФ).

Таким образом, из системного толкования указанных положений АПК РФ следует, что действующим законодательством Российской Федерации ограничено право государственного суда на пересмотр решения третейского суда.

В рассматриваемом деле истец обращал внимание арбитражных судов первой и кассационной инстанций на то обстоятельство, что доводы ответчика о несоразмерности заявленной к взысканию неустойки последствиям нарушения обязательства были исследованы третейским судом и отклонены с надлежащей мотивировкой. Доказательства обратного в материалы третейского производства представлены заинтересованной стороной не были.

Между тем суды, разрешая вопрос о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, пришли к противоположным выводам, не обосновав, какие именно условия договора, устанавливающие правила взимания неустойки, в том числе ее размер, являются несправедливыми, противоречащими основным принципам гражданского законодательства и нарушающими публичный порядок Российской Федерации.

Следовательно, в отсутствие соответствующих доказательств и правовой оценки доводов истца суды первой и кассационной инстанций фактически допустили пересмотр по существу решения третейского суда путем включения в оспариваемые судебные акты немотивированных выводов.

Суды оставили без должной оценки то обстоятельство, что спорный контракт был заключен по результатам закупочной процедуры и исходя из его предмета направлен на обеспечение публичных нужд. Ответчик был заранее ознакомлен с его условиями и согласился на участие в процедуре закупки, при этом установленный в договоре размер неустойки является стандартным (типовым) для подобных правоотношений, что подтверждает сложившаяся многочисленная судебная практика по аналогичным спорам.

Следовательно, в рассматриваемом случае неустойка в первую очередь исполняла стимулирующую функцию и не была направлена на получение истцом необоснованной материальной выгоды.

Третейский суд оценил размер заявленной к взысканию неустойки с учетом положений статьи 333 ГК РФ и, вопреки выводам арбитражных судов, установил баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного размера ущерба, причиненного в результате допущенного ответчиком правонарушения.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявленные требования заказчика.

Определение № 304-ЭС24-24514

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

35. В случае, когда лицом совершены действия, направленные на хищение чужого имущества путем обмана, но потерпевший отказался передать (перечислить) денежные средства виновному, содеянное квалифицируется как покушение на мошенничество.

По приговору Верхнеуральского районного суда Челябинской области от 25 января 2022 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, С., помимо прочего, осужден по части 2 статьи 159 УК РФ (в отношении потерпевших П., С.У., М.).

Дело в отношении С. рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства.

В кассационной жалобе осужденный С. просил о пересмотре состоявшихся в отношении его судебных решений и о смягчении назначенного наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 23 мая 2023 г., изменяя приговор и последующие судебные решения, пришла к следующему.

Как следует из материалов дела, в описательно-мотивировочной части приговора при описании преступного деяния, совершенного С. 31 марта 2021 г. в отношении потерпевших П. и М., суд указал, что С. путем случайного набора номера стационарного телефона дозвонился до П. и, представившись сотрудником полиции, сообщил ей, что ее сват попал в ДТП и нужны деньги в сумме 15 000 руб. для урегулирования ситуации по данному вопросу. Однако довести преступление до конца С. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку П. после разговора со своим сыном поняла, что в отношении ее совершается преступление, и отказалась передавать деньги. После этого С. позвонил потерпевшей М. и, представившись ее сыном, сообщил, что попал в ДТП и нужны деньги в сумме 15 000 руб. для урегулирования ситуации, в которой он являлся виновником ДТП. Довести преступление до конца С. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку М. в ходе телефонного разговора поняла, что в отношении ее совершается преступление, и денежные средства передавать отказалась.

Действия С. в отношении указанных выше потерпевших, а также действия, совершенные в тот же день в отношении потерпевшей С.У., которая перечислила осужденному 15 000 руб., квалифицированы судом как оконченное преступление, предусмотренное частью 2 статьи 159 УК РФ.

Между тем мошенничество, являясь одной из форм хищения чужого имущества, признается оконченным с момента, когда указанное имущество

поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Однако судом установлено, что С. не смог довести преступление в отношении потерпевших П. и М. до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку потерпевшие поняли, что в отношении их совершается преступление, и отказались передавать деньги.

Таким образом, описательно-мотивировочная часть приговора, постановленного в отношении С., противоречит квалификации его действий судом.

Указанные обстоятельства не были приняты во внимание при рассмотрении уголовного дела судами апелляционной и кассационной инстанций.

С учетом изложенного действия С., совершенные в отношении П. и М., подлежат переквалификации с части 2 статьи 159 УК РФ на часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 159 УК РФ как покушение на мошенничество с причинением потерпевшим значительного материального ущерба.

Определение № 48-УД23-15-К7

36. О наличии у обвиняемых умысла на незаконное производство наркотических средств могут свидетельствовать, в частности, действия, связанные с подысканием мест для организации лаборатории, использование специального оборудования для изготовления наркотических средств, на котором в ходе судебных экспертиз установлены наслоения веществ, содержащих в своем составе наркотическое средство, а также факт изъятия изготовленного наркотического средства.

По приговору Тверского областного суда от 25 ноября 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Д., Л., К. и П. осуждены, помимо прочего, по части 5 статьи 228¹ УК РФ.

В кассационных жалобах адвокаты осужденных и осужденный П. выражали несогласие с данной судом квалификацией преступлений, в частности указывали на недоказанность наличия в действиях осужденных признака производства наркотических средств – серийности, а также на необоснованность вывода об оконченном преступлении.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2023 г., отвечая на доводы кассационных жалоб, отметила следующее.

В ходе судебного разбирательства установлено наличие умысла у осужденных именно на незаконное производство наркотических средств, о чем свидетельствует подыскание ими мест для обустройства лабораторий с использованием специального оборудования, которое было изъято в ходе

осмотров и на котором проведенными по делу несколькими экспертизами установлены наслоения веществ, содержащих в своем составе наркотическое средство – мефедрон.

По результатам судебного следствия установлено, что при задержании Д. и Л. в оборудованной ими лаборатории был изъят изготовленный осужденными мефедрон общей массой не менее 795,868 г и обнаружены прекурсоры психотропного вещества общей массой 2960,74 г и прекурсоры наркотических средств общей массой не менее 75 498,09 г, а при задержании К. и П. обнаружены и изъяты наркотическое вещество, содержащее в своем составе мефедрон, общей массой не менее 15 827 г и прекурсор наркотического средства общей массой не менее 1585,32 г.

Исходя из содержания исследованных в судебном заседании доказательств, включая результаты оперативно-розыскных мероприятий, обнаружения на участках местности, где были установлены бытовки, оборудованные осужденными под лаборатории, химического оборудования, реакторов, колб, сушильных шкафов, средств индивидуальной защиты и прочего оборудования, а также наркотического средства – мефедрона и большого количества прекурсоров наркотических средств, а также прекурсоров психотропных веществ, суд сделал обоснованный вывод о том, что осужденными совершены умышленные действия, направленные на серийное производство наркотических средств.

Доводы кассационных жалоб о том, что осужденные не приступили к производству наркотических средств и их действия следует квалифицировать как покушение, аналогичны доводам, которые заявлялись в судах первой и апелляционной инстанций и были обоснованно признаны несостоятельными.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения приговор и апелляционное определение.

Определение № 35-УД23-11-А1

37. Квалификация действий лица по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 285 и 292 Уголовного кодекса Российской Федерации, возможна при условии последовательного совершения данных преступлений, когда действия по служебному подлогу не охватываются объективной стороной злоупотребления должностными полномочиями и каждое из этих деяний повлекло самостоятельные общественно опасные последствия.

По приговору Ялуторовского районного суда Тюменской области от 11 мая 2022 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, К., ранее не судимая, осуждена по части 1 статьи 285 УК РФ к штрафу в размере 50 000 руб. с лишением в соответствии с частью 3 статьи 47 УК РФ права занимать должности

в государственных органах, связанные с осуществлением функций представителя власти в сфере защиты прав потребителей в области потребительского рынка и услуг, сроком на 2 года, по части 2 статьи 292 УК РФ к штрафу в размере 300 000 руб. с лишением в соответствии с частью 3 статьи 47 УК РФ права занимать должности в государственных органах, связанные с осуществлением функций представителя власти в сфере защиты прав потребителей в области потребительского рынка и услуг, сроком на 2 года.

На основании части 2 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний К. назначено окончательное наказание в виде штрафа в размере 325 000 руб. с лишением в соответствии с частью 3 статьи 47 УК РФ права занимать должности в государственных органах, связанные с осуществлением функций представителя власти в сфере защиты прав потребителей в области потребительского рынка и услуг, сроком на 2 года 6 месяцев.

В кассационной жалобе осужденная К. просила отменить состоявшиеся судебные решения, как незаконные и необоснованные, в частности оспаривала квалификацию ее действий по части 1 статьи 285 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 21 июня 2023 г. отменила апелляционное и кассационное постановления и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда.

Из приговора суда следует, что К., являясь ведущим специалистом-экспертом территориального отдела Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тюменской области (далее – Управление Роспотребнадзора по Тюменской области), в ходе телефонного разговора с индивидуальным предпринимателем З. заявила о том, что он понесет административную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Впоследствии К. без фактического выезда и проверки по месту осуществления З. предпринимательской деятельности изготовила акт санитарно-эпидемиологического обследования, в который внесла заведомо ложные сведения о якобы имевших место фактах нарушения З. санитарно-эпидемиологических требований. Также она изготовила протокол об административном правонарушении, в который внесла заведомо ложные сведения. Далее К. сформировала в отношении З. материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ. Согласовав принятое решение с начальником территориального отдела Управления Роспотребнадзора по Тюменской области, передала материалы дела об административном правонарушении в Ялуторовский районный суд Тюменской области для рассмотрения по существу. По решению суда З. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 6.3

КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного приостановления деятельности сроком на 5 суток.

Указанные действия осужденной квалифицированы по части 2 статьи 292 УК РФ как служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальный документ заведомо ложных сведений, если это деяние совершено из корыстной и иной личной заинтересованности, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, а также по части 1 статьи 285 УК РФ как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной и иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

В приговоре приведено идентичное описание обстоятельств совершения злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога, включая мотив и наступившие последствия, без разграничения обстоятельств, образующих объективную сторону каждого из этих преступлений.

Однако совокупность таких преступлений возможна лишь при последовательном их совершении, когда служебный подлог не входит в объективную сторону злоупотребления должностными полномочиями и когда каждое из этих деяний повлекло самостоятельные общественно опасные последствия, что следует из разъяснения, содержащегося в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

В нарушение требований статей 389²⁸, 401¹⁴ УПК РФ в апелляционном постановлении Тюменского областного суда от 30 июня 2022 г. и в кассационном постановлении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 декабря 2022 г. не содержится оценки законности приговора в части описания каждого из преступлений с указанием их самостоятельных мотива, цели и последствий.

Определение № 89-УД23-7-К7

Назначение наказания

38. С учетом данных о личности виновной квалификация ее действий по части 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации как тяжкого преступления против личности не препятствует применению отсрочки отбывания наказания на основании статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации при условии, что наказание за это преступление в виде лишения свободы назначено на срок не более 5 лет.

По приговору Чусовского городского суда Пермского края от 27 мая 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ш., ранее не судимая, осуждена по части 4 статьи 111 УК РФ к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Постановлено взыскать с Ш. в пользу Ш.В. 1 000 000 руб. в счет компенсации морального вреда.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении Ш. изменены: постановлено указать, что «преступление совершено в 2021 году» вместо «преступление совершено в 2022 году». В остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат С. оспаривал законность и обоснованность состоявшихся в отношении Ш. судебных решений, в том числе указывал, что назначенное осужденной наказание не соответствует ее личности, не в полной мере учтены обстоятельства, влияющие на наказание, которые могли повлиять также на решение об отсрочке приговора.

По приговору суда Ш. признана виновной в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Ш.А., опасного для жизни, с применением предмета, используемого в качестве оружия, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

В период с 27 по 28 февраля 2021 г. в ночное время на почве личных неприязненных отношений и ревности между Ш. и ее мужем Ш.А. произошли ссоры, в ходе которых у Ш. возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Ш.А., опасного для жизни человека, с применением хозяйственно-бытового ножа, используемого в качестве оружия. Реализуя умысел, Ш. в ходе обоюдной ссоры с Ш.А., будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь на первом этаже дома, взяла со стола нож хозяйственно-бытового назначения и, применяя его в качестве оружия, осознавая опасность причинения тяжкого вреда здоровью Ш.А. и желая его наступления, нанесла потерпевшему не менее одного удара ножом в область груди справа, причинив ему телесные повреждения, от которых он в течение нескольких минут скончался на месте происшествия.

Судом первой инстанции в соответствии с пунктами «г», «з», «и» и «к» части 1 статьи 61 и частью 2 статьи 61 УК РФ признаны смягчающими наказание следующие обстоятельства: частичное признание вины, раскаяние в содеянном, наличие малолетних детей, противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, состояние здоровья Ш., явка с повинной, активное содействие расследованию преступления, оказание помощи Ш.А. непосредственно после совершения преступления (пыталась делать потерпевшему искусственное дыхание и вызвала скорую помощь), а также извинения, принесенные потерпевшей,

как иные действия, направленные на заглаживание вреда, несмотря на то, что потерпевшей извинения не приняты. Кроме того, согласно пункту «в» части 1 статьи 61 УК РФ суд посчитал возможным признать смягчающим наказание обстоятельством совершение преступления женщиной, находящейся в состоянии беременности, несмотря на то, что Ш. о своей беременности на момент совершения преступления не знала.

Обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 24 октября 2023 г. отметила следующее.

В соответствии с положениями части 1 статьи 82 УК РФ суд может отсрочить лицу реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста, в том числе женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, за исключением осужденных за преступления определенной категории, указанной в данной норме. В частности, данная норма не подлежит применению в отношении указанных в ней лиц, которым назначено лишение свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

Решая при постановлении приговора вопрос о применении отсрочки отбывания наказания к указанным в части 1 статьи 82 УК РФ лицам, суд должен учитывать характеристику и иные данные о личности, условия жизни лица и его семьи, сведения о наличии у него жилья и необходимых условий для проживания с ребенком и другие данные. При этом суд должен располагать документом о наличии ребенка либо медицинским заключением о беременности женщины, а также иными документами, необходимыми для разрешения вопроса по существу.

Как усматривается из материалов дела, Ш. имеет троих малолетних детей – 13 сентября 2013 года рождения, 7 апреля 2015 года рождения и 11 ноября 2021 года рождения.

По приговору Ш. осуждена по части 4 статьи 111 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на 3 года.

Таким образом, предусмотренных частью 1 статьи 82 УК РФ ограничений для применения положений данной нормы к Ш. не имеется.

Суд, принимая решение об отсутствии оснований для предоставления Ш. в соответствии с частью 1 статьи 82 УК РФ отсрочки отбывания наказания до достижения ее детьми четырнадцатилетнего возраста, в его обоснование сослался на учет всей совокупности установленных обстоятельств.

Вместе с тем в приговоре суд не указал, какие именно из установленных по данному делу обстоятельств не позволили ему применить в отношении осужденной положения части 1 статьи 82 УК РФ.

При этом, отказывая в применении положений части 1 статьи 82 УК РФ, суд, как видно из приговора, не проанализировал и не оценил данные, характеризующие осужденную Ш.

Из имеющихся в материалах дела характеристик следует, что Ш. зарекомендовала себя с положительной стороны, воспитывала троих малолетних детей, общественный порядок не нарушала, уделяла много времени детям, относилась к ним с любовью и заботой, находилась в декретном отпуске.

По предыдущему месту работы Ш. также зарекомендовала себя как ответственный сотрудник и характеризуется положительно.

Кроме того, в приговоре суждений о судьбе троих малолетних детей Ш., младшему из которых на момент постановления приговора было шесть месяцев, не имеется.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для применения в отношении Ш. части 1 статьи 82 УК РФ, указанные выше обстоятельства не принял во внимание и суд апелляционной инстанции, который указал в определении, что отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста не обеспечит целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденной, предупреждения совершения новых преступлений. Суд апелляционной инстанции также указал, что по смыслу закона принятие решения об отсрочке реального отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста является правом, а не обязанностью суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации с такими утверждениями суда апелляционной инстанции не согласилась.

Конституционная ценность института семьи предопределяет необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей.

Исходя из этого установленные в части 1 статьи 82 УК РФ условия предоставления отсрочки отбывания наказания женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, направлены в первую очередь на обеспечение интересов семьи и несовершеннолетних, а не на достижение целей наказания, установленных в части 2 статьи 43 УК РФ, на что сослался суд апелляционной инстанции.

В связи с этим часть 2 статьи 82 УК РФ предусматривает возможность отмены отсрочки отбывания наказания в случае, если осужденный, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, отказался от ребенка или продолжает уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного.

Такое регулирование соотносится и с требованиями международных правовых актов. Так, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 65/229 от 21 декабря 2010 г. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для

женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), рекомендуют по мере возможности и целесообразности отдавать предпочтение наказанию беременных женщин и женщин с детьми на иждивении, не связанному с лишением свободы, причем вопрос о назначении наказания, связанного с лишением свободы, рассматривается в том случае, если преступление является тяжким или насильственным или если женщина представляет постоянную опасность для общества, с учетом наилучшего обеспечения интересов ребенка или детей и организации надлежащего ухода за такими детьми (правило 64).

При этом положения статьи 82 УК РФ не препятствуют достижению такой цели наказания, как исправление осужденного, поскольку исправление возможно и без изоляции от общества в условиях занятости воспитанием своего ребенка и при наличии правомерного поведения таких лиц в период отсрочки от отбывания наказания.

При отсрочке от отбывания наказания достигается и такая цель наказания, как предупреждение преступлений. В частности, в соответствии с частью 5 статьи 82 УК РФ³, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК РФ.

Таким образом, из статьи 82 УК РФ следует, что с учетом принципов гуманизма и приоритета семейного воспитания детей интересам ребенка, которые затрагиваются осуждением его родителя, придается первостепенное значение и только в исключительных случаях, если с учетом личности родителя либо совершения им преступления в отношении ребенка применение института отсрочки отбывания наказания может навредить интересам самого ребенка, либо в иных случаях в силу прямого запрета закона, то есть при совершении родителем преступлений, указанных в части 1 статьи 82 УК РФ, отсрочка отбывания наказания не применяется.

Кроме того, вывод суда апелляционной инстанции о том, что принятие решения об отсрочке отбывания наказания осужденной до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста является правом, а не обязанностью суда, сделан без учета того, что предоставление суду правомочий принимать решение об отсрочке отбывания наказания по своему усмотрению не предполагает вынесения произвольного судебного решения, то есть без учета требований законности, обоснованности и справедливости.

Суд кассационной инстанции, согласившись с суждениями судов первой и апелляционной инстанций, также пришел к выводу об отсутствии оснований для применения части 1 статьи 82 УК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 2 августа 2022 г. и кассационное определение судебной коллегии по

---

³ В редакции, действовавшей на момент вынесения определения.

уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2023 г. отменила, уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином его составе⁴.

Определение № 44-УД23-17-К7

39. Если дополнительное наказание в виде ограничения свободы входит в наказание, назначенное по совокупности преступлений как по правилам части 3 статьи 69, так и по правилам части 5 статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, то суду необходимо сначала установить соответствующие ограничения и возложить обязанности при назначении наказания на основании части 3 статьи 69, а затем и при назначении окончательного наказания в соответствии с частью 5 статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору Вилючинского городского суда Камчатского края от 23 мая 2022 г. Х. (ранее судимый 14 мая 2020 г. по части 3 статьи 134, части 2 статьи 135 УК РФ с применением статьи 64 и части 3 статьи 69 УК РФ к 3 годам лишения свободы) осужден по пункту «а» части 3 статьи 131 УК РФ к 8 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 8 месяцев, по пункту «а» части 3 статьи 132 УК РФ к 8 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 8 месяцев. На основании части 3 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний Х. назначено 9 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

В соответствии с частью 5 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний по приговорам Вилючинского городского суда Камчатского края от 14 мая 2020 г. и от 23 мая 2022 г. Х. назначено окончательное наказание в виде 11 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии строгого режима.

В соответствии с частью 1 статьи 53 УК РФ в отношении Х. установлены следующие ограничения: не изменять место жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган для регистрации два раза в месяц.

---

⁴ Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 1 декабря 2023 г. приговор в отношении Ш. изменен, в том числе на основании статьи 82 УК РФ реальное отбывание назначенного наказания в виде лишения свободы сроком на 3 года отсрочено до достижения ее детьми четырнадцатилетнего возраста.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Камчатского краевого суда от 2 августа 2022 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2023 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации поставил вопрос об изменении судебных решений в отношении Х. и исключении из них назначения осужденному дополнительного наказания в виде ограничения свободы как за единичные преступления, так и по совокупности преступлений по правилам части 3 статьи 69 и части 5 статьи 69 УК РФ, поскольку суд установил ограничения и возложил на осужденного обязанности лишь после назначения наказания по правилам части 5 статьи 69 УК РФ. Однако этого не было сделано при назначении наказания по правилам части 3 статьи 69 УК РФ. При этом не было учтено, что по приговору от 14 мая 2020 г. Х. не назначалось дополнительное наказание в виде ограничения свободы. По мнению автора кассационного представления, изложенные выше обстоятельства свидетельствуют о незаконном назначении дополнительного наказания по правилам части 5 статьи 69 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 21 сентября 2023 г. удовлетворила кассационное представление, приговор, апелляционное и кассационное определения изменила, исключив из них назначение осужденному дополнительного наказания в виде ограничения свободы как за каждое преступление, так и по совокупности преступлений по правилам части 3 статьи 69 и части 5 статьи 69 УК РФ.

Согласно требованиям статей 299, 307 и 308 УПК РФ обвинительный приговор должен содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. В резолютивной части обвинительного приговора следует указывать вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным, а также окончательную меру наказания, подлежащую отбытию на основании статей 69–72 УК РФ. При этом суд, что предусмотрено пунктом 12 части 1 статьи 308 УПК РФ, должен указать ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы, с учетом требований статьи 45 УК РФ.

Приведенные выше положения уголовно-процессуального закона согласуются с частью 1 статьи 53 УК РФ, из которой следует, что ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному указанных в данной норме уголовного закона ограничений.

По смыслу данных норм уголовного и уголовно-процессуального закона при назначении наказания в виде ограничения свободы в качестве основного или дополнительного наказания за каждое преступление и по совокупности преступлений по правилам части 3 статьи 69 и части 5

статьи 69 УК РФ следует во всех случаях указывать срок ограничения свободы, а после назначения наказания по совокупности преступлений устанавливать соответствующие ограничения и возлагать на осужденного определенные обязанности.

Однако, вопреки требованиям закона, суд не установил ограничения и не возложил на осужденного определенные обязанности при назначении наказания по совокупности преступлений по правилам части 3 статьи 69 УК РФ. Подобное решение судом было принято после назначения наказания по совокупности преступлений по правилам части 5 статьи 69 УК РФ.

При таких обстоятельствах необходимо признать, что осужденному ограничение свободы фактически не было назначено, в связи с этим из судебных решений следует исключить назначение X. дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

Определение № 60-УДП23-3-К9

40. Применение статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации при назначении наказания за государственную измену признано незаконным, поскольку в приговоре и апелляционном определении не приведены мотивы, по которым суды пришли к выводу о наличии исключительных смягчающих обстоятельств, в том числе связанных с данными о личности осужденного, его поведении во время или после совершения преступления, существенно уменьшающих степень общественной опасности совершенного преступления.

По приговору суда, оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ш., ранее не судимый, осужден за государственную измену в форме оказания помощи представителю иностранного государства в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, по статье 275 УК РФ с применением статьи 64 УК РФ к 5 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год с возложением обязанности и установлением ограничений, перечисленных в приговоре.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене апелляционного определения и о направлении уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение. Свою просьбу прокурор мотивировал тем, что суд апелляционной инстанции оставил без удовлетворения представление государственного обвинителя, в котором ставился вопрос о чрезмерной мягкости наказания, выразившейся в применении положений статьи 64 УК РФ. Автор кассационного представления полагал, что в приговоре и апелляционном определении не приведено оснований для применения статьи 64 УК РФ и не отражено, какие из смягчающих обстоятельств и каким именно образом существенно снижают степень общественной опасности совершенного преступления.

Вывод судов об активном способствовании Ш. раскрытию и расследованию преступления прокурор считал необоснованным.

Утверждая о несправедливости наказания, автор кассационного представления указывал также на то, что применение статьи 64 УК РФ в данном случае не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления. По его мнению, Ш. стремился заработать, причиняя ущерб интересам своей страны, при этом посягательство на внешнюю безопасность Российской Федерации совершено им в период проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины, имеющей судьбоносное значение для сохранения суверенитета, территориальной неприкосновенности и обороноспособности России, что оставлено без оценки судами первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации кассационное представление удовлетворила, отметив следующее.

Как следует из приговора, суд первой инстанции при назначении Ш. наказания применил положения статьи 64 УК РФ, признав исключительными обстоятельствами, существенно уменьшающими степень общественной опасности преступления, в частности, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, признание вины и раскаяние, молодой возраст.

Оспаривая эти выводы суда, государственный обвинитель указал в апелляционном представлении, что суд первой инстанции не учел характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, которые определяются способом и конкретными обстоятельствами совершения преступления, характером и размером наступивших последствий. Ссылаясь на фактические обстоятельства содеянного, государственный обвинитель утверждал, что суд не привел в приговоре убедительных мотивов, по которым он пришел к выводу о наличии таких исключительных обстоятельств, которые бы существенно уменьшали степень общественной опасности преступления.

Отвергая доводы апелляционного представления, суд апелляционной инстанции сослался на то, что при назначении наказания суд первой инстанции учел характер и степень общественной опасности преступления и отраженные в приговоре обстоятельства.

Однако, вопреки положениям части 4 статьи 7 УПК РФ об обоснованности и мотивированности судебного решения и пункта 7 части 3 статьи 389²⁸ УПК РФ, устанавливающего, что в апелляционном определении должны быть указаны мотивы принятого решения, суд апелляционной инстанции не проанализировал конкретные доводы государственного обвинителя и не дал им исчерпывающей оценки.

Так, оспаривая применение статьи 64 УК РФ, прокурор в апелляционном представлении сослался на характер совершенного Ш. преступления, указывая на его тяжесть (наказание в виде лишения свободы

на срок от 12 до 20 лет), на его направленность против основ конституционного строя и безопасности государства, на его совершение в условиях проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции в целях сохранения суверенитета, территориальной неприкосновенности и обороноспособности России. Оказывая содействие службе безопасности Украины, Ш. предлагал российским военнослужащим за денежное вознаграждение сдаваться в плен с предметами вооружения и военной техники, собирал с этой целью их персональные данные, передавал их СБУ.

Не проанализировав указанные обстоятельства с точки зрения их учета при назначении наказания, как это предусмотрено частью 3 статьи 60 УК РФ, суд апелляционной инстанции сослался на смягчающие наказание обстоятельства и иные положительно характеризующие осужденного сведения и сделал вывод о том, что совокупность этих обстоятельств обоснованно признана судом первой инстанции исключительной, существенно уменьшающей степень общественной опасности совершенного преступления.

При этом судом апелляционной инстанции не учтено, что исключительными по смыслу статьи 64 УК РФ могут быть не любые смягчающие обстоятельства, а лишь такие, которые существенно уменьшают степень общественной опасности преступления.

В апелляционном определении не содержится обоснования того, каким именно образом характеризующие осужденного данные, в том числе смягчающие обстоятельства, существенно уменьшают степень общественной опасности такого преступления, как государственная измена, с учетом установленных судом конкретных обстоятельств его совершения Ш.

При указанных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в отношении Ш., уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение⁵.

Определение № 65-УДП24-3СС-А5

Процессуальные вопросы

41. В соответствии с требованиями статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вопросный лист не должен содержать вопросов, требующих юридической оценки, в частности касающихся формы вины подсудимого.

---

⁵ При новом апелляционном рассмотрении приговор суда в отношении Ш. изменен: исключено из приговора указание на применение положений статьи 64 УК РФ, усилено назначенное по статье 275 УК РФ основное наказание в виде лишения свободы до 12 лет.

По приговору Красноярского краевого суда с участием присяжных заседателей от 11 мая 2022 г. Е. осужден за убийство пациентов медицинского учреждения К., Г., Р. и Л., совершенное общеопасным способом, и за умышленные уничтожение и повреждение чужого имущества, повлекшие причинение значительного ущерба, совершенные путем поджога.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2022 г. приговор изменен, отменено решение суда в части сохранения ареста на автомобиль, материалы уголовного дела в этой части направлены на новое судебное рассмотрение. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе защитник осужденного адвокат А., помимо прочего, утверждал, что вопросный лист не содержит упоминаний о субъективной стороне совершенного деяния. Сторона защиты не отрицала факт совершения подсудимым деяния, однако при этом указывала, что Е. не желал причинить смерть. Вердикт присяжных заседателей не содержит никаких выводов о форме вины подсудимого, вопросы стороны защиты по данному поводу при формулировании вопросного листа судом необоснованно отклонены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 4 мая 2023 г., отвечая на доводы кассационной жалобы, указала следующее.

При формулировании вопросного листа судом соблюдены положения статей 338, 339 УПК РФ.

По предъявленному обвинению были поставлены три основных вопроса. Несостоятельными являются утверждения защитника о том, что вопросный лист не содержит упоминания о субъективной стороне деяния, вердикт присяжных заседателей не содержит никаких выводов о форме вины подсудимого.

В соответствии с частью 1 статьи 334 УПК РФ в ходе судебного разбирательства уголовного дела присяжные заседатели разрешают только те вопросы, которые предусмотрены пунктами 1, 2 и 4 части 1 статьи 299 УПК РФ и сформулированы в вопросном листе. Данные положения закона согласуются с требованиями части 7 статьи 335 УПК РФ. При этом судом были учтены положения части 1 статьи 252 и частей 3, 5 статьи 339 УПК РФ, поэтому на разрешение присяжных заседателей были поставлены вопросы о доказанности фактических обстоятельств совершенного деяния, о причастности Е. к нему и о его виновности. В частности, в них идет речь о виновности Е. в совершении поджога вещей в палате медицинского учреждения, в которой вместе с ним находился пациент Р. Последний громко храпел и мешал Е. спать. Из-за неприязни к нему он поджег вещи, зная при этом о нахождении в учреждении других пациентов и медицинских работников. В ходе возникшего пожара наступила смерть Р., К., Г. в результате острого сочетанного отравления окисью углерода и этилового спирта в первом случае и в результате отравления продуктами горения –

в остальных случаях. Смерть Л. наступила на месте происшествия в результате острой коронарной недостаточности.

Также было уничтожено и повреждено определенное имущество.

На разрешение присяжных заседателей не должны ставиться вопросы о форме вины. Данный вопрос следует относить к правовым, разрешение которых не относится к компетенции присяжных заседателей.

На основании фактических обстоятельств, признанных установленными коллегией присяжных заседателей, суд пришел к выводу о том, что подсудимый действовал с косвенным умыслом, направленным на убийство нескольких человек. Он умышленно поджег вещи, зная при этом о том, что в медицинском учреждении находятся люди. Подсудимый осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления смерти находящихся в учреждении граждан, не желал, но сознательно допускал наступление их смерти либо относился к таким последствиям безразлично.

Определение № 53-УД23-8СП-А5

42. Если на стадии предварительного расследования обвиняемым подано заявление об отказе от защитника и о желании самостоятельно осуществлять свою защиту, которое не было удовлетворено следователем по мотивам, не обусловленным имущественной несостоятельностью обвиняемого, и защитник продолжил участие в деле, то расходы на оплату труда адвоката за период после подачи такого заявления подлежат возмещению за счет средств федерального бюджета.

По приговору Березниковского городского суда Пермского края от 4 октября 2021 г., оставленному без изменений судами апелляционной и кассационной инстанций, Я. осужден по пункту «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ (два преступления), по части 2 статьи 228 УК РФ.

С осужденного в пользу федерального бюджета взысканы процессуальные издержки в размере 24 817 руб.

В кассационной жалобе осужденный Я., помимо прочего, оспаривал взыскание с него процессуальных издержек, связанных с оплатой услуг адвоката Ч., назначенного органами предварительного расследования, поскольку в заявлении от 26 марта 2021 г. он отказался от услуг этого адвоката, заявив, что будет осуществлять защиту самостоятельно.

Проверив материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 5 сентября 2023 г. отметила, что судебные решения в части взыскания процессуальных издержек с осужденного подлежат изменению.

В соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относятся суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия в уголовном

судопроизводстве по назначению суда, которые в силу части 1 статьи 132 УПК РФ могут взыскиваться с осужденного или возмещаться за счет средств федерального бюджета.

Из материалов дела усматривается, что 29 декабря 2020 г. осужденному Я. органами предварительного расследования был назначен адвокат Ч. для осуществления его защиты при проведении следственных действий в период с 29 декабря 2020 г. по 13 апреля 2021 г. В ходе предварительного расследования адвокат Ч. обратился с заявлением о выплате вознаграждения в сумме 15 939 руб. за осуществление защиты Я. за 9 рабочих дней участия на предварительном следствии в 15 следственных действиях.

Постановлением следователя от 5 июля 2021 г. заявление адвоката Ч. рассмотрено и за ним признано право на вознаграждение за 9 рабочих дней участия на предварительном следствии с учетом 15 % уральского коэффициента в сумме 15 939 руб. Указанная сумма выплачена адвокату, признана процессуальными издержками и по приговору взыскана судом с осужденного.

Вместе с тем из материалов дела следует, что 9 марта 2021 г. Я. обратился с заявлением, в котором отказался от услуг адвоката Ч., указав, что свою защиту он желает осуществлять самостоятельно.

Постановлением старшего следователя от 26 марта 2021 г. в удовлетворении ходатайства осужденного было отказано, и адвокат Ч. продолжил осуществлять защиту осужденного на предварительном следствии. При этом решение следователя не было обусловлено имущественной несостоятельностью обвиняемого, свидетельствующей о вынужденности его отказа от защитника⁶.

В соответствии с частью 4 статьи 132 УПК РФ если подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Между тем суд, взыскивая с осужденного процессуальные издержки, связанные с оплатой услуг адвоката Ч., в полном объеме, в том числе за осуществление им защиты осужденного 25 марта, 9 и 13 апреля 2021 г., то есть после заявления Я. ходатайства об отказе от услуг защитника, не принял во внимание указанные выше обстоятельства, не дал им оценки и не исследовал заявление осужденного.

Более того, из протокола судебного заседания усматривается, что осужденный Я. отказался от взыскания с него процессуальных издержек, связанных с оплатой услуг адвоката Ч., однако по данному вопросу судом не было высказано каких-либо суждений.

---

⁶ См. пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в редакции от 15 декабря 2022 г.).

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор, апелляционное и кассационное определения в части взыскания с осужденного Я. процессуальных издержек, уголовное дело в этой части передала на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном статьями 396–399 УПК РФ, в суд первой инстанции в ином составе суда.

Определение № 44-УД23-14-К7

43. При новом рассмотрении уголовного дела в суде первой или апелляционной инстанции после отмены приговора по основаниям, не связанным с необходимостью ухудшения положения обвиняемого, не допускается назначение обвиняемому более строгого наказания либо любое иное усиление его уголовной ответственности.

По приговору Верховного Суда Республики Коми от 12 января 2023 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Л., ранее не судимая, осуждена по пунктам «а», «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ с применением статьи 64 УК РФ к 4 годам лишения свободы со штрафом в размере 18 000 руб., по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228¹ УК РФ к 6 годам лишения свободы со штрафом в размере 38 000 руб. На основании части 3 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний Л. назначено окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 50 000 руб.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об изменении судебных решений в части назначения Л. дополнительного наказания по преступлению, квалифицированному по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228¹ УК РФ, и по совокупности преступлений и о смягчении наказания, указав на то, что при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 10 июля 2020 г. по основаниям, не связанным с необходимостью ухудшения положения обвиняемой, ей за совершение того же преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, частью 5 статьи 228¹ УК РФ, назначено дополнительное наказание в виде штрафа, которое превышает ранее назначенное.

В кассационной жалобе осужденная Л., помимо прочего, выражала несогласие с назначенным ей наказанием, приводя в том числе аналогичный довод.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 5 октября 2023 г., удовлетворяя кассационное представление, изменила приговор и апелляционное определение по следующим основаниям.

Согласно взаимосвязанным положениям статей 389²², 389²³ и части 1 статьи 389²⁴ УПК РФ и правовой позиции, изложенной в пункте 20

постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», при новом рассмотрении уголовного дела в суде первой или апелляционной инстанции после отмены приговора по основаниям, не связанным с необходимостью ухудшения положения обвиняемого, не допускается применение закона о более тяжком преступлении, назначение обвиняемому более строгого наказания либо любое иное усиление его уголовной ответственности.

Как следует из материалов дела, первоначально за указанные выше преступления Л. была осуждена 10 июля 2020 г. Сыктывкарским городским судом по части 5 статьи 228¹ УК РФ с применением статьи 64 УК РФ к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 40 000 руб., по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228¹ УК РФ – к 7 годам лишения свободы со штрафом в размере 20 000 руб., на основании части 3 статьи 69 УК РФ к 9 годам лишения свободы со штрафом в размере 50 000 руб.

Верховным Судом Республики Коми 9 октября 2020 г. приговор оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 11 августа 2022 г. судебные решения отменила, уголовное дело передала на новое рассмотрение в Верховный Суд Республики Коми в связи с нарушением правил подсудности, предусмотренных пунктом 1 части 3 статьи 31 УПК РФ.

Верховным Судом Республики Коми 12 января 2023 г. Л. осуждена в том числе по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228¹ УК РФ к 6 годам лишения свободы со штрафом в размере 38 000 руб.

Таким образом, при повторном рассмотрении дела Л. назначено более строгое дополнительное наказание в виде штрафа, чем по предыдущему приговору, отмененному по процессуальным основаниям, при отсутствии доводов о несправедливости назначенного Л. наказания вследствие чрезмерной мягкости.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения в отношении Л., смягчила назначенное ей дополнительное наказание по части 3 статьи 30, части 5 статьи 228¹ УК РФ до 20 000 руб. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «г» части 4 статьи 228¹ УК РФ и частью 3 статьи 30, частью 5 статьи 228¹ УК РФ, путем частичного сложения наказаний Судебная коллегия назначила Л. 7 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 30 000 руб.

Определение № 3-УДП23-9-А2

44. В случае смерти лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, суд выносит постановление

о прекращении уголовного дела на основании пункта 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По постановлению Нижегородского областного суда от 18 ноября 2022 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) уголовное дело в отношении М., ранее не судимого, совершившего в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, предусмотренное пунктами «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ, прекращено на основании пункта 4 части 1 статьи 24 УПК РФ ввиду его смерти.

В кассационной жалобе адвокат К., выражая несогласие с судебными решениями, полагал, что судами первой и апелляционной инстанций уголовное дело необоснованно прекращено вследствие смерти М., а не в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. При разрешении данного вопроса суд был обязан учесть состояние невменяемости М., которое исключает его виновность, свидетельствует об отсутствии обязательного элемента состава преступления – его субъективной стороны и влечет необходимость прекращения дела по пункту 2 части 1 статьи 24 УПК РФ. По мнению автора жалобы, по этой причине неправомерны сделанные в апелляционном определении выводы о том, что «в ходе судебного разбирательства установлены все признаки состава совершенного М. общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, в том числе и субъективная сторона – совершение умышленных действий, направленных на лишение жизни трех человек», которые к тому же противоречат позиции суда первой инстанции, изложенной в постановлении, об установлении только объективной стороны деяния, совершенного М. Смерть М., указанная в качестве основания прекращения дела, препятствует реализации его родственниками права возражать против такого прекращения, а в судебных решениях – указанию на признание права на реабилитацию.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2023 г., оставляя постановление и апелляционное определение без изменения, указала, в частности, следующее.

Действия, совершенные лицом в состоянии невменяемости, в любом случае предполагают их оценку с правовой точки зрения в целях установления признаков, формально относящихся к тому или иному составу преступления, что обеспечивает возможность судить об их общественной опасности и позволяет отнести к деянию, предусмотренному уголовным законом.

Несмотря на то, что статьей 434 УПК РФ определено наличие особого предмета доказывания, отличного от общих обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ, и в число этих обстоятельств не входит вопрос о виновности, тем не менее процедура рассмотрения дел данной категории закреплена в нормах уголовно-процессуального закона, а сами принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера со всеми вытекающими из этого правовыми

последствиями, допускающими признание права на реабилитацию, но только в строго определенных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации случаях.

Признав доказанным, что деяние, предусмотренное уголовным законом, имело место и совершено данным лицом в состоянии невменяемости, суд выносит постановление в соответствии со статьями 21 и 81 УК РФ об освобождении этого лица от уголовной ответственности и о применении к нему принудительных мер медицинского характера, а при невозможности, как в данном случае – в связи со смертью М., – о прекращении дела по пункту 4 части 1 статьи 24 УПК РФ, поэтому такое окончание уголовного судопроизводства не является реабилитацией в понимании закона, поскольку основания, перечисленные в статье 134 УПК РФ, отсутствуют. При этом суть совершенного общественно опасного деяния не претерпевает изменений в зависимости от того, были ли к лицу применены принудительные меры медицинского характера или нет, например по причине наступления его смерти или вследствие признания этого лица не нуждающимся в принудительном лечении.

Таким образом, доводы адвоката о необходимости прекращения дела в отношении М. по пункту 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием состава преступления, и о признании за ним права на реабилитацию являются несостоятельными и правильно отвергнуты судами первой и апелляционной инстанций.

Определение № 9-УД23-16-А4

45. Наличие в материалах дела расписки осужденного, составленной сразу после оглашения приговора, о нежелании обжаловать приговор и участвовать в заседании суда апелляционной инстанции, притом что в дальнейшем он подал апелляционную жалобу и направил в суд апелляционной инстанции своего представителя, не может являться основанием для рассмотрения дела в отсутствие осужденного, если имелись сведения об уважительной причине его неявки в судебное заседание суда апелляционной инстанции.

По приговору Сызранского городского суда Самарской области от 7 июля 2022 г. (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 5 сентября 2022 г.) У. осужден по пунктам «а», «з» части 2 статьи 111 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31 мая 2023 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат М. просил вынесенные по делу апелляционное и кассационное определения отменить и передать дело на новое апелляционное рассмотрение в связи с нарушением права осужденного

У. на личное участие в апелляционном рассмотрении дела, обращал внимание на то, что 7 июля 2022 г. сразу после провозглашения приговора от осужденного У. была отобрана расписка, в которой он указал, что не желает обжаловать приговор и участвовать в заседании суда апелляционной инстанции. Однако 18 июля 2022 г. У. подал апелляционную жалобу, по которой было назначено заседание суда апелляционной инстанции. При этом в материалах уголовного дела имеется телефонограмма, согласно которой У.Г. (дочь осужденного) сообщила, что У. желает участвовать в судебном заседании, но его могут положить в больницу. В судебном заседании суда апелляционной инстанции она пояснила, что осужденный У. находится в больнице и участвовать в заседании не может. Несмотря на это, суд апелляционной инстанции продолжил рассмотрение дела в отсутствие осужденного. Автор жалобы считал, что после подачи У. апелляционной жалобы суд должен был выяснить у него мнение о желании участвовать в судебном заседании.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2023 г. удовлетворила жалобу адвоката по следующим основаниям.

Согласно пункту 2 части 1 статьи 389¹² УПК РФ в судебном заседании суда апелляционной инстанции участие осужденного обязательно, если он ходатайствует о своем участии в нем или суд признает его участие необходимым.

По смыслу закона лицо вправе отказаться от реализации своих прав и свобод, в том числе носящих процессуальный характер. При этом такой отказ должен быть явно выраженным, добровольным и не может противоречить законодательству Российской Федерации.

Из материалов дела следует, что в день вынесения приговора У. действительно указал, что обжаловать его, равно как и принимать участие в заседании суда апелляционной инстанции, не желает.

Между тем 18 июля 2022 г. У. на указанный приговор была подана апелляционная жалоба, по которой 15 августа 2022 г. назначено судебное заседание на 5 сентября 2022 г., и ему направлено извещение о дате, времени и месте судебного разбирательства. В тот же день была составлена телефонограмма, принятая У.Г. (дочерью осужденного), которая сообщила в суд, что У. участвовать в судебном заседании будет, однако его могут положить в больницу.

Из протокола судебного заседания суда апелляционной инстанции от 5 сентября 2022 г. следует, что У.Г. явилась в судебное заседание. На вопросы суда она пояснила, что осужденный У. о времени и месте судебного разбирательства извещен. Однако в настоящее время он находится в больнице и участвовать в заседании не может.

Таким образом, суду от дочери осужденного стало известно о его желании принять участие в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовного дела по его жалобе.

Ссылка суда на расписку от 7 июля 2022 г., оформленную У. до подачи апелляционной жалобы, в данном случае не является достаточной для утверждения о том, что волеизъявление осужденного о его намерении принимать участие в судебном заседании суда второй инстанции было выяснено надлежащим образом.

Факт нахождения У. на лечении подтверждается справкой о его госпитализации 5 сентября 2022 г.

Суд апелляционной инстанции при наличии сведений о госпитализации У. и объективной невозможности его участия в деле не обсудил вопрос об уважительности причин его неявки в судебное заседание, не выяснил действительного желания или нежелания осужденного участвовать в апелляционном рассмотрении дела по его жалобе.

Указанные обстоятельства ставят под сомнение законность рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции в отсутствие У. и свидетельствуют о нарушении его права на защиту.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное и кассационное определения и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 46-УД23-34-К6

46. При определении размера вознаграждения адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению суда, подлежит учету и время, затраченное им на осуществление ознакомления с протоколом судебного заседания, который является частью уголовного дела.

Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2023 г. отказано в удовлетворении заявления адвоката Г. о выплате вознаграждения за ознакомление с протоколом судебного заседания по рассмотрению кассационной жалобы осужденной Б.

В кассационной жалобе адвокат Г. просил постановление суда отменить, указывая на то, что осужденная Б. поручила ему ознакомиться с протоколом судебного заседания суда кассационной инстанции и он фактически с этим протоколом ознакомился. Впоследствии путем почтовой корреспонденции в адрес Шестого кассационного суда общей юрисдикции им была направлена расписка об ознакомлении с протоколом. Адвокат считал, что судом при принятии решения не было учтено законодательство в области регулирования отношений по выплате вознаграждения адвокатам, просил выплатить ему вознаграждение за ознакомление с протоколом судебного заседания.

Проверив доводы кассационной жалобы адвоката Г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 19 декабря 2023 г. указала следующее.

Из материалов уголовного дела следует, что защиту интересов осужденной Б. 18 апреля 2023 г. при рассмотрении уголовного дела Шестым кассационным судом общей юрисдикции в порядке статьи 51 УПК РФ осуществлял адвокат Г., который в тот же день подал заявление об ознакомлении с протоколом судебного заседания суда кассационной инстанции, содержащее просьбу о направлении копии протокола на электронную почту.

27 апреля 2023 г. Г. подано заявление о выплате ему вознаграждения за ознакомление с протоколом судебного заседания. Шестой кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев 22 мая 2023 г. данное заявление адвоката, пришел к выводу об отсутствии оснований для его удовлетворения, указав на отсутствие сведений о фактическом ознакомлении адвоката с протоколом судебного заседания.

Между тем такой вывод кассационного суда не основан на материалах уголовного дела.

В деле имеется извещение от 27 апреля 2023 г. и отчет о его отправке, согласно которым судом на адрес электронной почты коллегии адвокатов «С.» с пометкой «для адвоката Г.» направлена в том числе копия протокола судебного заседания суда кассационной инстанции. Каких-либо сведений о том, что адвокат Г. не получил копию протокола судебного заседания от 18 апреля 2023 г., материалы дела не содержат, напротив, к поданной кассационной жалобе адвокатом такая копия приобщена.

Кроме того, суд в постановлении указал на то, что полномочия адвоката, принявшего на себя в порядке назначения поручение на осуществление защиты, прекращаются окончанием рассмотрения дела и вынесением судом кассационной инстанции итогового постановления.

Данный вывод противоречит положениям уголовно-процессуального закона и правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации.

В соответствии со статьями 49–51 УПК РФ с момента вступления защитника в уголовное дело на него распространяются полномочия, предусмотренные статьей 53 УПК РФ, в том числе право знакомиться с материалами уголовного дела, включая предусмотренное статьями 259–260 УПК РФ право на ознакомление с протоколом судебного заседания, который является частью уголовного дела.

Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», при определении размера вознаграждения адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению суда, подлежит учету время, затраченное им на осуществление полномочий, предусмотренных частями 1, 2 статьи 53 УПК РФ, включая время, затраченное на изучение материалов уголовного дела, а также на выполнение других действий адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи при условии их подтверждения документами. При этом время

занятости адвоката исчисляется в днях, в которые он был фактически занят выполнением поручения, вне зависимости от продолжительности работы по данному уголовному делу в течение дня.

Из материалов дела следует, что в судебном заседании суда кассационной инстанции осужденная Б. заявила, что поручает адвокату ознакомиться с протоколом судебного заседания и подать на него замечания. Она также пояснила, что не возражает против взыскания с нее процессуальных издержек за участие адвоката в суде, в том числе связанных с ознакомлением защитника с протоколом судебного заседания суда кассационной инстанции. Указанное пояснение осужденной Б., имеющее существенное значение для правильного разрешения заявления ее защитника, не было принято судом во внимание.

С учетом того, что заявление адвоката Г. о направлении ему протокола судебного заседания от 18 апреля 2023 г. и последующее ознакомление с этим протоколом были обусловлены поручением осужденной, вывод суда о том, что эти действия адвоката Г. выходили за рамки его полномочий и не были направлены на защиту интересов осужденной, нельзя признать обоснованным.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2023 г., заявление адвоката Г. вместе с материалами уголовного дела передала на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином его составе.

Определение № 31-УД23-18-К6

47. Если в ходе производства в суде кассационной инстанции по представлению прокурора, направленному на ухудшение положения осужденного, установлен факт смерти осужденного, то кассационное производство подлежит прекращению.

По приговору Шадринского районного суда Курганской области от 9 февраля 2022 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Ж. осужден по части 1 статьи 159, пункту «а» части 3 статьи 158, пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. приговор и апелляционное определение в отношении Ж. изменены: его действия по двум эпизодам краж квалифицированы как единое преступление, предусмотренное пунктами «а», «г» части 3 статьи 158 УК РФ, наказание смягчено.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене кассационного определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции и о направлении

уголовного дела на новое кассационное рассмотрение ввиду несогласия с решением, принятым судом кассационной инстанции, в том числе указывал на мягкость назначенного судом кассационной инстанции осужденному наказания, которое, по мнению автора представления, противоречит требованиям статей 6, 60 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 5 июля 2023 г. прекратила кассационное производство по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации ввиду следующего.

Как следует из свидетельства о смерти, выданного 10 апреля 2023 г. отделом ЗАГС администрации Октябрьского района г. Ростова-на-Дону, Ж. умер 12 февраля 2023 г.

Согласно положениям пункта 4 части 1 статьи 24, пункта 2 части 1 статьи 27 УПК РФ смерть подозреваемого или обвиняемого является основанием для прекращения уголовного дела, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

По смыслу закона установление в суде кассационной инстанции факта смерти осужденного является основанием для прекращения кассационного производства, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Приведенные в кассационном представлении доводы не связаны с необходимостью реабилитации Ж.

Приговор и апелляционное определение в отношении его вступили в законную силу.

С учетом изложенного производство по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации подлежит прекращению.

Определение № 82-УДП23-5-К7

48. Обвинительный приговор по делу о получении взятки должен быть основан на достаточной совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, подтверждающих факт получения должностным лицом незаконного вознаграждения.

По приговору Кировского районного суда г. Красноярск от 6 декабря 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судами апелляционной и кассационной инстанций) Г. признана виновной и осуждена за получение должностным лицом лично и через посредника взяток в виде денег за незаконные действия, а также за совершение из корыстной заинтересованности служебных подлогов.

В кассационных жалобах и дополнениях к ним защитник – адвокат А., помимо прочего, выражал несогласие с вынесенными в отношении Г. судебными решениями, полагая, что выводы суда о виновности Г.

в получении взяток и совершении служебных подлогов не подтверждены доказательствами, исследованными в судебном заседании, просил отменить приговор и последующие судебные решения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 26 июля 2023 г. отменила апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 21 апреля 2022 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2022 г. и направила уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда по следующим основаниям.

Судом признано установленным, что Г., являясь руководителем территориального отдела агентства записи актов гражданского состояния по Кировскому району г. Красноярска (далее – Агентство ЗАГС), в разное время (в период с 16 января по 26 мая 2015 г.) получила четыре взятки от О.М., С. и О.Н. за незаконные действия в интересах А.Л., Б., К. и С. – государственную регистрацию рождения несуществующих детей и выдачу соответствующих свидетельств о рождении, а также совершила служебные подлоги, внося в официальные документы заведомо ложные сведения о рождении детей, при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В обоснование виновности Г. суд в приговоре привел показания ряда свидетелей, в том числе О.М., О.Н., С., Б., К., А.Л., протоколы следственных действий, заключения экспертиз, письменные документы.

Г. как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства не признала своей вины, заявляя о том, что материалы уголовного дела в отношении ее сфабрикованы, а свидетели обвинения оговорили ее в совершении преступлений.

Г. и ее защитник – адвокат А. в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций и в поданных ими апелляционных и кассационных жалобах приводили доводы и заявляли о том, что в основу обвинения Г. положены показания оговоривших ее свидетелей О.М., О.Н. и С., а также лиц, которым они якобы рассказывали о даче Г. взяток за выдачу свидетельств о рождении несуществующих детей. При этом Г. заявляла, что у свидетелей обвинения были причины для ее оговора, поскольку в период с 2015 по 2017 год на основании ее обращений как руководителя территориального отдела Агентства ЗАГС, в которых она сообщала руководству Агентства ЗАГС и в правоохранительные органы об участившихся случаях рождения детей у лиц цыганской народности вне медицинских учреждений (на дому); правоохранительными органами были проведены проверки, следствием которых стало возбуждение уголовных дел в том числе в отношении О.М., О.Н., С., Б., К. по обвинениям в мошенничестве при получении ими пособий и социальных выплат на несуществующих детей.

В обоснование этих доводов Г. ссылаясь на ответ прокуратуры Кировского района г. Красноярска, в котором сообщалось о проведении

правоохранительными органами соответствующих проверок по ее обращениям, а также на показания свидетелей К.Б. и Г.А., сообщивших суду о фактах таких обращений.

Г. также обращала внимание судов первой, апелляционной и кассационной инстанций на то обстоятельство, что по приговорам Центрального и Свердловского районных судов г. Красноярска А.Л., К., О.М. осуждены за мошенничество при получении ими пособий и социальных выплат на несуществующих детей. В приговорах были установлены иные обстоятельства получения свидетельств о рождении детей А.Л., Б., С. и К. В частности, указанные лица (свидетели обвинения по делу Г.) при получении в органах ЗАГС свидетельств о рождении детей вводили в заблуждение работников территориального отдела Агентства ЗАГС. Так, в приговоре Свердловского районного суда г. Красноярска от 14 октября 2020 г., вынесенном в отношении С., признано установленным, что она, действуя по предварительному сговору с неустановленным лицом, 15 мая 2015 г. незаконно, путем предоставления недостоверных сведений, получила свидетельство о рождении несуществующих детей (С.Ж. и С.А.), введя при этом в заблуждение Г., не осведомленную о ее преступных намерениях.

Г. и ее защитник акцентировали внимание судов на том, что необходимости давать взятку Г. за выдачу свидетельств о рождении детей у свидетелей обвинения не было, поскольку существовавшая в то время процедура получения свидетельств о рождении детей вне медицинских учреждений предусматривала возможность получения свидетельств о рождении таких детей путем обращения одного из родителей ребенка в ЗАГС с соответствующим заявлением и подтверждения факта родов ребенка свидетелем. При этом работники ЗАГС не вправе были требовать от родителя представления иных документов, подтверждающих факт рождения ребенка, и не были наделены полномочиями проводить какие-либо проверки относительно достоверности факта рождения ребенка.

Стороной защиты также обращалось внимание судов на противоречия в показаниях свидетелей обвинения, данных ими на предварительном следствии и в судебном заседании, в частности на показания С., допрошенной на предварительном следствии 12 октября 2017 г. в качестве обвиняемой по другому уголовному делу, где она сообщала иные сведения относительно передачи денег должностным лицам ЗАГС за выдачу двух свидетельств о рождении детей (С.Ж. и С.А.), которые инкриминированы Г. по эпизоду обвинения от 15 мая 2015 г. Так, она показывала, что деньги в сумме 20 000 руб. были переданы ее (С.) бабушкой руководителю ЗАГС Свердловского района г. Красноярска «Гале», по протекции которой она вместе с бабушкой обратилась к Г. (заведующему ЗАГС Кировского района г. Красноярска) за получением двух свидетельств о рождении несуществующих детей – «двойни». В судебном заседании С. утверждала, что деньги в указанной сумме она передала лично Г. за совершение

незаконных действий в ее интересах, то есть за выдачу свидетельств о рождении детей.

Г. также поясняла суду, что свидетельства о рождении детей А.Л., Б. и К. были выданы специалистом ЗАГС К.Б., которая осуществляла свои полномочия в рамках установленного регламента и закон не нарушала. К.Б., будучи допрошенной в качестве свидетеля, в суде подтвердила показания Г., пояснив, что актовые записи о рождении детей А.Л., Б. и К. составляла именно она, в том числе ставила печати в свидетельствах о рождении детей.

В ходе судебного разбирательства стороной защиты были заявлены ходатайства о признании показаний свидетеля обвинения О.Н. (умершей после направления уголовного дела в суд) недопустимым доказательством ввиду того, что в предыдущих стадиях производства по делу обвиняемой Г. не была предоставлена возможность оспорить ее показания предусмотренными законом способами. По мнению стороны защиты, О.Н. не подлежала допросу на предварительном следствии, поскольку в тот период имела ряд тяжелых заболеваний, в том числе деменцию и острое нарушение мозгового кровообращения по ишемическому типу – инсульт. При этом защитник ссылался на имеющиеся в деле медицинские документы, в частности медицинское заключение, подписанное главным врачом Красноярской городской поликлиники № 6, в котором указано, что О.Н. страдает рядом заболеваний, в том числе «острым нарушением мозгового кровообращения по ишемическому типу», самостоятельно себя обслуживать не может, нуждается в постоянном постороннем уходе и, учитывая тяжесть состояния ее здоровья, проводить с ней следственные действия до восстановления утраченных функций организма не представляется возможным, и на ответ судье, подписанный и.о. заместителя главного врача по амбулаторно-поликлинической работе и врачом-психиатром КГБУЗ «Красноярский краевой психоневрологический диспансер № 1», согласно которому О.Н. была осмотрена на дому и ей установлен диагноз «деменция в связи со смешанными заболеваниями».

Защита обращала внимание судов на то, что свидетели обвинения А.Л., Б. и К., в интересах которых якобы О.Н. и О.М. (мать и дочь) давали взятки Г., очевидцами передачи денег не были, а сведения, которыми они располагают, получены от самих О.Н. и О.М.; другие допрошенные в суде свидетели также не были очевидцами передачи денег Г. Результатов оперативно-розыскной деятельности, изобличающих Г. в получении взяток или совершении иных преступлений, в материалах уголовного дела не содержится.

Эти доводы стороны защиты, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о виновности или невиновности Г., судами апелляционной и кассационной инстанций оставлены без надлежащей проверки и не опровергнуты в вынесенных определениях.

Судом апелляционной инстанции не приведено убедительных мотивов, опровергающих доводы защиты о нарушении судом первой инстанции

правил проверки и оценки доказательств, предусмотренных статьями 87, 88 УПК РФ, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела. При этом суд апелляционной инстанции признал убедительными доводы стороны защиты о том, что изъятые в августе 2019 г. в ходе обыска кабинета Г. деньги в сумме 8020 руб., признанные вещественным доказательством по делу, не имеют отношения к инкриминированным ей событиям четырехлетней давности, и исключил из приговора указание суда об их конфискации, а вопрос о разрешении судьбы денежных средств как вещественных доказательств передал на новое рассмотрение в порядке главы 47 УПК РФ.

Приведенные в апелляционном и кассационном определениях общие формулировки без указания на конкретные основания, по которым доводы апелляционной и кассационной жалоб адвоката А., поданных в защиту Г., отвергнуты, не могут быть признаны обоснованными и мотивированными.

При изложенных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 21 апреля 2022 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2022 г. и направила уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда.

Определение № 53-УД23-9-К8

49. Неисполнение судом кассационной инстанции обязанности по направлению копии постановления о передаче кассационного представления, кассационных жалоб представителей потерпевших для рассмотрения в судебном заседании заинтересованному лицу, на имущество детей которого наложен арест, а также обязанности по его извещению о дате, месте и времени рассмотрения дела кассационным судом повлекло отмену кассационного определения.

По приговору Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 июля 2022 г. В., ранее не судимый, осужден по части 4 статьи 160 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

С осужденного В. в пользу АО «Ю.» взыскано 183 975 154 руб. 74 коп.

Постановлено обратить взыскание на имущество, арестованное на основании постановлений Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Арест, наложенный в том числе на частный дом, расположенный в Московской области, постановлено сохранить до исполнения приговора в части гражданского иска в пределах срока исковой давности.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 5 декабря 2022 г. приговор отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2023 г. апелляционное определение отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

В кассационной жалобе адвокат С. в интересах заинтересованного лица В.Р. просил об отмене кассационного определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по тем основаниям, что суд кассационной инстанции в нарушение требований закона не ознакомил заинтересованное лицо В.Р. с постановлением о передаче кассационного представления заместителя прокурора и кассационных жалоб представителей потерпевшего АО «Ю.» в суд кассационной инстанции, а также не известил о дате, месте и времени рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, чем нарушил право заинтересованного лица на участие в судебном разбирательстве.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 8 июня 2023 г., обсудив доводы кассационной жалобы, указала следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 401² УПК РФ вступившее в законную силу судебное решение может быть обжаловано в порядке, установленном главой 47¹ УПК РФ, в суд кассационной инстанции осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, частным обвинителем, их законными представителями и представителями, а также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

Согласно части 1 статьи 401¹² УПК РФ суд кассационной инстанции направляет лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, копии постановления о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копии кассационных жалобы, представления.

Как видно из материалов дела, кассационное представление заместителя прокурора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и кассационные жалобы представителей потерпевшего АО «Ю.» Ш. и К., в которых ставился вопрос об отмене апелляционного определения от 5 декабря 2022 г. в отношении В., были переданы на рассмотрение в судебном заседании Седьмого кассационного суда общей юрисдикции.

После этого 28 февраля 2023 г. копия постановления о передаче кассационного представления, кассационных жалоб представителей потерпевших для рассмотрения в судебном заседании Седьмого кассационного суда общей юрисдикции вместе с извещением о дате, месте и времени рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции была

направлена прокурору, представителям потерпевших АО «Ю.», представителю заинтересованного лица АО СО «Я.» и осужденному В.

28 марта 2023 г. дело в отношении В. было рассмотрено судебной коллегией по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции с участием прокурора, защитника осужденного, представителей потерпевших АО «Ю.» и представителя заинтересованного лица АО СО «Я.».

Кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение в отношении В. отменено и дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Между тем по смыслу закона уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. При этом суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Как усматривается из материалов дела, судом апелляционной инстанции В.Р. признана заинтересованным лицом и ее апелляционная жалоба об исключении указания суда первой инстанции об обращении взыскания на частный дом, расположенный в Московской области, и отмене ареста этого дома была рассмотрена судом апелляционной инстанции.

По смыслу закона заинтересованное лицо также вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, апелляционной, кассационной инстанций, это право должно быть ему обеспечено судом, который извещает заинтересованное лицо о дате, времени и месте судебного разбирательства.

Однако в материалах дела отсутствуют данные о том, что заинтересованное лицо В.Р. была ознакомлена с кассационным представлением и кассационными жалобами представителей потерпевших, получила копию постановления о передаче кассационного представления и кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, тогда как именно интересы заинтересованного лица В.Р. были затронуты отменой по кассационному представлению и кассационным жалобам апелляционного определения, которым был отменен приговор суда первой инстанции, в том числе и по основаниям необоснованности обращения взыскания на частный дом, принадлежащий детям В.Р.

Отсутствуют в материалах дела и данные о том, что В.Р. была извещена о дате, месте и времени судебного разбирательства и имела возможность заявить ходатайство об участии в судебном заседании суда кассационной инстанции при рассмотрении дела в отношении В.

Таким образом, суд кассационной инстанции не обеспечил заинтересованному лицу В.Р. возможности реализовать предоставленные ей статьей 401¹² УПК РФ права на участие в судебном заседании, а также возможности дать объяснения и довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов рассматриваемого дела.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2023 г., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

Определение № 69-УД23-6-К7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений

50. При рассмотрении требований о признании незаконным решения или действия (бездействия) органа, наделенного публичными полномочиями, необходимо проверить соответствие такого решения не только нормативному правовому акту, подлежащему применению, но и иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу и регулирующему спорные правоотношения с участием административного истца на момент их возникновения.

21 июня 2023 г. А. обратился в Департамент труда и социальной защиты населения субъекта Российской Федерации (далее – Департамент) с заявлением о предоставлении путевки в детский оздоровительный лагерь для его дочери Е., 2010 года рождения, относящейся к категории детей, которые имеют право на получение меры государственной поддержки в виде предоставления путевок для отдыха и оздоровления.

Решением Департамента отказано в предоставлении путевки со ссылкой на подпункт 4 пункта 4.12 Порядка и условий предоставления путевок в организации отдыха детей и их оздоровления, утвержденного постановлением Правительства субъекта Российской Федерации (далее также – Порядок предоставления путевок), по причине выделения ребенку заявителя оздоровительной путевки с 8 по 28 августа 2022 г.

Не согласившись с указанным решением, А. обратился в суд с административным иском о признании его незаконным и возложении на Департамент обязанности предоставить путевку для отдыха и оздоровления его дочери.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административный иск А. удовлетворен. Суд признал незаконным и отменил решение Департамента об отказе в предоставлении государственной услуги.

Удовлетворяя заявленные А. требования и признавая оспариваемое им решение Департамента незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что факт предоставления Е. путевки в 2022 году не являлся препятствием для предоставления ей путевки в 2023 году, поскольку положениями части 2 статьи 6 регионального закона об обеспечении прав детей, проживающих в городе, на отдых и оздоровление (далее – Закон об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте Российской Федерации) закреплено право на получение путевки либо компенсации части ее стоимости в качестве меры государственной поддержки на одного ребенка один раз в течение календарного года.

Кроме того, судом указано, что к спорным отношениям не подлежит применению принятый 27 июня 2023 г. региональный закон, которым статья 6 Закона об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление признана утратившей силу, поскольку он не вступил в силу на момент обращения А. в Департамент с заявлением.

Суд кассационной инстанции отменил названные выше судебные акты и принял новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований, указав, что суды не учли, что положения части 2 статьи 6 Закона об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте Российской Федерации не определяют порядок и условия предоставления путевок, а также не устанавливают безусловную обязанность административного органа предоставлять путевки один раз в течение календарного года, а лишь регламентируют ограничение количества предоставления путевок в определенный период времени.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда кассационной инстанции, оставила в силе решение суда первой инстанции и апелляционное определение, указав следующее.

Правоотношения в сфере государственного обеспечения отдыха и оздоровления детей, проживающих в данном субъекте Российской Федерации, регулируются Законом об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте Российской Федерации.

Частью 2 статьи 6 названного закона установлено, что путевка либо компенсация части ее стоимости предоставляется в качестве меры государственной поддержки на одного ребенка один раз в течение календарного года.

В статье 8 Закона об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте Российской Федерации определены категории детей, которым предоставляются меры государственной поддержки в виде предоставления путевок для отдыха и оздоровления, в том числе названы дети, состоящие на диспансерном учете (пункт 10).

Механизм и условия предоставления путевок в организации отдыха детей и их оздоровления установлены Порядком предоставления путевок, в пункте 4.12 которого перечислены основания для отказа в предоставлении

путевки, одним из которых является оздоровление ребенка, относящегося к названным в пунктах 3–11 статьи 8 Закона об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте Российской Федерации детям, в предыдущем году за счет средств бюджета города или по региональной квоте в федеральных государственных бюджетных образовательных учреждениях (подпункт 4).

Вместе с тем Порядок предоставления путевок является подзаконным нормативным правовым актом, служит средством реализации установленных Законом об обеспечении прав детей на отдых и оздоровление в субъекте правовых положений и должен соответствовать содержащимся в нем нормам.

По смыслу правовых предписаний, содержащихся в главе 22 КАС РФ, для правильного разрешения требований об оспаривании в том числе решений органа, наделенного публичными полномочиями, необходимо проверить соответствие такого решения нормативному правовому акту, подлежащему применению, или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, которые действовали на момент возникновения правоотношения с участием административного истца (части 2 и 5 статьи 15 названного кодекса).

С учетом этого Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации сделала вывод о том, что суды первой и апелляционной инстанций правильно признали незаконным оспариваемое решение Департамента, как не соответствующее региональному закону, имеющему большую юридическую силу в сравнении с Порядком предоставления путевок.

При таких обстоятельствах кассационное определение было отменено, судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены в силе.

Определение № 117-КАД24-10-К4

51. Нарушение организационного срока направления ведущей организацией оригинала отзыва на диссертацию в диссертационный совет само по себе не может являться основанием для отмены решения диссертационного совета о присуждении ученой степени, если это не привело к ущемлению права соискателя ученой степени на ознакомление с его содержанием заблаговременно до дня защиты диссертации.

Решением совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – диссертационный совет) от 27 декабря 2021 г. Р. присвоена ученая степень кандидата педагогических наук по результатам защиты диссертации на соискание указанной ученой степени.

Приказом заместителя Министра науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Приказ) отменено названное решение диссертационного совета о присуждении ученой степени кандидата наук и Р. отказано в выдаче диплома кандидата наук в связи с нарушением требований нормативного правового акта о сроке представления отзыва ведущей организации на диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук.

Р. обратился в суд с административным иском о признании незаконным Приказа, указав, что нарушение срока представления отзыва ведущей организации на диссертацию не может служить основанием для отмены решения диссертационного совета о присвоении ученой степени.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, исходила из следующего.

В соответствии с положениями пункта 2¹ статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, защиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядок рассмотрения Высшей аттестационной комиссией при федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и аттестационных дел устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 утверждено Положение о присуждении ученых степеней (далее – Положение), в разделе III которого регламентируются вопросы представления и защиты диссертаций.

Согласно пункту 24 Положения оригинал отзыва на диссертацию ведущая организация направляет в диссертационный совет не позднее 15 дней до дня защиты диссертации. Копию отзыва диссертационный совет вручает соискателю ученой степени не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

В случае выявления факта нарушения порядка представления к защите и защиты диссертации, установленного названным актом, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации принимает решение об отмене решения диссертационного совета о присуждении ученой степени и об отказе в выдаче диплома кандидата наук (пункт 39 Положения).

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции установил, что отзыв на диссертацию Р. утвержден и направлен ведущей организацией 13 декабря 2021 г., то есть с нарушением срока, установленного пунктом 24 Положения, в связи с чем отказал в удовлетворении административного иска и признал законным оспариваемый Приказ.

Правовой анализ норм пунктов 15–38 Положения, регулирующих вопросы представления и защиты диссертаций, свидетельствует о том, что они закрепляют требования к соискателю ученой степени и диссертационному совету, а также регламентируют их действия, необходимые для принятия диссертации, назначения и проведения ее защиты диссертационным советом.

В пункте 20 Положения установлен исчерпывающий перечень оснований для отказа в приеме диссертации к защите. Несоблюдение ведущей организацией срока направления в диссертационный совет оригинала отзыва на диссертацию в качестве такого обстоятельства не предусмотрено.

Из толкования абзаца пятого пункта 24 Положения следует, что указание на необходимость направления ведущей организацией в диссертационный совет оригинала отзыва на диссертацию не позднее 15 дней до дня защиты диссертации носит исключительно организационный характер, имеет целью обеспечение права соискателя ученой степени на ознакомление с его содержанием заблаговременно до дня защиты диссертации.

Таким образом, для ведущей организации фактически ограничен срок направления отзыва с целью, чтобы у диссертационного совета была возможность исполнить обязанность вручения копии отзыва соискателю ученой степени не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

Р. в кассационной жалобе утверждал, что отзыв ведущей организации, направленный в диссертационный совет 13 декабря 2021 г., поступил в этот же день, заявитель был ознакомлен с ним своевременно.

Данные обстоятельства административным ответчиком не оспаривались; иные нарушения, кроме касающихся срока направления отзыва ведущей организацией, в Приказе не приведены.

Следовательно, довод Р. о том, что направление ведущей организацией оригинала отзыва на диссертацию в диссертационный совет за 14 дней до дня защиты диссертации неправомерно признано нарушением порядка представления и защиты диссертации, является обоснованным.

При рассмотрении административного дела судами также не учтено, что юридически значимым действием, без которого невозможна защита диссертации, является представление ведущей организацией отзыва на диссертацию, отражающего значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки. В случае несоответствия отзыва ведущей организации требованиям пункта 24 Положения диссертационный совет до проведения защиты заменяет

ведущую организацию и переносит дату защиты диссертации на срок не более 6 месяцев.

Между тем представленный на диссертацию административного истца отзыв содержит оценку теоретической и практической значимости работы Р.

Таким образом, оспариваемый Приказ не соответствует положениям законодательства и нарушает права и законные интересы Р., в связи с чем нельзя согласиться с выводами судов о его законности.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по административному делу судебные акты и удовлетворила административный иск.

Определение № 78-КАД25-2-К3

52. Если водительское удостоверение возвращено лицу в связи с истечением срока лишения специального права без проверки знания Правил дорожного движения, поскольку соответствующий порядок проверки не был установлен, аннулирование удостоверения, выданного ему взамен, в связи с непрохождением лицом названной проверки является незаконным.

Ш. 24 февраля 2014 г. привлечен к административной ответственности на основании части 3 статьи 12.16 КоАП РФ за движение во встречном направлении по дороге с односторонним движением, ему назначено административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством.

После истечения срока лишения специального права водительское удостоверение возвращено 27 июля 2014 г.

24 января 2023 г. Ш. сотрудником регистрационно-экзаменационного отделения ГИБДД Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городскому округу (далее – УМВД России по городу) в связи с истечением срока действия предыдущего документа выдано водительское удостоверение сроком действия с 24 января 2023 г. по 24 января 2033 г.

На основании результатов служебной проверки названное удостоверение аннулировано, указано о необходимости сдать его для уничтожения в связи с тем, что в силу действующих с сентября 2013 года. положений нормативных правовых актов возврат водительского удостоверения после истечения срока лишения права управления транспортным средством возможен после проверки знаний Правил дорожного движения, однако сведений об этом в отношении Ш. в базе данных федеральной информационной системы Госавтоинспекции не имеется.

Ш. обратился в суд с административным иском о признании незаконными действий УМВД России по городу по аннулированию водительского удостоверения, и возложении обязанности устранить

допущенные нарушения и удалить сведения об аннулировании удостоверения из баз данных.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Ш. отказано в удовлетворении требований.

При этом суды исходили из того, что Ш. после окончания срока лишения права управления транспортными средствами не прошел процедуру проверки знания Правил дорожного движения, в связи с чем ему ошибочно в 2014 году возвращено изъятое водительское удостоверение, следовательно, незаконно выдано новое водительское удостоверение взамен документа, срок действия которого истек.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, частично отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, исходила из следующего.

В пункте 1 статьи 28 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Закон о безопасности дорожного движения) предусмотрены основания прекращения действия права на управление транспортными средствами, в том числе указаны истечение срока действия водительского удостоверения, лишение права на управление транспортными средствами (здесь и далее нормативные правовые акты приводятся в редакции, действовавшей на момент возврата в 2014 году водительского удостоверения и принятия решения об аннулировании водительского удостоверения).

В указанной статье также содержится норма, согласно которой возврат водительского удостоверения после утраты оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (пункт 3).

В соответствии с положениями части 4¹ статьи 32.6 КоАП РФ по истечении срока лишения специального права за совершение административных правонарушений, предусмотренных главой 12 этого кодекса, водительское удостоверение, изъятое у подвергнутого данному виду административного наказания лица, возвращается после проверки знания им Правил дорожного движения.

Между тем судами не принято во внимание, что приведенное выше правовое регулирование, введенное в действие с 1 сентября 2013 г. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» (статья 4, далее – Закон о внесении изменений в КоАП РФ), в июне 2014 года не содержало нормы, регламентирующей действия сотрудников полиции, а также граждан, в отношении которых срок лишения права управления транспортным средством истек, не был установлен порядок проверки знаний Правил дорожного движения названными лицами.

Такой нормативный правовой акт в соответствии с пунктом 3 статьи 28 Закона о безопасности дорожного движения принят Правительством Российской Федерации только 14 ноября 2014 г.: постановлением № 1191 утверждены Правила возврата водительского удостоверения после утраты оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами, то есть более чем через четыре месяца после истечения срока административного наказания.

Таким образом, на момент привлечения Ш. к административной ответственности и истечения срока лишения его специального права отсутствовало правовое регулирование порядка возврата водительского удостоверения после истечения срока лишения специального права, обязательного в силу указания в пункте 3 статьи 28 Закона о безопасности дорожного движения.

С учетом изложенного часть 4¹ статьи 32.6 КоАП РФ, устанавливающая условия для возврата водительского удостоверения (проверка знания Правил дорожного движения) и возлагающая на граждан ранее не предусмотренную законом обязанность, в отсутствие порядка ее исполнения не могла быть применена к правоотношениям с участием Ш.

В Методических рекомендациях по реализации норм КоАП РФ в редакции Закона о внесении изменений в КоАП РФ, являющихся приложением к письму МВД России «О недостатках формирования АИПС «Адмпрактика» от 29 августа 2013 г. № 13/12-217, разъяснено, что применение части 4¹ статьи 32.6 КоАП РФ преждевременно и не может осуществляться до принятия постановления Правительства Российской Федерации во исполнение пункта 3 статьи 28 Закона о безопасности дорожного движения (раздел «Возврат водительских удостоверений по истечении срока лишения специального права»).

По смыслу положений статьи 32.6 КоАП РФ, определяющих порядок исполнения постановления о лишении специального права, изъятое водительское удостоверение не должно храниться уполномоченным органом более срока наказания, назначенного судом.

Следовательно, при указанных выше обстоятельствах уполномоченные лица УМВД России по городу не имели правовых оснований для отказа вернуть водительское удостоверение административному истцу после истечения срока административного наказания или для предложения пройти проверку знания Правил дорожного движения в отсутствие установленного порядка проведения такой проверки.

С учетом изложенного по истечении срока назначенного административного наказания Ш. водительское удостоверение без проверки знания Правил дорожного движения возвратили правильно, в соответствии с действовавшим на тот момент правовым регулированием.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты в части отказа признать незаконным аннулирование

водительского удостоверения, приняла по делу новое решение, которым административное исковое заявление в указанной части удовлетворила.

Определение № 21-КАД25-1-К5

53. При рассмотрении вопроса о законности решения призывной комиссии об определении категории годности к военной службе заключение эксперта следует оценивать в совокупности с другими доказательствами, и имеющиеся между ними противоречия должны быть устранены судом.

Призывной комиссией города (далее – призывная комиссия) 18 октября 2023 г. Я. определена категория годности к военной службе «Б-3» – годен к военной службе с незначительными ограничениями, и он призван на военную службу.

Не согласившись с данным решением, Я. обратился в суд с административным иском о признании его незаконным и подлежащим отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административный иск удовлетворен, оспариваемое решение призывной комиссии отменено.

Разрешая заявленные требования и признавая их обоснованными, суд пришел к выводу о том, что у Я. на день прохождения медицинского освидетельствования и принятия решения призывной комиссией о признании его годным к военной службе с незначительными ограничениями имелись заболевания, препятствующие прохождению военной службы. При этом суд первой инстанции исходил исключительно из выводов, содержащихся в заключении проведенной обществом с ограниченной ответственностью «В.» (далее – ООО «В.») судебной военно-врачебной экспертизы от 11 января 2024 г., согласно которому Я. на основании пункта «б» статьи 47, пункта «г» статьи 65, пункта «в» статьи 68 «Расписание болезней» (приложение № 1 к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 (далее – Расписание болезней) определена категории годности «В» – ограниченно годен к военной службе.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления по следующим основаниям.

Признавая незаконным оспариваемое решение, суд первой инстанции ограничился воспроизведением выводов, содержащихся в заключении проведенной по делу судебной экспертизы, не проверив это доказательство на соответствие нормам материального и процессуального права.

Федеральный законодатель, определяя права и обязанности экспертов, содержание экспертного заключения, установил, что эксперт не вправе

самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы (часть 6 статьи 49 КАС РФ).

Однако в заключении судебной экспертизы, проведенной в период с 7 декабря 2023 г. по 11 января 2024 г., указаны результаты полученных после назначения судом экспертизы специальных исследований (анализ крови, флюорограмма, МРТ, ЭКГ, рентгенологические исследования).

Кроме того, содержащиеся в названном заключении выводы не соответствуют представленным доказательствам, а также нормам материального права.

Суд первой инстанции не дал правовой оценки выводу экспертов о признании Я. ограниченно годным к военной службе (категория «В») на основании пункта «б» статьи 47, пункта «г» статьи 65 Расписания болезней, которые названную категорию годности не предусматривают; в перечисленных нормах содержится указание на категорию годности к военной службе «Б-3», – годен к военной службе с незначительными ограничениями.

В силу предписаний части 2 статьи 59 и части 8 статьи 82 КАС РФ заключение эксперта, как одно из доказательств по делу, не является для суда обязательным и оценивается им по правилам, установленным статьей 84 названного кодекса.

Суды не проверили соответствие вывода экспертов положениям пункта «в» статьи 68 Расписания болезней, которым предусмотрено, что в случае выявления плоскостопия с незначительным нарушением функций определяется категория годности «В» – ограниченно годен к военной службе.

Указано, что продольное плоскостопие оценивается по рентгенограммам, выполненным в боковой проекции в положении стоя с полной статической нагрузкой на исследуемую стопу.

В заключении судебной экспертизы описано рентгенологическое исследование от 1 ноября 2023 г. Однако такое рентгенологическое исследование и рентгенограмма отсутствуют в материалах дела. Имеется лишь протокол исследований от 1 ноября 2021 г., который Я. предъявил при обращении в суд в виде не заверенной надлежащим образом светоконии, содержащий аналогичное описание, не подтвержденной рентгенограммой.

Из материалов административного дела также усматривается, что 11 декабря 2023 г. Я. сделана рентгенография стоп в боковой проекции с функциональной нагрузкой в ГБУЗ, на основании которой дано заключение: R-данные плоскостопия стоп справа II, слева III степени.

В протоколе рентгенологического обследования врачом отмечено, что данное заключение не является клиническим диагнозом, а наряду с результатами других исследований является одним из оснований для вынесения диагноза в работе врача-клинициста.

Суды первой и апелляционной инстанций не приняли мер к проверке приведенных обстоятельств и устранению противоречий между ними.

При этом, поручая проведение судебной военно-врачебной экспертизы ООО «В.», суд первой инстанции не проверил наличие у данной организации права на проведение судебной военно-врачебной экспертизы, суждение судебных инстанций о наличии соответствующей лицензии не основано на доказательствах, имеющихся в материалах дела.

Таким образом, выводы судов о наличии у административного истца заболевания, препятствующего призыву на военную службу, основаны на неполно установленных и непроверенных юридически значимых обстоятельствах, сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 49-КАД25-6-К6

54. В случае уточнения сведений о местоположении границ земельного участка и (или) его площади в осуществлении государственного кадастрового учета не может быть отказано, если превышение размеров образуемого земельного участка относительно размеров, указанных в правоустанавливающих документах, находится в пределах минимального размера предоставления в данном населенном пункте и сложившееся землепользование в установленных границах осуществляется пятнадцать и более лет.

К. на праве общей долевой собственности ($\frac{1}{4}$ доли) принадлежит земельный участок.

Сведения об указанном земельном участке внесены в ЕГРН в январе 2003 г., имеют статус «актуальные, ранее учтенные».

К. обратился в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по области (далее – управление Росреестра), представив межевой план от 10 мая 2023 г., подготовленный кадастровым инженером в связи с уточнением местоположения границ и площади земельного участка, согласно которому в результате проведения кадастровых работ по уточнению местоположения границ его площадь увеличилась с 935 до 1156 кв. м.

Уведомлением административный ответчик управление Росреестра сообщило об отказе в осуществлении государственного кадастрового учета земельного участка в связи с несоответствием площади и конфигурации земельного участка, указанных в межевом плане, сведениям ЕГРН.

К. обратился в суд с административным иском о признании незаконным и отмене решения управление Росреестра об отказе в осуществлении государственного кадастрового учета земельного участка,

о возложении обязанности совершить действия по государственному кадастровому учету в отношении земельного участка площадью 1156 кв. м.

Решением суда первой инстанции решение управления Росреестра признано незаконным, на административного ответчика возложена обязанность повторно рассмотреть заявление. В удовлетворении административного иска в остальной части отказано.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Разрешая спор и частично удовлетворяя требования, суд первой инстанции исходил из того, что имеющийся в материалах кадастрового дела план границ земельного участка не содержит сведений о его размерах, превышение декларированной площади земельного участка на 221 кв. м подтверждается заключением кадастрового инженера, минимальный размер земельного участка для индивидуального жилищного строительства не превышен, у государственного регистратора отсутствовали основания для приостановления и последующего отказа в осуществлении государственного кадастрового учета ввиду несоответствия межевого плана предъявляемым требованиям.

Отменяя решение суда первой инстанции, суды апелляционной и кассационной инстанций отметили, что в межевом плане, представленном в регистрирующий орган кадастровым инженером, не указана причина изменения площади земельного участка, не приведено обоснование местоположения уточненных границ земельного участка на 221 кв. м, а также не установлены земли, за счет которых произошло увеличение размера земельного участка. Кадастровый инженер определил местоположение земельного участка, указанного административным истцом в заявлении о государственном кадастровом учете, исходя из границ, существующих на местности 15 лет, без учета постановления главы администрации, которым утверждены границы земельного участка площадью 935 кв. м.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу определения судов апелляционной и кассационной инстанций, указав следующее.

В соответствии с частью 1¹ статьи 43 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» при уточнении границ земельного участка их местоположение определяется исходя из сведений, содержащихся в документе, подтверждающем право на земельный участок, или при отсутствии такого документа исходя из сведений, содержащихся в документах, определявших местоположение границ земельного участка при его образовании. В случае отсутствия в указанных документах сведений о местоположении границ земельного участка его границами считаются границы, существующие на местности 15 лет и более. При уточнении границ земельных участков допускается

изменение площади такого земельного участка в соответствии с условиями, указанными в пунктах 32 и 32¹ части 1 статьи 26 данного федерального закона. В межевом плане приводится обоснование местоположения уточненных границ земельного участка. При проведении правовой экспертизы документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета, проверка обоснованности местоположения уточненных границ земельного участка, в том числе изменения площади уточненного земельного участка, если такое уточнение местоположения границ земельного участка не приводит к нарушению условий, указанных в пунктах 32, 32¹ и 45 части 1 статьи 26 данного федерального закона, государственным регистратором прав не осуществляется.

Как видно из материалов дела, несоответствие межевого плана постановлению главы администрации выражается в увеличении площади.

Увеличение декларированной площади земельного участка имело место в пределах минимального размера земельных участков для земель данного целевого назначения и разрешенного использования (500 кв. м), установленного статьей 34 постановления администрации от 18 июня 2021 г. об утверждении Правил землепользования и застройки территории (части территории) городского округа.

Превышение размеров земельного участка относительно размеров, указанных в правоустанавливающих документах, меньше, чем минимальный размер предоставляемых земельных участков в данном населенном пункте.

В заключении кадастрового инженера содержится обоснование фактического использования земельного участка в уточненных границах: земельный участок имеет ограждение в виде металлического забора на металлических столбах, ограничен соседними земельными участками, многолетними насаждениями, объектами искусственного происхождения.

Кроме того, актом согласования местоположения границ земельного участка и опросом заинтересованных лиц подтверждается существование сложившегося землепользования в установленных границах 15 и более лет.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 4-КАД25-4-К1

55. Установление кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости не исключает права собственника такого объекта на пересмотр его кадастровой стоимости в связи с изменением качественных и количественных характеристик в период между принятием нормативных правовых актов, утверждающих результаты проведения очередной кадастровой оценки.

Приказом министерства имущественных отношений субъекта Российской Федерации утверждена кадастровая стоимость объектов недвижимости по состоянию на 1 января 2019 г., в том числе в отношении, принадлежащих на праве собственности С. объектов. С. обратилась с соответствующими заявлениями в комиссию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости на территории субъекта Российской Федерации (далее – Комиссия), приложив отчет оценщика от 30 июля 2021 г.

По результатам рассмотрения заявлений Комиссией приняты решения от 24 августа 2021 г. об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2019 г., в ЕГРН 24 августа 2021 г. внесены соответствующие изменения.

В последующем в связи с изменением качественных и количественных характеристик объектов недвижимости актом государственного бюджетного учреждения от 24 июля 2023 г. утверждена кадастровая стоимость данных объектов по состоянию на 1 января 2019 г. с датой начала применения 10 июля 2023 г.

На основании приказа министерства имущественных отношений субъекта Российской Федерации от 13 ноября 2023 г. в рамках проведения государственной кадастровой оценки определена новая кадастровая стоимость рассматриваемых объектов недвижимости по состоянию на 1 января 2023 г. с датой начала применения 1 января 2024 г.

С. в декабре 2023 г. обратилась в суд с административным иском с заявлением об установлении кадастровой стоимости принадлежащих ей на праве собственности объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2019 г., представив отчет об оценке от 5 декабря 2023 г.

Решением суда первой инстанции на основании проведенной судебной экспертизы в соответствии с заключением эксперта от 16 февраля 2024 г. установлена кадастровая стоимость объектов недвижимости, принадлежащих С., в размере, равном их рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2019 г.

Период применения установленной кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере рыночной определен судом с 10 июля по 31 декабря 2023 г. включительно.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, производство по делу прекращено со ссылкой на пункт 1 части 1 статьи 194 КАС РФ.

При этом суды исходили из того, что С. уже реализовала свое право на пересмотр результатов определения кадастровой стоимости в отношении тех же объектов недвижимого имущества, на ту же дату и в том же размере, обратившись ранее в Комиссию, которая установила кадастровую стоимость

зданий в размере рыночной, действительную до вступления в силу нормативного правового акта, утвердившего результаты очередной кадастровой оценки, поэтому оснований для обращения в суд в порядке административного судопроизводства у нее не имелось.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу определения судов апелляционной и кассационной инстанций, указав следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (далее – Федеральный закон № 237-ФЗ) определение кадастровой стоимости вновь учтенных объектов недвижимости, ранее учтенных объектов недвижимости в случае внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о них и объектов недвижимости, в отношении которых произошло изменение их количественных и (или) качественных характеристик, в период между датой проведения последней государственной кадастровой оценки и датой проведения очередной государственной кадастровой оценки осуществляется бюджетными учреждениями в порядке, предусмотренном методическими указаниями о государственной кадастровой оценке.

Полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости объектов недвижимости на территории данного субъекта Российской Федерации, на основании приказа министерства имущественных отношений субъекта Российской Федерации наделено государственное бюджетное учреждение.

Частью 1 статьи 22 Федерального закона № 237-ФЗ установлено, что результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии в случае ее создания в субъекте Российской Федерации или в суде. Для обращения в суд предварительное обращение в комиссию не является обязательным.

Согласно части 7 статьи 22 Федерального закона № 237-ФЗ результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены в комиссии или в суде на основании установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости, определенной на дату, по состоянию на которую определена его кадастровая стоимость.

Из вышеприведенных норм следует, что кадастровая стоимость объектов недвижимости может устанавливаться не только в результате проведения очередной государственной кадастровой оценки объектов, но также в результате изменения качественных и количественных характеристик объектов в период между принятиями нормативных правовых актов, утверждающих результаты очередной кадастровой оценки.

Государственная кадастровая оценка в отношении рассматриваемых объектов проводилась в данном субъекте Российской Федерации в 2019 и 2023 годах, ее результаты утверждены приказами министерства имущественных отношений субъекта Российской Федерации (по состоянию на 1 января 2019 г. и на 1 января 2023 г. соответственно).

Между указанными датами проведения государственных кадастровых оценок в связи с изменением качественных и количественных характеристик объектов недвижимости была установлена оспариваемая кадастровая стоимость на основании акта государственного бюджетного учреждения от 24 июля 2023 г.

На 20 декабря 2023 г., то есть на дату обращения административного истца в суд с административным исковым заявлением об определении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2019 г., действовала оспариваемая кадастровая стоимость, установленная на основании вышеуказанного акта государственного бюджетного учреждения. Период ее применения установлен с 10 июля по 31 декабря 2023 г.

Кадастровая стоимость объектов недвижимости в размере рыночной, установленная решениями Комиссии в 2021 году, действовала в период между датами проведения последней и очередной государственной кадастровой оценки, до принятия акта государственного бюджетного учреждения от 24 июля 2023 г., установившего в соответствии с требованиями статьи 16 Федерального закона № 237-ФЗ новую кадастровую стоимость объектов, действующую до 1 января 2024 г., что исключает повторность оспаривания кадастровой стоимости этих объектов.

Таким образом, вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что С. еще в 2021 году реализовала свое право на пересмотр результатов определения кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимого имущества, утвержденных приказом министерства имущественных отношений субъекта Российской Федерации по состоянию на 1 января 2019 г., и установление рыночной стоимости объектов на основании решений Комиссии, в связи с чем спор не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, основан на неправильном применении норм материального и процессуального права.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу определения судов апелляционной и кассационной инстанций, направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 19-КАД25-4-К5

56. Аппарат уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации может быть создан только на основании соответствующего закона субъекта Российской Федерации.

Законом субъекта Российской Федерации об уполномоченном по правам человека (далее – Закон об Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации) учреждена поименованная должность

в соответствии с Федеральным законом от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 48-ФЗ).

Статьей 14 названного закона установлено, что обеспечение деятельности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (далее также – Уполномоченный по правам человека) осуществляет его рабочий аппарат, создаваемый в порядке, установленном Правительством субъекта Российской Федерации.

Правительством субъекта Российской Федерации принято постановление о порядке создания рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, рабочего аппарата Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, рабочего аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации (далее – постановление Правительства субъекта Российской Федерации).

Подпунктом 1.1 пункта 1 названного нормативного правового акта определено, что рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации является структурным подразделением областного бюджетного учреждения «Управление делами Администрации», директор которого назначает и освобождает от должности сотрудников рабочего аппарата Уполномоченного по представлению Уполномоченного по правам человека, а также утверждает Положение о рабочем аппарате по согласованию с Уполномоченным по правам человека.

Кадровое и финансовое обеспечение деятельности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации осуществляется Администрацией субъекта Российской Федерации (пункт 2 постановления Правительства субъекта Российской Федерации).

Пунктом 3 постановления Правительства субъекта Российской Федерации рабочему аппарату Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, рабочему аппарату Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, рабочему аппарату Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации, Министерству финансов и бюджетного контроля субъекта Российской Федерации, Администрации субъекта Российской Федерации, бюджетному учреждению субъекта Российской Федерации «Управление делами Администрации» поручено осуществить в установленном порядке мероприятия, связанные с реализацией этого постановления.

Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации обратился в суд с административным иском о признании не действующими со дня вступления решения суда в законную силу статьи 14 Закона об Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации и приведенных выше норм постановления

Правительства субъекта Российской Федерации в части, касающейся Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации и его рабочего аппарата, ссылаясь на их несоответствие положениям нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административное исковое заявление оставлено без удовлетворения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты, указав следующее.

Конституцией Российской Федерации определено, что система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом (часть 1 статьи 77).

Правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации закреплен Законом № 48-ФЗ, согласно положениям которого для обеспечения деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в соответствии с законом субъекта Российской Федерации может быть создан аппарат уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации; обеспечение деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации и его аппарата осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджета субъекта Российской Федерации (части 1 и 2 статьи 18).

В силу части 2 статьи 1 Закона № 48-ФЗ, Указа Президента Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 975 «Об утверждении перечня типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации» и Закона об Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации является государственной должностью субъекта Российской Федерации.

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации») установлено, что система органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации определяется ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации, названным законом, другими федеральными законами (часть 5 статьи 1).

При этом законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения (часть 2 статьи 3).

Законодатель, регламентируя в статье 37 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» вопросы об иных государственных органах субъекта Российской Федерации, предусмотрел в части 2 право субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральными законами учреждать конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

В части 5 названной выше статьи указано, что правовое положение, порядок формирования, задачи и полномочия государственных органов субъектов Российской Федерации и их должностных лиц, гарантии их деятельности определяются Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации.

Однако, как следует из содержания статьи 14 Закона об Уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации, региональный законодатель, гарантировав Уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации обеспечение его деятельности путем создания рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, установил порядок создания указанного аппарата нормативным правовым актом Правительства субъекта Российской Федерации, являющегося высшим исполнительным органом области.

Таким образом, анализ приведенных законоположений в системном единстве с нормами части 1 статьи 18 Закона № 48-ФЗ, согласно которым аппарат уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации может быть создан в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, подтверждает довод административного истца о несоответствии федеральным правовым предписаниям содержания названной выше статьи регионального закона.

Не согласуется с федеральным правовым регулированием заключение судов о необоснованности требований о признании недействующими оспариваемых норм постановления Правительства субъекта Российской Федерации, определяющих статус рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации как структурного подразделения областного бюджетного учреждения, об осуществлении кадрового и финансового обеспечения администрацией субъекта Российской Федерации и возлагающих на рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации обязанность осуществить мероприятия по реализации названного постановления.

Отказывая в удовлетворении административного иска в этой части, суды первой и апелляционной инстанций не учли, что уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации – лицо, занимающее государственную должность субъекта Российской Федерации, является самостоятельным субъектом общественных отношений, эта должность учреждается в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, его деятельность дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека и гражданина (части 1–3 статьи 1 Закона № 48-ФЗ).

Из этого следует, что правовая природа рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации производна от правового положения уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, то есть Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации и его рабочий аппарат являются государственным органом, а порядок создания рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации и осуществления его деятельности не должен нарушать принципы, в соответствии с которыми Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации реализует возложенные на него полномочия.

Принимая во внимание, что рабочий аппарат уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации создается для обеспечения деятельности лица, занимающего государственную должность, в его состав наряду с другими работниками не могут не входить государственные гражданские служащие.

Такой вывод следует из понятия государственной гражданской службы, данного в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (абзацы пятый и седьмой пункта 1 статьи 1).

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и приняла новое решение, которым удовлетворила административное исковое заявление.

Определение № 39-КАД25-2-К1

Применение положений законодательства об административных правонарушениях

57. Управление водителем транспортным средством с ранее выданными на него государственными регистрационными знаками после прекращения государственного учета этого транспортного средства образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, О. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения О. к административной ответственности) управление транспортным средством с заведомо подложными государственными регистрационными знаками влечет назначение административного наказания.

В силу пункта 11 Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностей должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Основные положения), запрещается эксплуатация транспортных средств без укрепленных на установленных местах регистрационных знаков, имеющих скрытые, поддельные, измененные номера узлов и агрегатов или регистрационные знаки.

В ходе производства по делу было установлено, что водитель О. в нарушение требований пункта 11 Основных положений управлял транспортным средством с заведомо подложными государственными регистрационными знаками, поскольку с даты, предшествовавшей дате выявления факта управления О. данным транспортным средством, его государственный учет был прекращен на основании заявления собственника – О.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 18 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» государственный учет транспортного средства прекращается по заявлению владельца транспортного средства.

Правилами государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», определено, что при прекращении государственного учета транспортного средства в соответствии с пунктами 56, 58–60 названных правил государственные регистрационные знаки, за исключением принятых регистрационными подразделениями на сохранение, и регистрационные документы признаются недействительными

и вносятся регистрационным подразделением в соответствующие розыскные учеты утраченной специальной продукции Госавтоинспекции (пункт 61).

В соответствии с разъяснениями, изложенными в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», под подложными государственными регистрационными знаками следует понимать соответствующие техническим требованиям государственные регистрационные знаки (в том числе один из них), отличные от внесенных в регистрационные документы данного транспортного средства (например, выдававшиеся на данное транспортное средство ранее (до внесения изменений в регистрационные документы транспортного средства), либо выданные на другое транспортное средство, либо не выдававшиеся в установленном порядке).

Следовательно, управление О. транспортным средством с ранее выданными на него государственными регистрационными знаками после прекращения государственного учета этого транспортного средства образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.2 КоАП РФ.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 83-АД25-1-К1

58. Заключение региональным отделением политической партии договора на распространение агитационных материалов в период проведения выборов не исключает возможности привлечения его к административной ответственности за распространение в указанный период агитационных материалов с нарушением требований, установленных законодательством о выборах и референдумах, если этим отделением не приняты все зависящие от него меры по соблюдению требований законодательства, в том числе посредством осуществления контроля за надлежащим исполнением условий заключенного договора.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, региональное отделение политической партии (далее также – Отделение) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 5.12 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

Частью 1 статьи 5.12 КоАП РФ установлена административная ответственность за изготовление или распространение в период подготовки и проведения выборов, референдума печатных, аудиовизуальных и иных

агитационных материалов с нарушением требований, установленных законодательством о выборах и референдумах.

В силу подпунктов «в», «г» пункта 3 статьи 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) предвыборная агитация, агитация по вопросам референдума может проводиться посредством изготовления и распространения, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов, иными не запрещенными законом методами.

Согласно положениям пункта 9⁴ статьи 48 Федерального закона № 67-ФЗ агитационный материал избирательного объединения, выдвинувшего на соответствующих выборах кандидата (в том числе в составе списка кандидатов), являющегося иностранным агентом, либо кандидатом, аффилированным с иностранным агентом, должен содержать информацию о том, что избирательным объединением выдвинут (в том числе в составе списка кандидатов) такой кандидат.

Аналогичные требования к порядку проведения предвыборной агитации установлены частью 9³ статьи 46 областного закона о выборах депутатов представительного органа муниципального образования.

В силу требований пункта 6 статьи 54 Федерального закона № 67-ФЗ и части 6 статьи 52 указанного областного закона распространение агитационных материалов с нарушением требований, установленных пунктом 9⁴ статьи 48 Федерального закона № 67-ФЗ и частью 9³ статьи 46 областного закона о выборах депутатов представительного органа муниципального образования, запрещается.

Решением представительного органа муниципального образования назначены выборы депутатов.

Постановлением территориальной избирательной комиссии зарегистрирован список кандидатов в депутаты представительного органа муниципального образования, выдвинутый избирательным объединением – региональным отделением политической партии, по единому избирательному округу; в указанный список включена Ч., сведения о которой содержатся в едином реестре физических лиц, аффилированных с иностранными агентами.

В территориальную избирательную комиссию избирательным объединением – региональным отделением политической партии представлено уведомление об изготовлении агитационного печатного материала с представлением экземпляра печатного агитационного материала, состоящего из десяти страниц (полос), в котором на страницах 5 и 6, представляющих собой отдельный лист, размещена информация, предусмотренная пунктом 9⁴ статьи 48 Федерального закона № 67-ФЗ и частью 9³ статьи 46 областного закона о выборах депутатов

представительного органа муниципального образования, о выдвижении избирательным объединением кандидата (в составе списка кандидатов), являющегося кандидатом, аффилированным с иностранным агентом.

Между тем было установлено, что в период проведения выборов депутатов представительного органа муниципального образования избирательное объединение – региональное отделение политической партии на лестничных площадках первых этажей подъездов жилого дома допустило распространение экземпляров указанного агитационного печатного материала, не содержащего страницы 5 и 6 с информацией о выдвижении избирательным объединением кандидата, аффилированного с иностранным агентом.

Таким образом, в период проведения выборов Отделение допустило распространение агитационных материалов с нарушением требований, установленных пунктом 9⁴ статьи 48 Федерального закона № 67-ФЗ и частью 9³ статьи 46 областного закона о выборах депутатов представительного органа муниципального образования, совершив тем самым административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 5.12 КоАП РФ.

При этом заключение региональным отделением политической партии с Ш. возмездного договора о распространении печатных агитационных материалов по почтовым ящикам само по себе не свидетельствует об отсутствии в действиях (бездействии) Отделения состава соответствующего административного правонарушения.

Бездействие регионального отделения политической партии, не принявшего, несмотря на имевшуюся возможность, всех зависящих от него мер по соблюдению требований законодательства, в том числе посредством осуществления контроля за надлежащим исполнением Ш. условий договора, обоснованно квалифицировано по части 1 статьи 5.12 КоАП РФ.

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 84-АД25-1-К3

59. Невыполнение главой администрации муниципального образования предъявленного в пределах полномочий, установленных уголовно-процессуальным законодательством, требования (запроса) следователя о представлении характеристики на проживающее на территории данного муниципального образования лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, влечет административную ответственность по статье 17.7 КоАП РФ.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного

суда общей юрисдикции, глава администрации сельского поселения (далее также – должностное лицо) Н. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Статьей 17.7 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

В соответствии с частью 1 и пунктом 3 части 2 статьи 38 УПК РФ следователь в пределах установленной для него компетенции вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Согласно пункту 3 части 1 статьи 73 УПК РФ обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу.

В силу части 4 статьи 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

В ходе производства по делу было установлено, что старшим следователем с целью сбора характеризующих данных на подозреваемого Ж., в отношении которого возбуждено уголовное дело, на основании части 4 статьи 21 УПК РФ на имя главы администрации сельского поселения направлен запрос о представлении в максимально короткий срок характеристики на Ж., проживающего на территории данного сельского поселения.

Указанный запрос администрацией сельского поселения получен, однако запрашиваемая информация, необходимая следователю для осуществления производства по уголовному делу, не была представлена.

Таким образом, глава администрации сельского поселения Н. умышленно не выполнил требование следователя, вытекающее из его полномочий, установленных УПК РФ, совершив тем самым административное правонарушение, предусмотренное статьей 17.7 КоАП РФ.

Доводы Н. о том, что запрос был сделан в рамках производства по уголовному делу, тогда как статьей 17.7 КоАП РФ установлена административная ответственность за невыполнение требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, признаны несостоятельными.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ, заключается в умышленном невыполнении требований как прокурора, следователя и дознавателя, так и должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Диспозиция данной статьи относит следователя к должностным лицам, осуществляющим производство по делу, что вытекает из его полномочий, установленных федеральным законом.

Требование старшего следователя об истребовании из администрации сельского поселения характеризующих сведений на подозреваемое лицо, проживающее на территории данного сельского поселения, вытекает из его полномочий, установленных УПК РФ, а потому являлось законным и обязательным для исполнения администрацией в лице ее главы.

Таким образом, действия должностного лица Н., не исполнившего свои служебные обязанности надлежащим образом и умышленно не выполнившего законное требование следователя, вытекающее из его полномочий, установленных федеральным законом, обоснованно квалифицированы по статье 17.7 КоАП РФ.

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 57-АД25-1-К1

60. Договор купли-продажи транспортного средства не является достаточным доказательством факта нахождения данного транспортного средства во владении (пользовании) покупателя в момент автоматической фиксации административного правонарушения в области дорожного движения в случае, если продавец указан в качестве владельца в регистрационных данных транспортного средства, и он не инициировал в установленном порядке прекращение государственного учета транспортного средства в связи с его отчуждением.

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения решением должностного лица вышестоящего органа, решением судьи городского суда, решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Т. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 12.12 КоАП РФ, с назначением административного наказания.

Частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Т. к административной ответственности) предусмотрена административная ответственность за проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест

регулирующего, за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 12.10 и частью 2 статьи 12.12 КоАП РФ.

Согласно части 3 статьи 12.12 КоАП РФ повторное совершение указанного административного правонарушения влечет административное наказание.

Положениями части 1 статьи 2.6¹ КоАП РФ установлено, что к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств.

В ходе производства по делу было установлено, что водитель транспортного средства, собственником (владельцем) которого является Т., в нарушение требований пункта 6.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, совершил проезд на запрещающий сигнал светофора.

Это нарушение зафиксировано специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме.

Ранее постановлением должностного лица, вступившим в законную силу и исполненным, Т. привлекалась к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.12 КоАП РФ.

Данные обстоятельства послужили основанием для привлечения Т. к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 12.12 КоАП РФ.

Согласно части 3 статьи 1.5 названного кодекса лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к данной статье.

Примечанием к статье 1.5 КоАП РФ установлено, что положение ее части 3 не распространяется на административные правонарушения, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Вместе с тем представленные Т. копии договора купли-продажи транспортного средства и выписки с сайта Российского союза автостраховщиков, как указано вышестоящим должностным лицом и судьями нижестоящих судов, не являлись достаточными доказательствами, свидетельствующими о том, что транспортное средство в момент

автоматической фиксации административного правонарушения выбыло из владения Т.

При этом согласно карточке учета транспортного средства его владельцем являлась Т.

В силу пункта 2 части 1 статьи 18 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» государственный учет транспортного средства прекращается по заявлению прежнего владельца транспортного средства в случае, если новый владелец данного транспортного средства в течение десяти дней со дня его приобретения не обратился в регистрационное подразделение для внесения соответствующих изменений в регистрационные данные транспортного средства.

Пунктом 57 постановления Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» установлено, что прекращение государственного учета транспортного средства в случае его отчуждения осуществляется регистрационным подразделением на основании заявления прежнего владельца транспортного средства и предъявления им документов о заключении сделки, направленной на отчуждение транспортного средства, при условии отсутствия подтверждения регистрации транспортного средства за новым владельцем.

Сведения о том, что Т. с момента заключения договора купли-продажи до привлечения ее к административной ответственности по части 3 статьи 12.12 КоАП РФ обращалась в уполномоченный орган с заявлением о прекращении государственного учета транспортного средства в связи с его отчуждением, не были представлены.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся актов не установлено.

Постановление № 48-АД25-1-К7

61. При рассмотрении дела об административном правонарушении, выразившемся в несоблюдении требований дорожного знака, необходимо проверять факт установки такого знака в соответствии с требованиями действующего законодательства и наличие сведений о данном знаке на схеме (проекте) организации дорожного движения.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Г. признан виновным в совершении

административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Г. к административной ответственности) выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 этой статьи, влечет назначение административного наказания.

Частью 5 статьи 12.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за повторное совершение указанного административного правонарушения.

Согласно пункту 1.3 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения, Правила), участники дорожного движения обязаны знать и соблюдать относящиеся к ним требования Правил, сигналов светофоров, знаков и разметки, а также выполнять распоряжения регулировщиков, действующих в пределах предоставленных им прав и регулирующих дорожное движение установленными сигналами.

В соответствии с Правилами дорожного движения в зоне действия дорожного знака 3.20 «Обгон запрещен» приложения 1 к Правилам запрещается обгон всех транспортных средств, кроме тихоходных транспортных средств, гужевых повозок, велосипедов, мопедов и двухколесных мотоциклов без бокового прицепа.

Основанием для привлечения Г. к административной ответственности послужили выводы о том, что он, управляя транспортным средством, в нарушение требований пункта 1.3 Правил дорожного движения в зоне действия дорожного знака 3.20 «Обгон запрещен» выехал на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, и совершил обгон транспортного средства.

Соответствующие действия совершены им повторно.

Согласно части 4 статьи 16 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ) в состав документации по организации дорожного движения включаются комплексные схемы организации дорожного движения и (или) проекты организации дорожного движения, включающие информацию о технических средствах организации дорожного движения.

Дорожные знаки согласно пункту 10 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ относятся к техническим средствам организации дорожного движения. Данные знаки устанавливаются на дорогах с целью информирования участников дорожного движения об

условиях и режимах движения (ГОСТ Р 52290-2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования (утвержден и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 15 декабря 2004 г. № 121-ст).

При этом размещение на дороге технических средств организации дорожного движения, не предусмотренных документацией по организации дорожного движения, не допускается (часть 7 статьи 11 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ).

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в том случае, если объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, выражается в выезде на полосу, предназначенную для встречного движения, в нарушение требований дорожного знака или дорожной разметки, при рассмотрении дела необходимо иметь в виду, что такой знак/разметка (в том числе временные) должен/должна быть установлен/нанесена в соответствии с законодательством Российской Федерации и зафиксирован/зафиксирована на схеме (проекте) организации дорожного движения (в том числе временных).

В жалобах на постановление о назначении административного наказания Г. последовательно указывал на отсутствие в представленной в материалы дела схеме дислокации дорожных знаков дорожного знака 3.20 «Обгон запрещен», что свидетельствует об отсутствии доказательств установки указанного дорожного знака в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Однако при рассмотрении жалоб судьи нижестоящих судебных инстанций ограничились указанием на фактическое наличие дорожного знака, не оценив, установлен ли он в соответствии с законодательством Российской Федерации и зафиксирован ли он в проекте организации дорожного движения на момент совершения административного правонарушения.

С учетом указанных обстоятельств состоявшиеся в отношении Г. судебные акты отменены, дело возвращено на новое рассмотрение в городской суд.

Постановление № 53-АД25-7-К8

62. Рассмотрение жалобы потерпевшего, являющегося физическим лицом и не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, на определение об отказе в возбуждении в отношении юридического лица дела об административном правонарушении, связанном

с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, относится к полномочиям арбитражного суда.

Определением должностного лица антимонопольного органа, оставленным без изменения решением вышестоящего должностного лица, в отношении Общества отказано в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 9.21 КоАП РФ, на основании пункта 1 части 1 статьи 24.5 данного кодекса.

Частью 1 статьи 9.21 КоАП РФ (в редакции Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 250-ФЗ) установлена административная ответственность за нарушение субъектом естественной монополии правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа или установленного порядка подключения (технологического присоединения) к магистральным нефтепроводам и (или) магистральным нефтепродуктопроводам, электрическим сетям, тепловым сетям, газораспределительным сетям или централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и водоотведения, либо нарушение собственником или иным законным владельцем объекта электросетевого хозяйства правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, либо препятствование собственником или иным законным владельцем водопроводных и (или) канализационных сетей транспортировке воды по их водопроводным сетям и (или) транспортировке сточных вод по их канализационным сетям.

Не согласившись с названными определением и решением должностных лиц антимонопольного органа, П. подала на них жалобу в районный суд.

В рамках производства по жалобе судья районного суда, признав, что она подлежит разрешению в порядке арбитражного судопроизводства, и установив, что определение и решение должностных лиц антимонопольного органа также обжалованы П. в арбитражный суд, прекратил производство по жалобе.

Определение судьи районного суда оставлено без изменения определением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

Определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, связанном с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством (части 3, 4 статьи 30.1 КоАП РФ).

Статьей 207 АПК РФ предусмотрено, что дела об оспаривании решений государственных органов, иных органов, должностных лиц, уполномоченных в соответствии с КоАП РФ рассматривать дела об

административных правонарушениях, о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными в главе 25 этого кодекса и федеральном законе об административных правонарушениях (часть 1).

Производство по делам об оспаривании решений административных органов возбуждается на основании заявлений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, а также на основании заявлений потерпевших (часть 2).

Подведомственность таких споров не ставится в зависимость от статуса потерпевшего, а определяется компетенцией арбитражного суда по рассмотрению заявлений об оспаривании решения административного органа по вопросу о привлечении (отказе в привлечении) лица к административной ответственности либо заявлений соответствующего органа о привлечении лица к административной ответственности.

С учетом того что административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 9.21 КоАП РФ, о совершении которого П. просила уполномоченный орган возбудить в отношении Общества дело, связано с осуществлением им предпринимательской или иной экономической деятельности, судья районного суда обоснованно указал, что рассмотрение жалобы П. на определение и решение должностных лиц антимонопольного органа относится к подведомственности арбитражного суда.

При этом П. также было подано заявление об оспаривании определения и решения должностных лиц антимонопольного органа в арбитражный суд. Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного П. требования отказано. Определением Верховного Суда Российской Федерации П. отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

При изложенных обстоятельствах состоявшиеся по делу судебные акты судей судов общей юрисдикции, вынесенные в порядке обжалования определения и решения должностных лиц антимонопольного органа, оставлены без изменения.

Постановление № 67-АД25-3-К8

63. Требование о наличии у должностного лица доверенности, содержащей полномочие на составление протокола об административном правонарушении, не основано на законе.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, директор Общества К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 11 статьи 15.23¹ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи и решение судьи районного суда отменены, производство по делу об административном правонарушении в отношении К. прекращено на основании пункта 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесены указанные судебные акты.

В ходе производства по делу было установлено, что директор Общества К. в нарушение требований пункта 1 статьи 34, пункта 1 статьи 36 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и пункта 12.4 Устава Общества уклонился от созыва очередного общего собрания участников Общества за соответствующий год.

Данное обстоятельство послужило основанием для составления в отношении К. должностным лицом территориального учреждения Банка России М. протокола об административном правонарушении, предусмотренном частью 11 статьи 15.23¹ КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, а равно нарушение требований федеральных законов к порядку созыва, подготовки и проведения общих собраний участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью, и для последующего привлечения директора Общества к административной ответственности по названной норме.

Отменяя состоявшиеся по делу акты судей нижестоящих судов, судья кассационного суда общей юрисдикции признал протокол об административном правонарушении недопустимым доказательством, посчитав, что он составлен неуполномоченным должностным лицом.

При этом судья кассационного суда общей юрисдикции исходил из того, что согласно представленным в материалы дела доверенностям должностные лица Банка России Э., Я. и М. наделены полномочиями по представлению интересов Банка России при производстве по делам об административных правонарушениях, возбужденным в отношении Банка России, и не имеют полномочий на составление протокола об административном правонарушении.

Однако выводы судьи кассационного суда общей юрисдикции о том, что полномочиями на возбуждение дел и составление протоколов об административных правонарушениях наделяются должностные лица Банка

России на основании соответствующей доверенности, признаны необоснованными.

В соответствии с пунктом 81 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 11 статьи 15.23¹ КоАП РФ, вправе составлять должностные лица Банка России.

Согласно части 4 статьи 28.3 КоАП РФ перечень должностных лиц, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях в соответствии с частями 1, 2, 3 и 6² данной статьи, устанавливается соответственно уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Банком России в соответствии с задачами и функциями, возложенными на указанные органы федеральным законодательством.

Подпунктом 1.2 пункта 1 указания Банка России от 29 июля 2022 г. № 6210-У «О перечне должностных лиц Банка России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» установлено, что протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 11 статьи 15.23¹ КоАП РФ, уполномочены составлять руководители территориальных учреждений Банка России, их заместители, а также должностные лица юридических подразделений территориальных учреждений Банка России, уполномоченные приказами территориальных учреждений Банка России за подписью руководителей указанных учреждений.

Исполняющим обязанности управляющего территориального учреждения Банка России Ц. во исполнение упомянутого выше указания Банка России издан приказ о перечне должностных лиц территориального учреждения, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях.

В данный перечень включено должностное лицо территориального учреждения Банка России М.

Указанные обстоятельства оставлены судьей кассационного суда общей юрисдикции без внимания и не получили правовой оценки.

Требования об осуществлении полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях на основании доверенности в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствуют.

При таких обстоятельствах постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции отменено, дело направлено на новое рассмотрение в кассационный суд общей юрисдикции.

Постановление № 127-АД25-9-К4

64. Положения статьи 4.1² КоАП РФ, предусматривающие возможность назначения субъектам малого и среднего предпринимательства административного штрафа в меньшем размере, не применяются при назначении таким субъектам наказания

за совершение административного правонарушения, выражающегося в неисполнении принимающей стороной обязанностей в связи с осуществлением миграционного учета (часть 4 статьи 18.9 КоАП РФ).

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 18.9 КоАП РФ, и подвергнуто наказанию в виде административного штрафа.

Частью 4 статьи 18.9 КоАП РФ установлена административная ответственность за неисполнение принимающей стороной обязанностей в связи с осуществлением миграционного учета, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

В соответствии с частью 3 статьи 23 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» при убытии иностранного гражданина из гостиницы или из иной организации, оказывающей гостиничные услуги, из санатория, дома отдыха, пансионата, детского оздоровительного лагеря, с туристской базы, из кемпинга, медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или организации социального обслуживания администрация указанных организаций обязана не позднее двенадцати часов дня, следующего за днем убытия данного иностранного гражданина, в установленном порядке уведомить об этом орган миграционного учета.

Общество, осуществлявшее гостиничные услуги и являвшееся принимающей стороной для гражданина Республики Узбекистан К., после убытия названного иностранного гражданина из гостиницы не исполнило обязанность по представлению в орган миграционного учета уведомления об убытии иностранного гражданина.

Бездействие Общества квалифицировано по части 4 статьи 18.9 КоАП РФ, назначено минимальное наказание, установленное санкцией данной нормы.

Доводы жалобы законного представителя Общества со ссылкой на статью 4.1² КоАП РФ о необходимости назначения административного штрафа в размере от половины минимального размера до половины максимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией части 4 статьи 18.9 КоАП РФ, поскольку Общество включено в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, правомерно отклонены судьей кассационного суда общей юрисдикции.

В части 4 статьи 4.1² КоАП РФ закреплено, что правила данной статьи не применяются при назначении административного наказания в виде административного штрафа за административные правонарушения, за совершение которых в соответствии со статьями раздела II КоАП РФ лица,

осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.

Согласно примечанию 1 к статье 18.1 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные этой статьей и иными статьями главы 18 данного кодекса, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в связи с осуществлением ими указанной деятельности несут административную ответственность как юридические лица, за исключением случаев, если в соответствующих статьях главы 18 КоАП РФ установлены специальные правила об административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, отличающиеся от правил об административной ответственности юридических лиц.

Статьей 18.9 КоАП РФ специальные правила об административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, отличающиеся от правил об административной ответственности юридических лиц, не установлены, в связи с чем правовых оснований для применения положений статьи 4.1² КоАП РФ при рассмотрении вопроса о размере наказания, подлежащего назначению Обществу за совершение указанного противоправного деяния, не имелось.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся актов не установлено.

Постановление № 5-АД25-39-К2

65. В случае выявления в ходе проверки, проведенной органами прокуратуры, нескольких административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статьи) раздела II КоАП РФ либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, назначение административного наказания за их совершение осуществляется с учетом правил, установленных частью 6 статьи 4.4 КоАП РФ.

Межрайонной природоохранной прокуратурой с привлечением в качестве специалиста должностного лица административного органа в ходе выездного этапа проверки при осмотре карт захоронения отходов на территории полигона, эксплуатируемого Обществом, установлено, что им размещаются отходы, запрещенные к захоронению в силу положений пункта 8 статьи 12 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

По факту указанного нарушения межрайонным природоохранным прокурором вынесено постановление о возбуждении в отношении Общества дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 8.2 КоАП РФ.

По результатам разрешения дела должностным лицом административного органа вынесено постановление о признании Общества виновным в совершении данного административного правонарушения с назначением административного наказания.

Судья районного суда, рассмотрев жалобу, поданную защитником Общества на постановление должностного лица о назначении административного наказания, установил, что в рамках прокурорской проверки соблюдения Обществом требований законодательства при эксплуатации полигона выявлены административные правонарушения, предусмотренные статьей 8.1, частью 4 статьи 8.2, частью 2 статьи 8.4, статьей 8.41 КоАП РФ, за совершение каждого из которых Общество привлечено к административной ответственности с назначением административного наказания по общему правилу, предусмотренному частью 1 статьи 4.1, частью 1 статьи 4.4 названного кодекса.

По итогам рассмотрения данной жалобы судья районного суда вынес решение об отмене постановления должностного лица о назначении административного наказания с возвращением дела в административный орган на новое рассмотрение. Основанием для отмены названного постановления послужило неразрешение должностным лицом вопроса о возможности применения положений частей 2, 5, 6 статьи 4.4 КоАП РФ, которыми установлены специальные правила назначения административного наказания в случае совершения лицом одного действия (бездействия), содержащего составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями КоАП РФ, а также назначения наказания при выявлении в рамках одного контрольного (надзорного) мероприятия нескольких административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной и той же либо разными статьями (частями статьи) КоАП РФ.

Судья суда субъекта Российской Федерации по результатам разрешения жалобы, поданной должностным лицом, вынесшим постановление о назначении административного наказания, на решение судьи районного суда, отменил данный акт с возвращением дела на новое рассмотрение в тот же суд.

При вынесении этого решения судья суда субъекта Российской Федерации сделал вывод о том, что проведенная в рамках осуществления надзора за исполнением законов прокурорская проверка не относится к государственному контролю (надзору), муниципальному контролю, в связи с чем основания для назначения Обществу административного наказания по правилам части 6 статьи 4.4 КоАП РФ отсутствовали.

Судья кассационного суда общей юрисдикции не нашел оснований для признания решения судьи суда субъекта Российской Федерации незаконным, оставил данный акт без изменения, поддержав изложенные в нем суждения.

Вместе с тем в соответствии с частью 6 статьи 4.4 КоАП РФ, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе

осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статьи) раздела II названного кодекса либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, при назначении административного наказания за совершение указанных административных правонарушений применяются правила назначения административного наказания, предусмотренные частями 2–4 данной статьи.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 18 июля 2024 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положения части 1³⁻³ статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НТСИ Телеком» указал, что ограничительное толкование оспариваемого положения применительно к выявленным в ходе осуществления прокурорского надзора правонарушениям ставит в различное правовое положение привлекаемых к административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности, правонарушения которых состоят в несоблюдении одних и тех же обязательных требований, но выявлены в рамках исполнения государственных контрольных функций различного вида: мероприятий ведомственного государственного контроля (надзора), с одной стороны, и прокурорской проверки при осуществлении прокурорского надзора – с другой.

Конституционный Суд Российской Федерации также признал, что однозначное понимание статуса прокуратуры как компетентного субъекта государственного контроля (надзора) – в совокупности с ее полномочием проводить проверки, которые по характеру и степени воздействия на деятельность проверяемого лица могут быть сопоставимы с предусмотренными законодательством о контроле (надзоре) контрольными (надзорными) мероприятиями (действиями), – в системе существующего правового регулирования, во всяком случае, не может игнорироваться при решении вопроса о распространении на лиц, административные правонарушения которых были выявлены в ходе проверки, проведенной органами прокуратуры, тех льготных условий, которые законодатель связывает с выявлением административного правонарушения при осуществлении контроля (надзора).

Данный подход необходимо использовать также при решении вопроса о применении установленных частью 6 статьи 4.4 КоАП РФ правил назначения административного наказания в случаях, когда административные правонарушения выявлены в ходе проверки, проведенной органами прокуратуры.

С учетом позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в указанном постановлении, нельзя признать, что предусмотренное этой нормой специальное правило назначения

административного наказания распространяется только на случаи, когда административное правонарушение выявлено в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Понятие «государственный контроль (надзор)» необходимо толковать, не ограничивая его рамками действия названных законов. Иное означало бы нарушение одного из основополагающих принципов – принципа равенства всех перед законом, закрепленного в статье 1.4 КоАП РФ.

При таких обстоятельствах решение судьи суда субъекта Российской Федерации, постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, а также последующие судебные акты судьей Верховного Суда Российской Федерации отменены.

Постановление № 69-АД25-2-К7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

66. Обстоятельства, связанные с получением копии обжалуемого судебного акта, нахождением на лечении и прохождением медицинской реабилитации, подлежат учету при разрешении вопроса об уважительности причин пропуска срока подачи кассационной жалобы.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, отказано в удовлетворении административного иска И. об оспаривании заключения военно-врачебной комиссии об определении тяжести увечья.

Определением судьи кассационного военного суда И. отказано в удовлетворении заявления о восстановлении срока на подачу кассационной жалобы на решение и апелляционное определение, кассационная жалоба возвращена без рассмотрения по существу.

Судья Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев в порядке статьи 327¹ КАС РФ кассационную жалобу административного истца, определение судьи кассационного военного суда отменил, восстановил срок обжалования в кассационном порядке указанных судебных актов гарнизонного и окружного военных судов, дело с кассационной жалобой направил в кассационный военный суд для рассмотрения.

В обоснование принятого решения судьей указано следующее.

В силу части 3 статьи 318 КАС РФ срок подачи кассационных жалобы, представления, пропущенный по уважительной причине лицом, обратившимся с такими жалобой, представлением, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по заявлению указанного лица может быть восстановлен судом кассационной инстанции только в том случае, если обстоятельства, послужившие причиной его пропуска, имели место в период не позднее двенадцати месяцев со дня вступления обжалуемого судебного акта в законную силу.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», к указанным обстоятельствам, в частности, могут относиться тяжелая болезнь, беспомощное состояние, уход за тяжело больным членом семьи, иные относящиеся к личности заявителя обстоятельства, а также другие независящие от лица обстоятельства, в силу которых оно было лишено возможности своевременно обратиться с кассационной жалобой в суд (например, введение режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части).

Апелляционное определение, которым оставлено без изменения решение суда первой инстанции по административному исковому заявлению И., принято 21 мая 2024 г.

Копия мотивированного апелляционного определения направлена посредством почтовой связи административному истцу по указанному И. адресу 13 июня 2024 г. и получена им 21 июня 2024 г. Предусмотренный частью 2 статьи 318 КАС РФ срок истек 21 ноября 2024 г.

Кассационная жалоба административного истца согласно почтовому штемпелю сдана в отделение связи 12 декабря 2024 г.

Административный истец, получивший при выполнении специальных задач в зоне проведения специальной военной операции травму и в связи с этим в дальнейшем неоднократно проходивший стационарное лечение, в том числе в период с 5 июня по 19 июля 2024 г., когда была получена копия апелляционного определения, вновь находился на стационарном лечении, в ходе которого 27 июня 2024 г. был прооперирован.

С 29 августа по 18 сентября 2024 г. он проходил медицинскую реабилитацию в отдаленном от его места жительства регионе, а с 23 сентября по 10 октября 2024 г. находился на стационарном лечении и обследовании.

В соответствии с заключением военно-врачебной комиссии административный истец признан не годным к военной службе.

Приведенные обстоятельства, связанные с направлением административному истцу копии апелляционного определения и состоянием его здоровья в период течения срока обжалования судебного акта в кассационном порядке, свидетельствуют об ошибочности вывода судьи

кассационного военного суда об отсутствии уважительных причин пропуска данного срока и решения об отказе в его восстановлении.

Определение № 225-КАД25-2-К10

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС. Что следует относить к поводам для разрешения судьей вопроса о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа ввиду истечения срока давности его исполнения?

ОТВЕТ. В соответствии с пунктом 4 статьи 31.7 КоАП РФ одним из оснований прекращения исполнения постановления о назначении административного наказания, в том числе в виде административного штрафа, является истечение срока давности исполнения данного постановления.

Срок давности исполнения постановления о назначении административного наказания составляет два года со дня его вступления в законную силу; указанный срок при наличии соответствующих обстоятельств может прерываться, приостанавливаться или продлеваться (статья 31.9 КоАП РФ).

Принудительное исполнение постановлений о назначении административных наказаний в виде административных штрафов осуществляется судебными приставами-исполнителями (часть 5 статьи 32.2 КоАП РФ). В случае истечения срока давности исполнения постановления по делу об административном правонарушении независимо от его фактического исполнения судебным приставом-исполнителем выносится постановление об окончании исполнительного производства, копия которого подлежит направлению судье, вынесшему постановление по делу об административном правонарушении (пункт 3 части 2 статьи 31.10 КоАП РФ, пункт 9 части 1, часть 3, пункт 2 части 6 статьи 47 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Поступление судье указанного постановления судебного пристава-исполнителя является поводом для разрешения судьей вопроса о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания.

Кроме того, поводом для разрешения вопроса о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания ввиду истечения срока давности его исполнения следует признавать соответствующее заявление (ходатайство) заинтересованного лица (части 1 и 2 статьи 31.8 КоАП РФ).

К числу заинтересованных лиц относятся, например, лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении к административной ответственности, его законный представитель, защитник, должностное лицо, которое составило протокол об административном правонарушении (статьи 25.1, 25.3–25.5, 28.3 КоАП РФ).

Также лицами, заинтересованными в своевременном прекращении исполнения постановлений о взыскании административных штрафов при истечении сроков давности их исполнения, являются администраторы доходов бюджета по соответствующим административным штрафам, полномочия которых предусматривают, в частности, осуществление учета и контроля за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью осуществления платежей в бюджет, принятие на основании постановлений о прекращении исполнения постановлений о назначении административных наказаний решений о признании задолженностей по платежам в бюджет безнадежными к взысканию (пункты 2, 3 статьи 47², абзацы второй и восьмой пункта 2 статьи 160¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации).

При установлении факта истечения срока давности исполнения постановления о назначении административного наказания, при необходимости подтвержденного данными, полученными в результате направления запроса в соответствующее подразделение службы судебных приставов, решение о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания выносится судьей в виде мотивированного постановления (часть 4 статьи 31.8 КоАП РФ).